

ВАДИМ РУДНЕВ МЕХАНИЗМЫ ЖИЗНИ

ВАДИМ
РУДНЕВ
МЕХАНИЗМЫ
ЖИЗНИ

ВАДИМ РУДНЕВ
МЕХАНИЗМЫ ЖИЗНИ

Филологический факультет Белградского университета
Декан: *проф. д-р Лиляна Маркович*

Издание осуществлено в рамках проекта
«Литература и визуальные искусства: русско-сербский диалог»
(№ 178003), который финансируется Министерством науки
Республики Сербии

Редактор:
проф. д-р Корнелия Ичин

Художественное оформление:
Анна Неделькович

Компьютерная верстка:
Стефан Розов

ISBN 978-86-6153-415-7

Тираж 300 экз.

Издательство филологического факультета в Белграде
11000 Београд, Студентски трг 3, Република Србија

Подготовлено к печати и отпечатано в типографии «Grafičar»
31205 Сегојно, Горјани бб, Република Србија

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ
БЕЛГРАДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Вадим Руднев

МЕХАНИЗМЫ
Ж И З Н И

*Посвящается
Людмиле Йоксимович*

ОТ АВТОРА

Название этой книги может смутить читателя. Почему *механизмы* жизни, ведь жизнь есть нечто органическое. Первая ассоциация, которая приходит в голову, это введенный Анной Фрейд термин *механизмы защиты* — искусственные механизмы, защищающие наше Эго от влечений и реальности. Вторая ассоциация — одна из основных максим учения Г. И. Гурджиева: «Человек — это спящая машина». Гурджиев все считал механическим — даже сновидение. Третья ассоциация — это «АнтиЭдип» Делёза и Гваттари, которые писали о человеке, как о желаемой машине, работающей в испорченном режиме.

Но ведь мы — живые!

Но, возможно, нам это только кажется.

Эта книга посвящена обсуждению вопросов, связанных с механизмами жизни, такими, как депрессия, магическое мышление, влечение к смерти, сознание, Бог и многое другое.

Автор книги никогда не считал себя проповедником. Но если человечество пойдет по пути, который приведет к появлению подавляющего большинства людей, которые иронически в психиатрии называют органиками (личностями с органическими повреждениями в головном мозге) или людьми с так называемым органическим характером, сочетающем в себе истерика, циклоида и эпилептоида, оно может просто погибнуть как вид *homo sapiens*. Проект шизо, проект XX века, вместе с постмодернизмом исчерпал себя. Шизо делало человека *homo sapiens*. Если это больное животное, как называл человека Ницше, выздоровеет, то культуре придет конец.

И последнее. Если из-за ржавых шестерен механизмов защиты, механических сновидений, зашоренного предрассудками сознания перед глазами читателя появится хотя бы маленький росток живой зеленой травы, то цель этой книги можно будет считать отчасти достигнутой.

Я благодарен своим друзьям — парижскому филологу Ефиму Курганову, прочитавшему эту рукопись и сделавшему массу замечаний, большую часть которых я принял; моей жене профессору МГУ Татьяне Михайловой и психологу Кириллу Горелову за моральную поддержку.

Особая благодарность моему другу профессору Корнелии Ичин, без великодушной помощи которой эта книга не могла быть издана в Белграде.

Я желаю всем счастья.

Глава первая

HOMO NARRATIVUS

1.

В романе Коллинза «Лунный камень» для того чтобы понять, кто украл алмаз, устраивается эксперимент по возвращению прошлого. Время возвращается в ту ночь, когда был украден алмаз. И все повторяется. Я думаю, все читали этот роман, и нет смысла пересказывать содержание этого эпизода. Это было психологическое возвращение в прошлое. В физическом смысле это все равно было будущее. Не важно, будущее и прошлое, это почти одно и то же. Но об этом после. Главное это возвращение, феномен возвращения. Они вернулись, и стало ясно, кто украл алмаз. Возвращаются за какой-то вещью. Я возвращаюсь в Белград за счастьем. Это психологическое возвращение в будущее. Возвращение вообще не может быть физическим. Какова функция возвращения? Это преодоление депрессивной позиции у Мелани Кляйн, когда ребенку кажется, что мама ушла и больше не вернется. Когда у человека депрессия, он думает, что счастье не вернется. Но оно возвращается. Это психологическое возвращение, хотя можно было бы назвать его семиотическим. Почему устарела семиотика? Потому что делить всё на вещи и знаки стало бесполезно. Бодрийяр придумал гиперреальность. Референции больше нет. Все отсылает к самому себе. Так вот, это психологическое возвращение в прошлое или будущее в поисках утраченного счастья. Что значит «психологическое»? Давайте лучше скажем «психоаналитическое». Психология что, тоже устарела? А психоанализ нет? Психоанализ был призван вернуть прошлое. Не физическое

прошлое, а то, которое хочется пациенту. Если он вытеснил свое прошлое, попросту забыл его, значит, оно было неприятным. И теперь ему плохо от этого забытого прошлого. Надо вернуться в прошлое, в то прошлое, которого никогда не было. И тогда все пройдет. Тут важны два фрейдовских выражения *nachträglich* и *als ob*. Задним числом и как бы. Травма формируется задним числом. Прошлого не было «на самом деле». Оно было «как бы». Конечно, первоначальный психоанализ был наивен. Неприятного прошлого не помнят только истерики. Теория вытеснения не универсальна. Многих надо лечить в том направлении, чтобы они забыли. Возвращение — это не воспоминание. Кто украл алмаз, это нахтрэглих и альз об. Нет, неизвестно, кто его украл. Но они вернулись, и они счастливы.

2.

Почему человеку важно вернуться обратно? В прошлое или будущее — неважно. Туда, где его нет сейчас. В какое-то другое место и время. Настоящее растягивается. Не верно, что настоящее это точка. Для невротика настоящее это целая вечность. Вечное повторение одного и того же страдания. Вот если бы можно было вернуться туда, где было хорошо! Недаром один из самых универсальных мифов — это миф о вечном возвращении. Возвратиться хотят в утробу матери, согласно Ранку. Хотя согласно Грофу там не было ничего хорошего — динамика перинатальных матриц. Время, конечно, лабиринт, оно только кажется прямой линией. Психика скачет по нему прыжками. Человек может отключить «сознание» при помощи наркотиков или медитации и вернуться в прошлое или будущее. Человек всегда хочет информации, но не обязательно новой. Он часто хочет подтверждения старой информации, например, что его отец жив. Он получает ее во сне. Я не верю, что люди любят свое страдание, как утверждал Гурджиев. Они просто не могут выпутаться из этого лабиринта, не могут вернуться. Кажется, влечение к смерти Фрейд придумал, когда у него умерла дочь Софи. Просто человек устаёт. И ему кажется, что он не хочет больше жить. Один пациент изобрел такой тест. Когда ему было непонятно, хорошо ему или плохо, он спрашивал себя: «Ты хочешь жить?» Если бессознательное

отвечало «да», значит, все было в порядке. Если ответ был «нет», то он звонил психотерапевту. В фильме Кокто «Орфей» смерть предстает в виде прекрасной женщины. Она полюбила Орфея и пожертвовала собой, вернула жизнь ему и его глупенькой Эвридике. Но это было не подлинное возвращение. Для того чтобы возвращение, поворот осуществился, человек сам должен захотеть этого. Он говорит себе: «Все, я возвращаюсь назад». Это неточная цитата из романа современного прозаика Алексея Макушинского «Макс».

— Я поворачиваю обратно, — мне часто вспоминается теперь эта фраза, сказанная когда-то Максом. Он сказал ее совсем просто, как что-то обыкновенное и не имеющее значения, — и тем более странно прозвучала она в окружавшей нас тишине.

Он достал сигареты и закурил. Потом очень медленно, как будто все еще раздумывая или сомневаясь, повернулся и пошел обратно, туда, откуда мы пришли. Я смотрел ему вслед, ничего не понимая, не в силах справиться с изумлением. Было очень холодно, я мерз без перчаток. Лес стоял огромный, притихший, заваленный снегом. В морозном воздухе уже угадывались сумерки.

Макс шел не оборачиваясь; я догнал его.

— Но послушай, — сказал я, — ведь нас ждут...

— Кто же? — так он ответил. Можно было подумать, что он и в самом деле не знает, кто нас ждет, куда мы шли, где мы находимся. Во всяком случае, разговаривать он не желал. Окурок он бросил в снег. Где-то высоко пролетел самолет, звук его был слаб и нерешителен, он как будто боялся спугнуть тишину этих январских — нет, еще декабрьских сумерек.

Вот так это вспоминается мне сегодня: заметенный снегом лес, где темнота уже притаилась между сосен, дымок Максовой сигареты — и этот на секунду образовавшийся зазор между событием и возможностью поверить в него, эта вдруг приоткрывшаяся и потом плавно, по мере того как он удалялся в сумерках, закрывавшаяся и наконец, когда я очнулся и пошел за ним вдогонку, окончательно захлопнувшаяся дверь.

Я поворачиваю обратно.

Под стук колес повторял я эту фразу, в душном купе, бессонной железнодорожной ночью. Я уехал из Москвы, самого странного на свете города, и вот теперь здесь, в маленькой и никому не ведомой деревушке на берегу Балтийского моря — поворачиваю обратно.

Мы здесь жили когда-то вдвоем; я живу здесь теперь — один. Сейчас ранняя весна, уже тепло, позавчера в ночь растаяли последние льдины, еще лежавшие у самого берега, когда я приехал. Я подолгу гуляю, сначала вдоль моря, потом захожу в дюны, и там, перебираясь с холма на холм, можно подглядеть самые неожиданные пейзажи. Ты идешь по мягкому, обволакивающему сапоги настилу из мха и красноватобурого вереска и вдруг, поднявшись на очередной холм, видишь, за отпрянувшими соснами — море, и это подобно Бог знает откуда зазвучавшей музыке. И только возвращаясь обратно, я понимаю, что невольно и в точности повторил маршрут наших с Максом, когда-то, прогулок.

Время течет медленно. Один день похож на другой, я не считаю их. И эта неторопливость меня радует, она сродни моим теперешним занятиям. Прошрое, в которое я хочу вернуться, прошрое, которое я хочу вернуть, подается с трудом и уступает понемногу.

— Я поворачиваю обратно, — сказал Макс. Он и в самом деле остановился, закурил сигарету, посмотрел на горящую, потом погасшую спичку, потом медленно, как будто все еще раздумывая, сомневаясь, повернулся — и пошел обратно, туда, откуда мы пришли.

3.

Вот человек идет вперед, и вдруг поворачивает и идет в обратном направлении. Отчего это происходит? Что-то произошло у него внутри. Может быть, он вспомнил, что забыл дома телефон. Но я не об этом. В пьесе Пристли «Опасный поворот» в какой-то момент действие начинает разворачиваться назад и постепенно раскручиваются тайны взаимоотношений всех персонажей, о которых все и так знали, кроме главного героя, которого все это так потрясает, что он кончает с собой. Но от того момента,

где начался опасный поворот, оказывается, можно увильнуть и продолжать жить как ни в чем ни бывало. Повернуть назад и все вспомнить. Но вспомнить ничего нельзя, потому что вспоминать нечего. Ничего не было. Психоаналитик лечит пациента от его прошлого. Возврат в прошлое, когда он якобы ненавидел своего отца, почему-то приносит облегчение. Создается некая история, крайне неприятная. Предполагается, что если ее вспомнить, то наступит облегчение страдания. Но самые интересные большие случаи Фрейда, как известно, были неудачными. По-видимому, можно сказать, что прошлого и будущего вообще нет. Есть только бесконечно длящееся настоящее. «И завтра то же, что вчера». Когда он это понял, ему все надоело. Он уехал в деревню и там встретил девушку. Она ему написала письмо. И так далее. «А может быть и то: поэта / Обыкновенный ждал удел...» Если нет прошлого и будущего, то второе начало термодинамики бессмысленно. Никакая энтропия не накапливается. *Времени вообще нет*. Есть только многомерные пространства. Поэтому можно возвращаться и в завтра, и во вчера. В этой многомерности человек жить не может, потому что социальная среда устроена сукцессивно. Это и создает иллюзию времени. «Мне завтра надо будет идти на работу». А ты не ходи. И посмотрим, что будет. Ничего не будет. Хочешь идти на работу, иди, не хочешь, сиди дома.

Когда я ночью жду ее прихода,
Жизнь, кажется, висит на волоске.

Вот сиди и жди.

4.

Реальность это наррация, как нами было показано в книге «Новая модель реальности» (Руднев 2016). В двух словах наша теория заключается в том, что истинность и ложность не могут быть денотатами высказываний, поскольку в соответствии с перформативной гипотезой Анны Вежбицкой любое высказывание является речевым актом, то есть одновременно и высказыванием, и частью реальности. Другими словами, описание реальности практически ничем не отличается от самой реальности. Тем самым, обычное описание реальности практически почти ничем

не отличается от ее художественного описания, поскольку ни там, ни здесь критерий истинности не играет никакой роли. Но если это все так, то отсутствие времени в реальности является закономерным. Мы начинаем читать роман или смотреть фильм, или слушать оперу, и там есть лишь симулякры прошлого и будущего, так как весь текст уже написан. Мы можем заглянуть в его конец, вернуться в начало, перечитать его второй и третий раз и так далее. Что из этого следует? Что, если наша гипотеза верна, то мы в реальности можем возвращаться в прошлое и заглядывать в будущее, хотя это кажется невероятным. Почему это кажется невероятным? Почему возникает иллюзия времени? Это происходит благодаря другой иллюзии — иллюзии того, что мы обладаем сознанием (подробную критику этого понятия см. в нашей книге «Против истины» (2017а: 29)). Иллюзия сознания необходима для того, чтобы человек мог жить в одном мире, не обращая внимания на параллельные миры. Эта концепция изложена в книге М. Б. Менского «Сознание и квантовая механика» (Менский 2011). Отключив сознание во сне, при медитации или приеме психоактивных веществ, мы можем оказаться во вневременной реальности параллельных миров, или, как это называет современная физика, в мультиверсе. Однако нам могут возразить, что наша бритва Оккама слишком острая: нет ни истины, ни времени, ни сознания. А что же тогда вообще есть? Есть бессознательное. И одной из его важнейших характеристик является отсутствие времени. Наиболее четко об этом написано в книге Игнасио Матте Бланко «Бессознательное как бесконечные множества»:

...тот факт, что процессы в системе бессознательного не меняются ходом времени, кажется мне следствием того факта, что они не упорядочены во времени; но если там отсутствует время, то не может быть никаких изменений посредством хода времени. И вот отсутствие темпорального процесса есть неизбежное следствие второго принципа [второй принцип Матте Бланко гласит: «Система бессознательного рассматривает обратное утверждение любого отношения как идентичное этому отношению. Другими словами, оно рассматривает асимметричные отношения так, как если бы

они были симметричными». — В. Р.], так как существование последовательности моментов требует серийной упорядоченности; и если асимметричные отношения запрещены, согласно символической логике такой упорядоченности быть не может (Matte Blanco 1998: 41–42).

Здесь, как и в предыдущей книге «Против истины», мы отстаиваем гипотезу, в соответствии с которой мы находимся в состоянии бессознательного в широком смысле на протяжении всей нашей жизни (и, возможно, за ее пределами). Что значит в широком смысле? Сознание — одна из областей бессознательного, его нарративная часть, в которой, в частности, имеется иллюзия времени. Ведь если реальность — нечто вроде бесконечно длинного романа или фильма, то там, в определенном, смысле есть прошлое и будущее. Но они формируются задним числом. История — это вытянутая в линию мифология. Вопрос, существовал или нет Бетховен, бессмысленно задавать. Существуют музыкальные произведения, которые подписаны его именем. Существуют биографические материалы, в основном построенные на анекдотах. Если есть «шекспировский вопрос», то такой же самый вопрос можно поставить применительно к любому историческому персонажу. Если прошлое это лишь иллюзия и существует лишь настоящее, представляющее собой серию бессознательных нарративов, то можно спросить, в каком прошлом существовали исторические персонажи и события. Ни в каком. Мы их придумали. Существуют только тексты, которые можно читать, картины, которые можно смотреть, и музыка, которую можно слушать. Нам могут возразить, что так можно зайти слишком далеко и сказать, что и настоящего тоже не существует. Что ж, мы готовы обсудить и этот вопрос.

5.

Если нет настоящего, то, значит, нет и реальности. Утрата реальности, по Фрейду, это психоз. Что значит утрата реальности? Это, прежде всего, утрата Собственного Я и хороших объектов. Это не означает, что психотик живет в вакууме. Скорее, он живет, как в сновидении, то есть в бессознательном в узком смысле. В бессознательном в узком смысле нет устойчивого Собственно-

го Я, которое является опорным пунктом настоящего времени. «Я сейчас сижу за компьютером и пишу текст». При шизофрении происходит временная буря. Настоящее, прошлое и будущее перемешиваются между собой.

Иногда, особенно в острых фазах болезни, наблюдается как бы временная «буря», прошлое бурно смешивается с будущим и настоящим. Больной переживает то, что было много лет назад так, как если бы это происходило сейчас; его мечтания о будущем становятся реальным настоящим; вся его жизнь — прошлая, настоящая и будущая — как бы концентрируется в одной точке (*telescoping* — по терминологии экзистенциальной психиатрии). <...>

Когда его спрашивают об их значении либо о дальнейшем развитии событий, обычно он не в состоянии дать ответ. Его прошлая, настоящая и будущая жизнь становится как бы мозаикой мелких, иногда очень ярко переживаемых событий, которые не связываются в единую композицию (Кемпинский 1998: 220–221).

Почему это происходит? Что такое вообще шизофрения в самом грубом приближении? Шизофренический психоз это такое положение вещей, когда внутреннее принимается за внешнее, а внешнее — за внутреннее. Внутренние голоса воспринимаются как внешние угрозы. Граница между внутренним и внешним становится подвижной. Это обостренное чувство границы и ее непреодолимости, когда психотик не может вырваться наружу, подобно тому, как при ночном кошмаре человек не может проснуться. У безумного нет иллюзии времени, и в этом смысле можно было бы сказать, что он ближе к истине, если бы это слово не вызвало у нас протест. Ну, не к истине, а к чему-то подлинному, не согласованному с другими людьми. В гештальт-терапии Ф. Перлза большое значение придается тому, чтобы человек жил в настоящем, *hic et nunc*. Прошлым и будущим живут невротики. Прошлым, которого уже нет, и будущим, на которое они тщетно надеются. Тщетно потому, что в их представлении будущее это просто повторения приятных моментов прошлого. Если бы понимание того, что существует только настоящее с его лабиринтами и параллельными пространствами, было бы адекватным,

то нам бы не пришлось метаться в поисках утраченного времени. Следовало бы придумать не машину времени, а машину пространства. До тех пор пока человек скован «сознанием», он не может ориентироваться в этом лабиринте. При терминальной стадии психоза, а именно при бреде величия, психотик решает эту проблему радикально — путем экстраективной идентификации, то есть отождествления себя с любыми значимыми историческими или мифологическими персонажами. Например, больной Ницше отождествлял себя то с Христом, то с Дионисом. Главная проблема здесь состоит в том, что человек превращается в галлюцинирующую галлюцинацию. В языковом плане это выражается в том, что он не способен в своей речи, приобретающей стереотипный характер, использовать пропозициональные установки. Мегаломан никогда не скажет: «Мне кажется, что я — Наполеон», потому что он убежден в том, что это так и никак иначе. В этом смысле можно сказать, что *истина по своей природе психотична*. Примерно об этом писал еще в 1960-е годы Мишель Фуко в книге «История безумия в классическую эпоху». Истиной обладает только сумасшедший. Человеку разумному свойственно сомнение. Так вот, мегаломан, который утрачивает способность сомневаться, уже не существует как личность. По сути, у него нет Собственного Я. Именно в этом смысле мы говорим о нем как о галлюцинирующей галлюцинации. В этом его последнее преимущество: он утрачивает знание о том, что он умрет. Ср. у Мандельштама:

О, широкий ветер Орфея,
Ты уйдешь в морские края, —
И, несозданный мир лелея,
Я забыл ненужное «я».

Я блуждал в игрушечной чаще
И открыл лазоревый грот...
Неужели я настоящий
И действительно смерть придет?

Настоящий, «нормальный» человек живет иллюзиями. Смерть, по-видимому, тоже иллюзия. Если нет времени, то нет и смерти. Джон Уильям Данн пытался доказать, что «ничто не умирает». Попробуем разобраться в его аргументации.

6.

Для Данна время является определенным образом разнообразностью пространства. Данн начинал свои философские исследования с изучения сбывающихся сновидений. В книге «Эксперимент со временем» (Dunne 1920) он выдвинул гипотезу, в соответствии с которой сновидения сбываются потому, что во сне человек может путешествовать в будущее и там наблюдать определенное событие, а через некоторое время пережить его наяву. Почему в сновидениях — и шире — в измененных состояниях психики время теряет свою необратимость? Потому что время — иллюзия. Здесь Данн опирается на теорию времени Джона МакТаггарта. Иллюзия времени возникает от передвижения наблюдателя. Наблюдатель — ключевой концепт во всей теории Данна. Реальность не существует сама по себе, пока за ней никто не наблюдает. Другим важнейшим концептом философии Данна является серия. В книге «Ничто не умирает» (Dunne 1940) Данн приводит пример серии, уходящей в бесконечный регресс. У каждого человека есть отец, у этого отца тоже был отец, у которого был отец, и так до бесконечности, пределом которой является Бог. В каждом человеке есть серия наблюдателей. Я пишу книгу. Я наблюдаю за собой, пишущим книгу. Я наблюдаю за наблюдающим за собой, пишущим книгу. И так далее. У каждого наблюдателя, по Данну, свое время. Наблюдаемое время является обратимым, пространственно-подобным. Это проявляется в измененных состояниях психики, когда отключается сознание. Но любое состояние психики является измененным. У меня, пишущего книгу, одно состояние психики, у меня наблюдающего за собой, другое. Поэтому я, пишущий книгу, за которым наблюдает другое я, обладает временем, которое не является необратимым. Написанный текст живет своей жизнью. Его в принципе можно уничтожить, но сделать это труднее, чем уничтожить человека, потому что текст можно размножить. Поэмы Гомера могут существовать так долго, пока существует наша цивилизация, а если существуют другие цивилизации, то им можно будет передавать тексты и таким образом делать их практически бессмертными. Но Данн утверждал в своей последней книге, что ничто не умирает. Как это получается? Время в измененных состояниях психики, та-

ких, как сновидение, ведет себя подобно пространству. Поэтому во сне мы можем встречаться с людьми, которые давно умерли. Данн полагает, что они не умерли, но существуют в других параллельных измерениях. Если бы мы могли, добавлю от себя, жить в бессознательном в узком смысле, то мы бы могли встречаться со своими предками и наблюдать события «прошлого» и «будущего». Можно предположить, что у первобытных людей, у которых не было или почти не было того, что мы называем сознанием, все обстояло именно таким образом: они могли общаться с духами умерших, мертвецы их преследовали и т. д. Все это можно прочесть и у Леви-Брюля, и у Малиновского, и у многих других авторов. Но то, что там описывается как «первобытное», «примитивное» мышление, возможно, нам теперь просто недоступно. Это не просто «фольклор», «народные верования», это что-то, чего мы уже не понимаем, и мы к этому еще вернемся. Для того чтобы человек понял, что ничто не умирает, он должен перестроить сукцессивную социальную сеть, сделать ее мультиверсной, что, вероятно, пока еще не осуществимо. Возможно, ученые работают над подобными компьютерными программами. Если это осуществится, то будет конец наррации в ее традиционном понимании. Здесь самое время обсудить наше понимание наррации, которое не совпадает с общепринятым.

7.

Нарративная онтология — это представление, в соответствии с которым реальность это рассказ о самой себе. Здесь важно подчеркнуть, что наррация это, прежде всего, предикация: «Мир состоит из фактов, а не вещей» (Витгенштейн 1958). Любое слово — это высказывание, любая вещь это факт. Не существует высказываний без предикатов. Другими словами, в предложении может не быть подлежащего, но всегда должно быть сказуемое. Например, в предложении «Зима». «Зима» — это не подлежащее, а именная часть сказуемого с опущенной связкой, что легко проверить, переведя предложение в прошедшее время — «Была зима». Даже так называемые неопределенно-предицируемые высказывания (Гаспаров 1972), прежде всего, междометия, им-

плицитно содержат в себе предикат и, стало быть, в скрытом виде — наррацию. Когда человеку больно и он вскрикивает «Ой!», — то это в свернутом виде высказывание «Мне больно!». Это рассказ о том, что ему больно. Что значит, что реальность рассказывает сама о себе? Прежде всего, то, что окружающие нас вещи становятся фактами только в том случае, когда они становятся предметами наблюдения и наррации. «На дороге лежит камень». Это одновременно реальность и рассказ о реальности. Нет никакой реальности, пока о ней никто не рассказал, никто ее не засвидетельствовал. В каком смысле высказывание является в то же самое время фактом, а слово в то же самое время — вещью? Если слово не соотносится ни с каким предметом, то это не слово. Слова и есть вещи, предложения и есть факты, а совокупность предложений — события. Их нельзя оторвать друг от друга.

4.014 Грамофонная пластинка, музыкальная тема, нотная запись, звуковые волны — все это находится между собой в таком же внутреннем отношении отображения, которое имеется между языком и миром. Все они имеют общий логический строй (Витгенштейн 1958).

Здесь дело в том, что все высказывания являются речевыми актами и частями языковых игр. Когда я говорю: «Ну, я пошёл», — то это одновременно и высказывание и факт. Потому что не может быть факта «Ну, я пошел», который не был бы никак выражен в речевой деятельности. Поэтому мы и говорим, что реальность это нечто вроде книги или фильма. Вопрос лишь в том, что это за книга — роман или философский трактат, и что это за фильм — художественный или документальный. Если, как было показано в разделе 3, истинность действительно не играет никакой роли в нарративной онтологии, то в принципе художественный дискурс ничем не отличается от документального. В этом смысле мы живем не просто в нарративной реальности, но в определенной степени — в вымышленной реальности; или, скорее, можно сказать, что нет четкой границы между вымышленным и не вымышленным дискурсом. Существуют речевые жанры, каждый из которых формирует свои правила построения.

Можно ли, например, сказать, что стихотворение «Я вас любил. Любовь еще, быть может...» — это повествование о вымышленных событиях? Скорее всего, нет. А стихотворение «Поздно ночью из похода / Возвратился воевода...», по всей видимости, повествует о вымышленных событиях. Первое — чистая лирика. Второе — нечто вроде баллады. Хотя вполне возможно, что история, рассказанная в стихотворении про воеводу, вполне могла быть и не вымышленной. В художественный роман могут быть вкраплены философские рассуждения, а обычная речь полна цитат из художественных текстов. В целом, тем не менее, я думаю, что реальность это все же чей-то вымысел. Если истина всего лишь иллюзия, то о какой подлинности может идти речь? Возьмем, к примеру, «Логико-философский трактат». Можно ли его рассматривать как дискурс об истине? *Die Welt ist alles was der Fall ist.* (Мир есть все то, что имеет место.) Это просто тавтология. И Витгенштейн сам писал, что логические законы это тавтологии. «Трактат» это философская поэма, состоящая из слов, часть из которых ничему не соответствует в реальности. Например, понятие «простой предмет» (*die Gegenstand*) — чисто логическая сущность. Витгенштейн не приводит ни одного примера «простого предмета», потому что таких объектов не существует, он их придумал для логической стройности своей теории.

Но возникает вопрос, можно ли вообще представить себе что-то анаррративное? Разве что бессмысленный набор букв: Срвюсщнхр. Если это не шифр, то здесь действительно нет наррации. Принадлежит ли этот набор букв реальности? Принадлежит. Вот он, перед нами. Но ясно, что это пример маргинальный. Но помимо этого, если исходить из того, что случайность это обратная сторона предопределенности и не бывает случайных ассоциаций в речи, то и в этом наборе букв при желании можно выявить какую-то осмысленность. Скажем, для любого филолога сочетание букв «ср» однозначно ассоциируется с сокращением «ср.», то есть «сравни». При определенных усилиях этот анализ можно продолжить. Ибо реальность это не просто наррация, а система зашифрованных посланий, и смысл человеческой жизни состоит в том, чтобы эти послания расшифровать (ср. «Новую модель реальности» (Руднев 2016)).

8.

Предположим в качестве рабочей гипотезы, что реальность, в которой мы живем, является вымышленной. Что мы герои какого-то романа или какой-то пьесы. Внутри этого романа или пьесы есть свое художественное время, которое много изучали филологи с легкой руки М. М. Бахтина и Д. С. Лихачева. Это время — часть художественного дискурса. Нас интересует *другое* время, внешнее по отношению к тому роману или к той пьесе, в которой мы существуем. Что это за время? Кто его измеряет? Последний вопрос мы пока оставим открытым. Во всяком случае, ясно, что это время обратимое. Кто-то может прочесть наш роман или посмотреть наш спектакль, а потом вернуться к началу. В сущности, это и означает, что этого внешнего времени не существует. Теперь предположим, что мы живем в невымышленной реальности, такой, какой ее представляют материалисты или обычные люди. В этой реальности, как они полагают, есть анизотропное (необратимое) время, направление которого совпадает, как показал Ганс Рейхенбах в книге «Направление времени», с большинством термодинамических процессов во Вселенной (Рейхенбах 1960). Что можно на это возразить? С одной стороны, ничего. С другой стороны, если бы это было так, это означало бы, что наррация имеет очень косвенное отношение к реальности. Есть язык, речевая деятельность, но они сами по себе, а реальность сама по себе. Мы живем и неуклонно движемся к смерти. Но наша модель исходит из того, что реальность это совокупность нарративов, потому что мы убеждены, что только в речевой деятельности она себя проявляет. И тогда термодинамика не имеет к нам отношения. Она является таким же внутренним фактором энтропийной реальности, каким в реальности вымышленной является, скажем, бахтинский хронотоп в греческом романе, где проходит тридцать лет, а герои остаются молодыми. А если термодинамика не имеет отношения к нашей жизни, то тогда время, в котором мы живем, какое-то другое. Какое же?

Предположим, что имеется третий вариант: мы согласны, что реальность это наррация, но не вымышленная наррация, например, биография Бетховена или Витгенштейна. Вот Витгенштейн, биография которого более достоверна, потому что

он жил на 150 лет позже Бетховена, хотя и его жизнеописание было подвержено многочисленным фальсификациям, например, факт его гомосексуализма, родился в 1889 году прожил 63 года и умер в 1952-м. Можно составить хронологическую таблицу основных событий его жизни. Такая хронологическая таблица есть в конце написанной мной биографии Витгенштейна «Божественный Людвиг» (Руднев 2002). Но эта хронология ничего не стоит. Когда-то Ю. М. Лотман сказал, что серию «Жизнь замечательных людей» следовало бы назвать «Жизнь замечательных святых», так как все книги этой серии за редкими исключениями были построены стереотипно, не как биографии, а как агиографии. Но возможен был другой подход к жизнеописанию великих людей, не хронологический, а систематический. Так построена книга Светония «Жизнь двенадцати цезарей». Биография цезарей в книге Светония строится по такому принципу: рождение и смерть там служат только рамкой, внутри же она строится системно-этически, то есть все типы добродетелей и пороков тщательно рубрицируются для того чтобы легче было сравнить одного императора с другим. Хронология это нечто искусственное. Второе начало термодинамики открыли в первой половине XIX века. До этого люди жили по другой модели времени, которую можно назвать эсхатологической. Автором этой модели был Св. Августин. У него время тоже необратимо, но не детерминистски, а телеологически. Все ведет в Развязке — Страшному Суду. В этой модели реальность — Драма, но не вымышленная, а подлинная историческая Драма, которая началась с грехопадения и кульминацией которой были Страсти Христовы. Августин к этому относился серьезно. Ведь он жил в IV веке н. э. Но в этой драматической стреле времени огромную роль играли ритуально-мифологические вкрапления.

«Единожды умер Христос», — восклицал Августин; но каждый год в неизменной череде Пасха сменяла Страстную Пятницу. Космическое круговращение времен года было поставлено рядом с неповторимостью событий «священной истории» <...> Снова человек мог ощущать себя внутри замкнутого священного круга, а не только на конечном узком пути имеющем цель (Аверинцев 1977: 96).

По сути, августинианская модель времени спиралевидна. Пока дойдет дело до Страшного Суда, все повторяется каждый год. Это достаточно архаичный мифологический аграрный цикл. Миф о вечном возвращении, об умирающем и воскресающем боге. Все это мы хорошо знаем. Но вернемся к началу. Наррация, единицей которой является предложение, обычное предложение типа «Мальчик ест мороженое», — какая модель времени ей присуща? Мальчик ест мороженое, потому что это вкусно. Мы живем в нарративной реальности, потому что это интересно. Мальчик всегда будет есть свое мороженое, потому что время — фикция. Он будет его есть вплоть до Страшного Суда и Армагеддона, которых никогда не будет, потому что это раннехристианские выдумки. «Время» это такая вещь, которая ведет себя, как хочет, движется то вперед, то назад. То в одну сторону, то в другую. Потому что это многомерное и разнонаправленное «время» не что иное, как разновидность пространства. Что такое пространство? Это непростой вопрос.

9.

Что такое пространство? Это вещи, которые нас окружают: дом, комнаты, улицы, поле; лист бумаги, очки, саксофон и так далее. Вещи трехмерны, но только в том случае, когда они неподвижны. Если вещи движутся по пространству, и мы наблюдаем, как они движутся, то они становятся фактами, из которых состоит мир. Движение вещи по пространству и называется временем. Например, человек идет по улице. Сейчас он *здесь*, а через некоторое время, глядишь, он уже *там*. Эти два слова: *здесь* и *там* — определяют логику пространства. Эта логика парадоксальна. Ее основная закономерность заключается в следующем: если А находится *здесь*, то возможно, что не верно, что А находится *здесь*, и на самом деле А находится *там*. (Формальный вывод этой закономерности см. в главе «Логика пространства» книги Руднев 1996). Как понять эту закономерность логики пространства? Как это возможно, чтобы объект находился одновременно *здесь* и не *здесь*? Чтобы осмыслить это, нужно ввести понятие странного объекта. Странный объект (термин Уилфрела Биона (Бюн 2008)) это, прежде всего, галлюцинаторный объект, основная функция которо-

го — воздействие. Шире — странный объект это любой объект (не обязательно галлюцинаторный), который может оказывать воздействие, другими словами, любой объект может быть рассмотрен как странный. Но есть странные объекты *par excellence*. Самым странным объектом на сегодняшний день является интернет. Как описать пространство интернета? Можно ли сказать, находится ли он здесь и там? Когда мы выходим в интернет, он как будто находится здесь, рядом с нами. В то же время, он находится везде. Это мультиверсный объект. Поэтому он одновременно находится здесь и там. Но и объекты попроще, например, телевизор или мобильный телефон, также являются странными объектами в бионовском смысле. С одной стороны, телевизор, это просто ящик, который стоит в комнате на тумбочке. С другой, стороны, стоит его включить — и можно общаться со всем миром. То же можно сказать о смартфоне, который включает в себя и телефон, и интернет, и электронную почту, и часы, и многое другое. Но есть и очень простые странные объект; одним из самых универсальных является книга. Книга это фактически тот же интернет, особенно если это такая книга, как Библия или «Хазарский словарь» Милорада Павича. То, что делает книгу странным объектом, похожим на интернет, называется гипертекст. Любая книга является гипертекстом. Даже роман Горького «Мать», который лишь благодаря бездарности советского школьного литературоведения считается бездарным и скучным. Кто такая мать героя Ниловна и сам героя Павел? Это Богоматерь и Христос. Это совершенно очевидно — весь роман пронизан евангельскими реминисценциями, скрытыми и явными. Ведь он писался в эпоху неомифологизма. (Эта интерпретация принадлежит Заре Григорьевне Минц, жене Ю. М. Лотмана, которая в начале 1980-х годов читала в Тарту спецкурс о русской неомифологической прозе Серебряного века.) Гипертекст, развернутый аналог интертекста, если его представить как физический объект, является мультиверсным объектом. Выдающийся немецкий физик XX века Вольфганг Паули в одном из своих писем выражал мечту о том, чтобы физика и психология стали одной наукой, изучающей соответственно внешнюю и внутреннюю стороны объекта. Когда человек идет по улице и даже когда камень лежит на дороге, перед нами всегда

странный объект, мультиверсный по своей сути, воздействующий на нас. И мы всегда должны сомневаться, действительно ли он находится здесь, действительно ли этот камень лежит на этой дороге. Это может быть галлюцинация или мираж, или муляж, или сон, или смерть. Когда мы слышим, как кто-то говорит, что на дороге лежит камень, то я могу это услышать как «на дороге лежит “Камень”», имея в виду первый сборник стихов Мандельштама. Современная русская философия очень многим обязана русской филологии. Даже страшно подумать, что бы было, если бы не было Шкловского, Проппа, Фрейденберг, Бахтина, Лотмана, Топорова. Люди — это тоже странные объекты. В конце концов, интернет придуман человеком, а не наоборот. Даже самый глупый человек устроен сложнее интернета. Потому что человек не ограничен своим телом. Человек это мультиверс. Целая вселенная. Это Homo Narrativus.

10.

Человек — животное говорящее. Он отличается от приматов тем, что говорит на арбитрарном языке, в котором слова не похожи на вещи, хотя эта идея Соссюра была подвергнута критике со стороны Леви-Стросса, Якобсона и Бенвениста. Но, так или иначе, с раннего детства человек слышит разговоры взрослых, и ребенку необходимо рассказывать сказки и петь песенки. Даже с плодом матери нужно разговаривать. Спрашивается, почему? Критерий «Что будет дальше?» здесь не подходит, так как одни и те же сказки рассказываются по многу раз. Ребенок готов смотреть один и тот же дрянной мультик с утра до вечера. Да и взрослые люди часто перечитывают стихи и слушают одно и то же музыкальное произведение несколько раз в день. Здесь играет роль идея возвращения, поворота, о которой мы писали в начале главы. Если все можно повторить, то все можно повторить и в жизни: значит, смерть не страшна. Человек оплетен нарративами. В школе каждый предмет устроен в виде нарративных сюжетов, будь то литература, химия или математика. Всегда о чем-то повествуется. И опять-таки большую роль играет «повторение пройденного». Когда человек учится в университете, ему тоже все время преподают что-то в виде нарративов. Когда он работает, происходит

примерно то же самое. Здесь может возникнуть сомнение: какие наррации могут возникнуть в работе на конвейере? Но уже Чаплин в «Новых временах» деконструировал и нарративизировал работу на конвейере. В работе нужна обязательно нарративная пропитка. Когда люди отдыхают, они рассказывают анекдоты и делятся сплетнями, получая нарративное наслаждение (термин Ролана Барта). Все это достаточно очевидные вещи. Менее очевидно другое: что человек сам представляет наррацию о самом себе. Эрнст Кречмер, основатель клинической характерологии, считал, что характер человека можно определить по строению его тела (главная книга Кречмера так и называется «Строение тела и характер»): циклоиды — полные, шизоиды — худые и так далее. Но если бы человек молчал, определить его характер было бы довольно трудно. Петра, ученика Иисуса, иудеи изобличили по его акценту. Профессор Хиггинс из «Пигмалиона» Бернарда Шоу мог распознать, где живет человек по его фонетике с точностью до района Лондона. Каждый характер говорит по-разному. Не видя тела человека, а слыша только его голос, можно определить, шизоид это или истерик (подробный анализ таких характерологических дискурсов см. в нашей книге «Характеры и расстройства в личности» (Руднев 2002а)). Любовь, сексуальная жизнь — это, прежде всего, тоже развернутая наррация со своей экспозицией («Девушка, я вас где-то видел!»), завязкой («Давай поужинаем вместе!»), кульминацией и развязкой. По-видимому, мозг человека представляет собой некое нарративное устройство. Его функция — хранить информацию и передавать ее другим частям и органам тела. Человек представляет собой живой интертекст, гипертекст и мультиверс. Человек не существует сам по себе, наррация невозможна в одиночестве. Как показал Витгенштейн в «Философских исследованиях», индивидуального языка не существует. Когда человек говорит сам с собой, сам себе рассказывает истории, это, как правило, психопатология, например, навязчивое повторение одних и тех же ритуальных формул, функция которых состоит в том, чтобы уменьшить тревогу. Люди учатся друг у друга различным умениям и навыкам при помощи разговоров. Если человек не умеет говорить и слушать, он ничему не научится. Любое проявление человеческого — нарративно, будь то любовное письмо, приказ об увольнении, кровавый след

на снегу или испачканная яичницей рубашка. Мы говорили, что реальность это не просто наррация, но система зашифрованных нарратий, которые человек должен расшифровать. Известный российский поэт-концептуалист Лев Рубинштейн сумел показать в своих стихах-карточках, как обрывок фразы отсылает к различным мирам человека, к мультиверсу.

1.

Мама мыла раму.

2.

Папа купил телевизор.

3.

Дул ветер.

4.

Зою ужалила оса.

5.

Саша Смирнов сломал ногу.

6.

Боря Никитин разбил голову камнем.

7.

Пошел дождь.

8.

Брат дразнил брата.

9.

Молоко убежало.

10.

Первым словом было слово «колени».

11.

Юра Степанов смастерил шалаш.

12.

Юлия Михайловна была строгая.

13.

Вова Авдеев дрался.

14.

Таня Чиркова — дура.

15.

Жених Гали Фоминой — однорукий.

16.

Сергею Александровичу провели телефон.

Все люди чуть-чуть шизофреники. Эту мысль впервые высказал в статье 1914 года П. Б. Ганнушкин, а в 1997 году развернул Тимоти Кроу (Crow 1997). Шизотипическое мышление — это мышление осколками цитат. Это хорошо понимал еще Лейбниц, который считал, что каждая монада отражает весь мир, но каждая по-своему. Ахматова писала, «что, может быть поэзия сама — одна великолепная цитата». К сожалению, человечество вырождается. Постмодернистский человек XX века был сборником цитат. В XXI веке шизотипическое мышление стало уделом горстки интеллектуалов и подростков с интернет-аддикцией. Большинство современного населения планеты представляют собой смешанные мозаические конституции, так называемые органики. Органик утрачивает самое ценное в человеке — красоту и богатство речи. Запрет на обценную лексику в общественных местах в России, хотя и нелеп, и бесполезен, но характерен. Когда матерятся герои рассказов Сорокина и театральных постановок Мирзоева, это не имеет отношения к подзаборной вульгарной брани. Все разговоры об эволюции человека ничего не стоят. В этом был прав П. Д. Успенский — эволюция может быть только внутренней (Успенский 2016). Но призыв учеников Гурджиева к метанойе, к самосовершенствованию, как большинство утопий XX века, ничем не закончился. Гурджиевистика сейчас выродилась в вульгарную и догматическую эзотерику. Ахматова писала:

Но мы сохраним тебя, русская речь,
Великое русское слово.

Дай-то Бог!

Глава вторая

ДЕПЕРСОНАЛИЗАЦИЯ ИЛИ ДИССОЦИАЦИЯ?

Ко мне обратился мой пациент, которого я давно лечу от биполярного расстройства. В последнее время состояние его лучше, но время от времени у него появляется тягостный симптом. Его психика как бы разделяется, раздваивается, и он частично превращается в двоих людей, один из которых наблюдает за вторым. Это вроде бы обыкновенная деперсонализация. Но меня заинтересовал вопрос, как в обычной психике появляется дановский наблюдатель. И что происходит при этом?

Пациент: Это состояние крайне неприятное и тягостное, хотя обычно оно длится всего несколько минут. Надо от него просто отвлечься.

Я: Чем оно тягостно?

Пациент: Понимаете, такое ощущение, что ты не знаешь, кто ты. Ты как будто лишаешься тела. И тело теперь принадлежит другому, более примитивному существу, и мое исходное я, которое вроде бы уже и не я, ничего не может с этим поделать.

Я: Что значит, ничего не может поделать?

Пациент: У кого-то из нас начинается паника.

Я: Что значит, у кого-то из нас, ты что, не знаешь у кого именно?

Пациент: Нет, все-таки паника начинается у меня, который наблюдает за этим телом и ничего не может поделать. Они оба ничего не могут поделать. Я так себе и говорю: «Я ничего с этим не могу поделать». Оно уходит само, когда я отвлекаюсь.

Я: А как ты отвлекаешься?

Пациент: Понимаете, нужно их как-то объединить. Лучше просто заняться другим делом. Ну, как при панической атаке.

Весь этот разговор меня несколько насторожил. Этот пациент достаточно опытный. При панической атаке действительно лучше всего отвлечься. Но явных признаков панической атаки в данном случае я не наблюдал. Меня насторожило другое. Это явно были элементы диссоциации. Когда один говорит другому «Я ничего не могу с этим поделать» это уже не деперсонализация. Это больше похоже на какой-то необычный диссоциативный феномен. Почему необычный? Потому что при классической диссоциации одна личность не знает о другой, и они появляются сукцессивно, одна сменяет другую, в то время как в данном случае они появились симультанно. Диссоциативное расстройство, или синдром множественной личности, как правило, являются результатом тяжелой травмы. Я понял, или, лучше сказать, предположил, что деперсонализация с диссоциацией явление мне не знакомое. Эти строки я пишу в Сербии, в доме покойного отца моей сербской родственницы, поэтому у меня нет возможности залезть в мои психиатрические книги. Но пока мне интересно разобраться самому с этим сложным симптомом. Итак, травма налицо — мой пациент недавно впервые месяц пролежал в психиатрической больнице. Как он туда попал? Он не знает. Он обнаружил себя лежащим на кровати, привязанный ремнями по рукам и ногам. Он помнил, как ехал с дачи, доехал до Ленинградского вокзала на электричке, сел в такси, а дальше он ничего не помнит. По словам лечащего врача, его привезла милиция, так как он вел себя агрессивно. Но ни где он был, ни куда шел, ни конкретно своих действий — ничего. Возможно, это была диссоциативная fuga. На второй день пребывания в больнице он пришел в себя, и я старался, чтобы его выписали как можно раньше, но наши психиатрические костоправы держали его, как положено, ровно месяц и закармливали нейролептиками до такой степени, что у него началась дезартрия, он не мог фактически говорить без корректора.

Я: Когда у тебя появился этот новый симптом?

Пациент: Пару недель назад, когда дезартрия прошла и я смог работать.

Я: Ничего себе! С тех пор прошел год! Почему же ты мне ничего не рассказывал?

Пациент: Не знаю. Просто не знаю. Это проходило очень быстро...

Я: А почему сказал сейчас?

Пациент: Потому что это усилилось!

Я: Как ты думаешь, в связи с чем?

Он не смог объяснить, почему это усилилось, и я предположил, что этот симптом, который носит коморбидный характер, стал для него чем-то экзистенциально важным в связи с его поездкой в Париж. Так оно и оказалось. Если у компульсивного тревога прорывается в навязчивостях, у моего пациента она усилилась в этом не совсем понятном мне сочетании деперсонализации и диссоциации. В принципе, как я неоднократно писал в других своих работах, неизменных состояний психики не бывает. Человек спит — одно состояние, вот он проснулся — другое состояние, принял холодный душ — третье. Выпил горячего кофе — четвертое. Где же здесь место собственно деперсонализации, как ее определить? Это такое состояние психики, изменение идет вокруг себя самого и поэтому носит патологический характер. Но что значит патологический? Это значит, что человек *страдает* от этого состояния. Если у человека нормальный стул, это норма, если у него запор это патология, но лишь в том случае, если он страдает от этого. Некоторые люди не страдают от запора в течении нескольких дней. А некоторые люди любят, чтобы у них был понос. Некоторые женщины любят худых мужчин, а некоторые — полных. Мой пациент был полным. Он отчаянно в последний месяц стремился похудеть, чтобы понравиться своей знакомой, которая любила его таким, какой он есть. Умом он это понимал. Но его интеллект диссоциирован от его эмоций. И эта диссоциация наложилась на деперсонализацию. То полное тело, которое он ненавидел, диссоциировалось от его «души». Это было тягостно. Поэтому он и обратился ко мне. Это была двойная защита. Деперсонализация наложилась на диссоциацию, что произвело эффект невидимости. Он хотел оставить свое тело, переживал его как чужое. И вот тогда появился бестелесный персонаж, который, как ангел с высоты, наблюдал за его «безобразным»

телом. Эта дисморфофобия могла быть снята только малыми дозами атипичных нейролептиков. Но он к тому же в последнее время перестал спать, и дозу седативного нейролептика пришлось увеличить. Дисморфофобия почти исчезла. Но он стал больше есть, чтобы компенсировать бессонницу и тревогу. Это уже было в Париже, где он полностью отдался оральным удовольствиям и сильно пополнил. Подспудно его «грызла совесть», но его там все так любили и ублажали, что он не мог себе ни в чем отказать. Он ел, пил пиво. По возвращении из Парижа он пополнил на 4 кг. Диссоциация, если это действительно диссоциация, довольно опасная вещь. Я не говорю о таких из ряда вон выходящих вещах, как случай Билли Миллигана, где было несколько десятков личностей, ничего не знающих друг о друге. Я говорю о двухличностной диссоциации, когда есть личность № 1 и личность № 2, как это было в детстве у Юнга, если верить его воспоминаниям. Самое утешительное, что имело место у моего пациента, это то, что одна личность знала о другой и караулила другую. Они в определенном смысле помогали друг другу. Первый, тот, кто превращался в бессловесное жирное тело; второй — бестелесная эфирность, наблюдающая за первым. В этом я не видел ничего страшного. Это было просто неприятно. Но как доброкачественная опухоль иногда перерождается в злокачественную, так деперсонализация могла переродиться в диссоциацию. Этого я и боялся. Если бы это произошло, то пациент потерял бы работоспособность и вошел в депрессию как привычную для него защиту от слишком интимного восприятия им реальности и как временной потери им парижской действительности. Что можно было сделать, чтобы не допустить перерождения деперсонализации в диссоциацию? Нужно было, чтобы он понял, что Париж это только каникулы, праздник, который оставался всегда с ним. Жизнь в Москве надо было принять как обыденные будни. Будучи опытным пациентом, он понимал, что в один прекрасный момент его «жирная сущность» станет его врагом. Поэтому мне предстояло понять по-своему, без всяких учебников и руководств, что такое *его* возможная диссоциация и как с ней бороться.

Человек *в принципе* расколот на себя и на свое отражение, как показал Лакан в «Стадии зеркала». Главное, чтобы эту расколо-

тость он держал в рамках. Для того чтобы держать ее в рамках, нужно меньше думать о себе и больше о других людях — это самый лучший рецепт от диссоциации. Когда мой пациент приехал из Парижа, он был настолько обессилен от впечатлений, а также от стояния в очереди на паспортном контроле, что лег спать в 11 вечера, но проснулся в полпятого утра. Ему было не по себе. Он плохо переносил бессонницу. Но тогда он взял себя в руки и написал благодарственное письмо хозяйке дома, у которой он останавливался в Париже и которая этого письма ждала. Это письмо почти уничтожило его тревогу, и он начал заниматься своими московскими делами, на время забыв и про деперсонализацию, и про диссоциацию. Таким образом, диссоциация заложена в интроверсии, в привычке слишком часто смотреть на себя в зеркало и видеть там не себя, а своего двойника, целостность которого, по Лакану, иллюзорна (Лакан 1997). В Париже моего пациента возили в пригород. Было так жарко, что он купался в ледяной реке, а потом, в деревенском доме муж хозяйки поливал его из шланга. Они были восхищены его закаленностью. Это было смешно, потому что он холодной водой боролся против своей вегетативной дисфункции, разгонял кровь. Так и с диссоциацией надо бороться, разгоняя нервы по телу. Но при этом не надо забывать, что ты шизоид, и с этим ничего не поделаешь. Диссоциация возникает как реакция на катастрофу, на внутреннюю эмоциональную катастрофу. Это не обязательно абьюз, но всегда то, что необходимо забыть. Но забыть в данном случае не означает вытеснить. Индивидуальное бессознательное не столь глубоко, чтобы поместить туда нечто, слишком ужасное. Диссоциация это самый радикальный механизм защиты в том смысле, что он из субличностей делает самостоятельные личности. У человека может быть несколько субличностей (по Р. Ассаджиоли). Он — отец, муж, пешеход, водитель-автомобилист, начальник, подчиненный, пассажир, профессор, покупатель. Все эти субличности не опасны, хотя каждая из них связана с определенным изменением состояния психики. Профессор в аудитории не может вести себя, как покупатель в супермаркете. Но они друг друга контролируют. Самое важное в диссоциации это не просто то, что профессор и покупатель перестают узнавать друг друга,

а то, что они приобретают разные имена. Субличности одной личности превращаются в одну множественную личность, когда у каждой из них появляется свое имя собственное. Эти разные имена делают их чужими. Тот факт, что имя это важнейшая часть человека, прекрасно знают антропологи. Психологи обращают на это меньше внимания. И зря. От того, как меня называют: Вадим Петрович, Вадим, Вадик или даже Петрович, зависит мое отношение к самому себе. Когда моя внучка стала называть меня деминутивом Ди, которым прежде называла меня только жена, она стала мне ближе. Психология имени еще не разработана. А это очень тесно связано с диссоциацией — как люди друг друга и себя называют. Еще очень важную роль имеет переход или не-переход на «ты». Если студенты зовут меня Вадим Петрович на «вы», это естественно. Когда я одной своей ученице, с которой мы писали в соавторстве статью, предложил перейти на «ты», это ее сильно фрустрировало. Она мне подчинилась, но отношения стали более напряженными. Она как будто ждала от меня сексуального насилия, в то время как мне казалось естественным, что соавторы называют друг друга по имени и на «ты». Но ей это казалось проявлением интеллектуального абьюза с моей стороны. Наши отношения только ухудшились.

Зачем мы перешли на «ты»?
За это нам и перепало —
На грош любви и простоты,
А что-то главное пропало.

Все это имеет непосредственное отношение к проблеме диссоциации / деперсонализации. Имя и дейскис тесно связаны между собой. От того, как я называю человека, и от того, как он называет меня, от того, на «ты» мы или на «вы», очень много зависит в наших отношениях. Но вернемся к моему пациенту. В какой-то момент он позвонил мне и сказал, что вспомнил очень странный сон, который ему приснился перед пробуждением в больнице. «Я еду на машине мимо вашего офиса, я еду домой, но никак не могу доехать, я вижу длинное здание, на котором написано “Северное Измайлово”, это путь домой, и я надеюсь, что скоро буду дома, я уже подъезжаю к дому, достаю ключ из кошелька,

но вместо ключа обнаруживаю там крошку таблетки и вспоминаю, что я изобрел лекарство, которое спасет все человечество. Я перекидываюсь через ступеньку и падаю, оказываясь в траве, я понимаю, что это смерть, и смерть это бесконечное повторение одного и того же. Я понимаю также с ужасом, что это я придумал всю эту вселенную и говорю себе: «Ну что ж, кто-то ведь должен был это все придумать!». Я вижу своего отца, который говорит мне грустно: «Вот так-то, брат!» Появляются моя жена и дочь, машина скорой помощи, но это скорее полицейская машина, я еду в наручниках опять мимо вашего офиса, вновь «Северное Измайлово», и все повторяется сначала, и все повторяется и повторяется. Сначала я думаю, что это теперь будет повторяться всегда, что это и есть смерть. Я в ужасе просыпаюсь и обнаруживаю, что лежу привязанный ремнями к кровати». Этот кошмарный сон он вытеснил. По-видимому, сновидение было как-то связано с тем моментом, когда он сел в такси и чем-то неизвестным, что произошло после этого, в результате чего он попал в больницу. Я не толкую сновидений. Я убежден, что сон и бодрствование это континуум. Эту идею я обосновал в своей книге «Новая модель сновидения». Сновидение нужно просто пережить, тогда оно будет иметь смысл в реальности. В этом смысле я ближе к Юнгу, нежели к Фрейду. Главное, что пациент увидел смерть и почувствовал себя Богом. Он осознал смерть как навязчивое повторение в духе статьи Фрейда «По ту сторону принципа удовольствия». Какая трагическая фраза: «Ну что ж, кто-то ведь должен был это все придумать!» Я всегда считал, что сновидения семиотически неопределенны, что в них нет знаков, но я, в конце концов, пересмотрел свой взгляд. Подобно тому, как идею Соссюра об арбитrarности языкового знака можно критиковать, как это делали Бенвенист и другие, точно так же может быть подвергнута сомнению идея неопределенности сновидения. Действительно, мы не знаем, из каких знаков соткано сновидение, но в сновидениях есть нечто вроде семантических фонем, из которых потом строятся знаки повседневной жизни:

То, что мы видим и слышим во сне, играет роль его формы, плана выражения. Но только играет роль, потому что никакой формы нет. Никакой феноменологии нет. Мы ничего

не можем видеть, так как глаза наши закрыты, мы ничего не можем слышать, так как вокруг тихо. Но, тем не менее, мы видим и слышим. Это очень трудно объяснить, но я думаю, что эта первичная мнимая семиотика сновидения играет роль означаемого. Тот предмет, который мы видим во сне, например, снег, а на снегу щепку, и является тем непостижимым планом выражения сновидения, который мы ищем. Из чего сделан стул? Из дерева. Из чего сделано сновидение, в котором нам приснился стул? Оно сделано из стула. А если в сновидении мы видим людей, то можно сказать, что это сновидение сделано из людей. Если это не очень понятно, то можно привести пример из фонологии. Допустим, имеется фонема «п». Она приобретает значение в своем противопоставлении фонеме «б» по звонкости/глухости, фонеме «м» по назальности/неназальности и так далее. Сама фонема ничего не значит, она не является знаком, но несколько фонем, например, «кот» могут в совокупности могут приобрести значение из-за того, что все они разные, у них пучки различных дифференциальных признаков. Примерно то же самое происходит в сновидении. Там роль фонем играют предметы, которые мы видим, а совокупность этих предметов составляют сновидческие имена, предикаты, пропозиции и языковые игры. Например, я вижу во сне лошадь, слугу и дом. Бесполезно спрашивать, что означает слуга, что означает лошадь, что означает дом. Это просто, если так можно сказать, семантические фонемы сновидения. У каждой из этих фонем свои дифференциальные признаки. Например, лошадь одушевленная и слуга одушевленный, это их общий дифференциальный признак. По этому признаку они противостоят неживому дому. Я хочу уехать из дома на лошади, но слуга отказывается меня понимать. В чем может быть значение этого сновидения. Если рассматривать его как одно сновидное слово. Что это за слово? Можно ли составить словарь таких слов? Еще раз: мы пытаемся найти план выражения, или означаемое, сновидения, его денотат, условно говоря. Наш главный тезис вначале этой работы был в том, что нам лишь кажется, что мы спим, на самом деле мы бодрствуем. Тем не менее, сновидение семиотически неопределенно. Но это еще не значит, что оно полностью находится за пределами

семиотики. Раз мы что-то видим и слышим, значит, что-то должно быть. И это что-то является частью реальности как согласованного трансa. Мы пытаемся понять, что это такое. Наша последняя идея состоит в том, что планом выражения сновидения являются пучки семантических дифференциальных признаков. В принципе семантические дифференциальные признаки не являются чем-то материальным, например, слово «живое» само не живое ни мертвое, и слово «мертвое» само ни мертвое, ни живое. Так же, как в обычной речевой деятельности слово «деревянное» — не деревянное и слово «стальное» не стальное. Это свойство обычной реальности, которую мы называли шизореальностью именно за то, что слова в ней не похожи на предметы (Руднев 2014: 132–133).

Фрейд не знал современной ему структурной лингвистики, но, как можно предположить, в своих воззрениях на сновидение он имел в виду примерно то же самое. Здесь мы вновь сталкиваемся с проблемой наррации и Homo Narrativus. Сновидение представляет собой бессознательную наррацию. При этом оно не является какой-то отдельной языковой игрой. Оно гораздо больше, чем языковая игра. Сновидение это проникновение в многомерное время Данна. В это время попал в своем сне мой пациент. Это был временной водоворот. Он никак не мог вернуться домой. Возможно, что подтверждает идею континуума сна и бодрствования, он видел этот сон не в больнице, а когда его везли туда на полицейской машине, и он частично понимал это. Он проснулся от понимания ужасающей повторяемости одних и тех же событий. Здесь дело не во времени и не в смерти, а в чем-то другом. Смерть убивает наррацию. Она анарративна. Она является навязчивым повторением одного и того же. Но встает вопрос, как такое глобальное сновидение связано с появлением загадочного коморбидного симптома — деперсонализации с диссоциацией? Возможно, в этом разгадка тех, событий, которые произошли с моим пациентом после того, как он сел в такси. И почему попал в больницу. Возможно, это было не совсем сновидение, а некая глобальная галлюцинация, перестраивающая мир человека. Если бы, по Данну, он остался бы в этом колесе сансары, в этой безликой повторяющейся смерти, он так и не попал бы

в больницу. Но сон был слишком ужасен. И он диссоциировался с ним и вспомнил его, когда все уже было позади. Остался лишь его коморбидный симптом, на первый взгляд, никак не связанный с его сном-галлюцинацией. Но лишь на первый взгляд.

Пора понемногу переходить к теоретическому осмыслению этой истории болезни. Деперсонализация сукцессивна, а диссоциация симультанна. Накладываясь друг на друга, они дают смешанную картину времени. Человек привык себя чувствовать в *одной* модели времени, даже если «объективно» это не так. Деперсонализация — «я не такой, каким я обычно бываю» — и диссоциация — «меня не один, а двое» — диктуют эмоциональную фрустрацию. Но не такую, как при депрессии. А какую же? При депрессии утрата любимого объекта не забывается. При диссоциации абьюз или другая тяжелая невыносимая травма полностью забывается, но не вытесняется, а уходит в альтерверс, в другую личность. Время при такой двойной диссоциации становится двумерным. Выстраивается двухступенчатая данновская серия, когда одна личность просто лежит бревном, а вторая наблюдает за первой. В этом случае именно первая личность деперсонализируется, превращается в тело и становится атемпоральной пространственно подобной субстанцией, а вторая не знает, что с этим поделаться. Она может только наблюдать за ней, как бы та вообще не исчезла (это была бы уже не деперсонализация, а дереализация). Телесная субстанция неподвижна. Пациент говорит, что, когда он двигается, симптом проходит. Эта застойность вызывает подозрение, что именно неподвижность и двумерность провоцирует эту пространственную телесную субстанцию. Она еще лишается одного пространственного измерения. Это наводит на любопытные мысли о феноменологии депрессии. Депрессия это, прежде всего, утрата смысла и тем самым разрушение треугольника Фреге. При тяжелой депрессии человек почти всегда лежит. Смысл же это всегда движение, острый угол человеческого бытия. Когда при депрессии смысл жизни утрачивается, человек, по сути, превращается в двумерное существо. Подумать только, депрессивный человек лишается сразу двух измерений. Он просто какое-то неподвижное бревно. Но в его голове, особенно в состоянии сна, бушуют бессознательные фантазии. Бесцель-

ность, бессмысленность депрессивной жизни наяву компенсируется семантическими приключениями во сне. Депрессивные, как правило, видят яркие нарративные сны, в которых они активны. При гипомании напротив они проваливаются в короткий сон без сновидений, компенсирующий их дневную гиперактивность. Нужно сказать несколько слов о том страшном сновидении моего пациента, которое было очень длительным. Видимо, ему вкололи какой-то сильный седативный препарат. Это сновидение особое. Такие обычно снятся раз в жизни. Что такое сновидение? Это ступок смыслов, которые нет смысла толковать. Сновидение не загадка и не кроссворд, оно открыто пониманию. Если человек во сне почувствовал себя умирающим и воскресающим богом, то, значит, так оно и было. Это, конечно, юнговский архетип. Почему он появляется именно в сновидении? Да потому что то, что мы называем сознанием, мешает чувствовать себя свободными в проявлениях наших желаний. В этом и только в этом я вижу смысл формулировки Фрейда, что сновидение — это галлюцинаторное исполнение желаний. *Каких желаний? Что такое желание?* Мы поговорим об этом в главе четвертой «Желание». Теперь же следует подчеркнуть роль *обратной наррации* в исследуемой истории болезни. Это своеобразное проявление эффекта Павла Флоренского, согласно которому сновидец видит свой сон, начиная с пробуждения в обратном порядке. Но поскольку сновидение и бодрствование представляют собой континуум, то может стать, что эффект Флоренского проявляет себя в момент пробуждения от жизни, в момент «смерти». То есть когда человек умирает, начинается обратная наррация, повествование о его жизни, но не от конца к началу, а толчками, фрагментами, как в фильме Тарковского «Зеркало». Жизнь это свободная ассоциация. И цель жизни — расшифровка этой свободной ассоциации. Если этого осмысления, этой расшифровки нет, то человек постепенно превращается в бессмысленное бессловесное тело, за которым нужно наблюдать, как это и имело в случае моего пациента.

Мы сказали, что сновидение моего пациента лишь на первый взгляд было не связано с его коморбидным симптомом. Но если связано, то как? Любое сновидение — это деперсонализация. Как правило, когда человек спит, он лежит неподвиж-

ным бревном. Но за ним никто не наблюдает. Но так ли это? По Данну, человек попадает в многомерное время, а там должна быть серия наблюдателей. По М. Б. Менскому, во сне сознание (или то, что мы называем бессознательным в широком смысле) отключается не до конца. Это означает, что во сне есть наблюдатель, и этот наблюдатель — сам сновидец. Мы во сне видим себя как бы со стороны. Тело лежит неподвижно, глаза, как правило, закрыты. Но при этом мы как будто двигаемся, что-то говорим, куда-то бежим, с нами что-то происходит. Отличие от деперсонализации / диссоциации в состоянии бодрствования состоит в том, что во сне наблюдатель-сновидец наблюдает *не* за своим неподвижным телом, он дает ему отдохнуть от себя — в этом смысл состояния сна. Наблюдатель во сне наблюдает за своими сновидческими приключениями. Он становится зрителем этого фильма. Но фильм-сновидение нашего пациента был особенным не только потому, что в нем события повторялись много раз, и не только потому, что в нем он понял, что он придумал вселенную, но и потому, что это было не совсем сновидение. Возможно, хотя это не поддается проверке, ему снился этот сон или виделась эта галлюцинация не тогда, когда его привязали к кровати, а в момент его загадочной диссоциативной фуги. И, кто знает, может быть, он, предчувствуя, что с ним творится что-то неладное, сказал водителю, чтобы тот вез его не домой, а к моему офису, а потом он передумал, и они поехали домой, и он действительно видел это здание, на котором написано «Северное Измайлово». А после этого он попал в состояние временного водоворота, при котором вся эта поездка повторялась большое число раз, пока он в ужасе не проснулся. То есть я хочу сказать, что, возможно, в момент сна он не был бессловесным бревном, а наоборот находился в состоянии бредово-галлюцинаторного возбуждения. Ведь врачи так и заявили, что у него был психоз, когда милиция доставила его в больницу. Итак, возможно, не сон, а галлюцинация. Чем галлюцинация отличается от сновидения? Прежде всего тем, что человек не спит (хотя возможны галлюцинации во сне), двигается и может находиться в состоянии двойной ориентации, то есть воспринимать по временам и бред, и окружающую реальность. Какая временная картина формируется при бре-

во-галлюцинаторном комплексе? Антон Кемпинский называл ее временной бурей (см. цитату в начале первой главы). Это значит, что все измерения ломаются и все наблюдатели сметаются, как ломаются мачты и сметаются паруса на корабле при шторме на море. Прошлое перемешивается с будущим и настоящим. *Самое страшное при таком положении вещей это отсутствие точки настоящего, благодаря которой мы вообще живем.* Поэтому параноидная шизофрения так страшна и опасна. Человек в таком состоянии может навсегда затеряться в вихре времен, подобно герою стихотворения Гумилева «Заблудившийся трамвай». Шизофреник при остром параноидном бреде существует где угодно, но не здесь и сейчас. Вернее, его тело находится здесь, а «душа» где-то неизвестно где или вообще нигде. Недаром об остром шизофреническом психозе говорят, как о «психической смерти». Сновидение-галлюцинация моего пациента не была временной бурей, это был временной водоворот. Представьте себе человека, который попал в реальный водоворот в реке и понимает, что он сейчас утонет. Его охватывает паника. Может быть, отголоски этой паники и сказались при коморбидном симптоме деперсонализации / диссоциации, когда мой пациент наяву тревожно наблюдал за своим неподвижным телом и не понимал, что ему с этим поделать.

Итак, при шизофреническом бреде нет точки отсчета, благодаря которой мы можем существовать в мире, нет настоящего. Похоже, мы случайно подошли к самой сути безумия. Почему так важно настоящее для нормальной жизни? Ведь что такое потеря реальности? Это потеря настоящего момента, единственной реальности, в которой мы по-настоящему живем, в этой неуловимой точке. Что происходит при остром приступе шизофрении, когда человек перестает тестировать реальность? Наступает временной коллапс. Времени больше нет. Больной теряет единственную точку опоры, которая удерживает его в жизни. Настоящий момент. А как же Данн и многомерное время? А как же Эверетт и параллельные миры? Электрон, который находится в состоянии суперпозиции, то есть *везде*, во всех параллельных мирах одновременно, не может быть измерен в соответствии с принципом неопределенности Гейзенберга. Но Эверетт считал,

что при измерении суперпозиция сохраняется, а М. Б. Менский выдвинул гипотезу, в соответствии с которой весь классический мир, в котором мы живем, — квантовый. А как же иначе! Мы состоим из элементарных частиц, но только (в терминологии ученика П. Д. Успенского Родни Коллина) в обычной жизни мы живем механически (мы — спящие машины). Когда мы умираем, мы оживаем вновь, но только уже в молекулярном состоянии — он это называл состоянием души. Душа живет гораздо более тонкой жизнью, она может проходить в замочную скважину, как запах. Но и душа, по Коллину, умирает, и тогда рождается электронная жизнь, жизнь духа, который может пребывать везде (отсюда «дух дышит, где хочет»). Книга Родни Коллина написана в начале 1950-х годов, она называется «Теория вечной жизни» (есть русский перевод Коллин 2014). Вернемся к безумию. Что такое безумие? В отличие от сна при безумии психика отключается практически полностью. (Менский этого не знал. К сожалению.) Психическая смерть поэтому может быть приравнена в определенном смысле к рождению электронной жизни, а «невроз» — к молекулярной жизни — известно, что невротики чувствуют гораздо тоньше, чем *homo normalis*. Полный безумец, то есть человек, находящийся в состоянии острого параноидного шизофренического бреда, пребывает в состоянии суперпозиции. Он, как Хлестаков, который в конце сцены вранья кричит: «Я везде! Я везде!». Хлестаков, конечно, не истерик, а безумец, как и его гениальный создатель Гоголь. Во всяком случае, таким он предстает в одноименном спектакле современного российского режиссера Владимира Мирзоева, еще одного гениального безумца (подробно см. главу «Смерть Хлестакова» в моей книге «Полифоническое тело» (Руднев 2010)). Хлестаков с этой точки зрения — настоящий ревизор, так как он всех вывел на чистую воду. При параноидной шизофрении человек может путешествовать по времени гораздо более свободно, чем во сне или при принятии психоактивных веществ, как в опытах Грофа. В каких угодно запредельных и кажущихся фантастическими мирах, как в Даниил Андреев в «Розе мира». Даниил Андреев с клинической точки зрения был парафреник, то есть как бы наполовину шизофреник, наполовину здоровый. В своей дневной

части жизни он функционировал как обыкновенный, но только необычайно добрый и благородный человек, по ночам же он путешествовал по трансфизическим мирам. Но у кого поднимется рука назвать этого человека сумасшедшим! Все, что он описывает в «Розе мира», просто чрезвычайно непривычно. Он был просто не такой, как мы, он был наделен способностью к электронной жизни. Недаром раньше таких людей называли *духовидцами*. Итак, для *homo normalis* точка настоящего это единственное, что удерживает его в обыденной механической жизни, он, как электрон в копенгагенской интерпретации квантовой физики. При редукции фон Неймана он выходит из суперпозиции, и его можно измерять, он становится похожим на макрообъект, живущий механической жизнью. Но если был прав Эверетт, а не Бор, то его измерить нельзя, и никакой точки настоящего нет, как нет и сознания. То есть нормальные люди только кажутся нормальными. Человек стал механическим для того чтобы выжить. Но существует гипотеза Ганнушкина-Кроу, в соответствии с которой каждый человек немного шизофреник (Ганнушкин 1998 <1914>, Crow 1997). В какой-то момент, по Кроу, произошла генная мутация, и тогда в человеке поселился шизофренический ген, плата за использование *Homo Sapiens* арбитрного языка, как пишет Тимоти Кроу. Без этого гена человек не мог бы стать *Homo Narrativus*, не мог бы рассказывать историй, что отличает его от остального животного мира. Тогда и появилась в человеческой психике эта точка настоящего. Пребывание моего пациента во временном водовороте является разновидностью этой потери точки настоящего. Его сон-галлюцинация имел явно трансфизический характер. Я рассказал ему о своих выводах. Через неделю он позвонил и сказал, что его коморбидная симптоматика исчезла. Он воссоединился со своим телом. Конечно, это иллюзорная целостность. Мой пациент — не *homo normalis*, и я думаю, ему еще предстоят увлекательные трансфизические приключения. Но при современном развитии психотерапии и психофармакологии это не страшно.

Глава третья

МАГИЧЕСКАЯ ИМПЛИКАЦИЯ

1.

Загадка ОКРЛ — так в современной западной психиатрии сокращенно называют обсессивно-компульсивное расстройство личности... Впрочем, этих загадок много. Первая заключается в следующем. Почему люди, страдающие этим расстройством, одновременно педантичны и склонны к суевериям и бытовой магии? В 2006 году я написал большую статью об этом, которая так и называлась «Педантизм и магия» (Руднев 2007), но так и не пришел до конца к определенным выводам. Загадка эта состоит в следующем. Все компульсивные личности, то есть личности с навязчивыми мыслями и представлениями, чрезвычайно пунктуальны. В то же время, они чрезвычайно суеверны. Как связаны педантизм и магия? Это первая загадка. Вторую задал Фрейд в книге «Тотем и табу», где он ввел понятие всемогущества мысли у «навязчивых невротиков». Как они узнают будущее? Как они точно знают время своего пробуждения? В свете наших предшествующих рассуждений вроде бы ясно — они каким-то образом, например, во сне попадают в будущее, потом возвращаются назад и делают свои удивительные предсказания. Но это ответ слишком в лоб. Компульсивные не такие люди, к которым применим данный ответ. Если бы речь шла об истериках с богатой фантазией, то можно было бы его принять. Но компульсивные — люди с *чрезвычайно* бедной фантазией, с редуцированной эмоциональной сферой, редуцированной чувственностью. Если, как сказал, кажется, Фрейд, истериков нужно учить думать, то ананкастов нужно учить чувствовать. Третья загадка также

содержится в «Тотеме и табу». Фрейд говорит о *неврозе* навязчивости применительно... к первобытным людям, и это его несколько не смущает. Но я не понимаю, как можно было говорить о *неврозе* применительно к первобытным людям. Невроз — прерогатива развитой утонченной личности XX века. Ср. название книги Карен Хорни «Невротическая личность нашего времени». Невротики, как кажется, появились в серебряном веке вместе с психоанализом — изломанные, утонченные декаденты: истерики, фобики, легкие меланхолики. А ОКРЛ это скорее психоз. Ну как можно назвать невротическим поведение, когда человек прокалывает иглой фигурку своего врага, а тот, узнав об этом, умирает? Здесь сказалась ранняя нелюбовь Фрейда к психозам и нежелание ими заниматься. Он полагал, что психоанализ применим лишь к невротическим расстройствам, «неврозам отношения», то есть к людям, которые образуют перенос на психоаналитика и легко выдают свободные ассоциации. Но любому психоаналитику известно, что компульсивные с большим трудом образуют перенос и что выдавать свободные ассоциации для них мучительный труд. При этом Фрейд внес большой вклад в изучение психозов в «Случае Шребера», а также в статьях «Невроз и психоз» и «Утрата реальности при неврозе и психозе». Кроме того, «Случай Человека Волка» («Из истории одного детского невроза») тоже в сущности, психотичен. Здесь Фрейд и его пациент Сергей Панкеев образовали своеобразный психоз на двоих, придумав первичную сцену, когда полуторагодовалый ребенок якобы видит коитус родителей, что является введением в Эдипов комплекс. Ранние психоаналитики считали, что «невроз навязчивых состояний» формируется в возрасте двух-трех лет, когда отец приучает ребенка к горшку, то есть связывали его с анальной фиксацией. Между тем, самый выдающийся ученик Фрейда Шандор Ференци в хрестоматийной теперь статье «Ступени развития чувства реальности» показал, что ощущение всемогущества связано с гораздо более ранними стадиями развития ребенка. Ференци писал:

Психоаналитический опыт помог мне понять симптом чувства всемогущества: это проекция восприятия, заключающегося в том, что нужно рабски повиноваться непре-

одолимым инстинктам. Невроз навязчивых состояний есть регресс душевной жизни на ту детскую ступень развития, на которой между желанием и поступком еще не включилась мыслительная деятельность, способная затормозить или отсрочить этот поступок, взвесить его последствия; вместо этого тотчас за желанием следует действие, направленное на исполнение этого желания: какое-то движение, которое может предотвратить неудовольствие или приблизить удовольствие. (Известно, что маленькие дети почти рефлекторно тянут руку к любому приглянувшемуся им предмету. Они также изначально не способны отказаться от какого-нибудь «озорства», доставляющего удовольствие, если есть побуждающий к этому раздражитель. Один маленький мальчик, которому запрещалось ковырять в носу, ответил матери так: «Я и не хочу, а моя рука хочет, и я не могу ей помешать».)

Как показывает анализ, у невротиков с навязчивыми состояниями какая-то часть душевной жизни, «вытолкнутая» из сферы сознательного, застревает на этой детской ступени вследствие торможения развития (фиксации) и отождествляет желание и поступок, будучи не в состоянии научиться отличать одно от другого именно из-за вытеснения, отвлечения внимания, в то время как свободное от вытеснений, нормально развитое «Я», умудренное воспитанием и опытом, может только смеяться над таким отождествлением. Отсюда и внутренняя раздвоенность у невротиков с навязчивыми состояниями: непонятное сосуществование просвещенности и суеверия.

Не будучи полностью удовлетворен этим объяснением чувства всемогущества как аутосимволического феномена (так называет символически изображенные самовосприятия Зильберер), я задал себе вопрос: откуда все-таки у ребенка берется та смелость, с которой он приравнивает друг к другу помыслы и поступки? Откуда происходит эта непосредственность его действий, когда он тянется рукой ко всем предметам, к висящей над ним лампе и к сияющей луне, уверенный, что достанет себе все, что хочет?

Тогда я вспомнил, что, согласно предположению Фрейда, в фантазии всемогущества у невротиков с навязчивыми состояниями «можно обнаружить обрывок старой детской

иллюзии величия», и попытался проследить возникновение и судьбу этой иллюзии. Я надеялся при этом узнать что-нибудь новое о развитии «Я» — от принципа удовольствия к принципу реальности, так как мне показалось вероятным, что развитие «Я» заключается в навязанной опытом замене детской иллюзии величия признанием власти сил природы.

Тип организации, при которой позволено предаваться принципу удовольствия и пренебрегать реальностью внешнего мира, Фрейд называет фикцией, однако эта фикция практически реализуется у нормального грудного ребенка при наличии удовлетворительного материнского ухода. Хочу добавить, что имеется и такое состояние в процессе развития человека, когда идеал существа, предающегося исключительно удовольствию, реализуется не только в воображении или приблизительно, но на деле и полностью.

Я имею в виду тот отрезок жизни, который человек проводит в материнской утробе, по сути — на положении паразита. «Внешний мир» существует для этого зарождающегося существа только в очень ограниченной мере; его потребность в защите, тепле и питании полностью покрывается за счет матери. Ему не надо прилагать усилий для дыхания и питания, так как сама природа позаботилась о том, чтобы кислород и питательные вещества сами поступали в его кровеносные сосуды (Ференци 2000 <1913>: 135).

Принцип всемогущества, как мы его назвали в своей книге «Новая модель бессознательного», является очень ранним, архаичным, он едва ли не сопутствует параноидно-шизоидной стадии, выделенной Мелани Кляйн, то есть относится к первым четырем месяцам жизни. И, наконец, последняя загадка — загадка магической импликации. Каким образом получается, что, когда человек прокалывает фигурку врага, тот умирает? Фрейд всегда заявлял о своем атеизме. Юнг навязчивостями, насколько мне известно, специально не занимался. Вообще мне не приходилось читать в психоаналитической и психиатрической литературе, что ОКРЛ это что-то загадочное. Что же такое магическая импликация? Например: «Если я небрежно повешу пальто, мой отец умрет» (пример Отто Фенихеля из его книги «Психоаналитическая теория неврозов» (Фенихель 2004 <1945>)). Или: «Если женюсь на этой

женщине, мой отец умрет» (пример из фрейдовского «Случая Человека Крысы»). Или: «Если я не пойду по этой привычной тропинке на дачу, моя теща умрет» («случай академика» из моей статьи «Педантизм и магия»). Характерно, что во всех трех примерах речь идет о смерти. «Навязчивое повторение», с которым мы столкнулись в предыдущей главе, — концепт Фрейда из «По ту сторону принципа удовольствия», и означает он смерть. Почему смерть мыслилась Фрейдом как повторение? Ведь смерть происходит один раз, а Фрейд не сочувствовал буддизму с его идеей колеса сансары, хотя в работе, о которой мы говорим, есть термин «принцип Нирваны», но его он позаимствовал у своей ученицы Барбары Лоу. Не слишком ли много загадок? Можно сказать предварительно одно — магическая импликация и все ОКРЛ в целом это не просто эффект примитивного или патологического мышления. В духе антипсихиатрии можно сказать, что это просто *другая психика*. Свою задачу в этой главе мы видим в том, чтобы в определенном смысле *оправдать* магическую импликацию, показать ее реалистические, если угодно, корни. Понять, какие прагма-семантические связи образуются между антецедентом (если) и консеквентом (то). И помогут нам в этом и Юнг с его теорией синхронии, и Данн с его многомерным временем, и профессор Менский с его параллельными мирами, и собственная смекалка.

2.

В принципе любое расстройство личности может проходить в трех регистрах — невротическом, пограничном и психотическом, даже шизофрения, за исключением, пожалуй, истерии. Но какие-то заболевания являются невротическим по преимуществу, например, истерия, какие-то психотическими, например, шизофрения, а какие-то пограничными, например, шизоидное расстройство. Если человек просто имеет привычку барабанить пальцами по столу, то это даже не невроз, а дурная привычка. Но если он опаздывает в офис на одну минуту, и у него по этому поводу начинается паническая атака, то это уже пограничное ОКРЛ. Если же он уверен, что если он небрежно повесит пальто, его отец умрет, то это уже психоз. Мы говорили в прошлой главе о точке отсчета настоящего как индикаторе психического здо-

ровья. Здесь потеря этой точки настоящего имеет место. Между моментом, когда он небрежно повесил пальто, и смертью отца имела не временная, а логическая связь. Проверим это на примере обычного условного суждения. «Если завтра будет хорошая погода, мы поедem за город». Здесь всё на месте. Точке отсчета в момент говорения соответствует точка отсчета в будущем. Другой критерий — это закон Матте Бланко для бессознательной симметричной логики. Игнасио Матте Бланко, чилийский психоаналитик конца XX века, автор книги «Бессознательное как бесконечные множества» (Matte Blanco 1976), сам этого закона эксплицитно не формулировал. Я даю его в своей формулировке, как она приведена в моей книге «Логика бреда» (Руднев 2015): «Всё равно всему и все равно бесконечности». Так действует логика бессознательного, отчасти логика сновидения и логика безумия. Ведь *бессознательное по своей сути психотично*. Как этот закон можно применить к магической импликации? Если все равно всему и все равно бесконечности, то можно построить *бессознательную импликацию* с любым антецедентом и любым консеквентом. «Если эта дверь белая, то Франклин Рузвельт — еврей». «Если завтра будет хорошая погода, то квадрат — круглый». Это, конечно, психотические высказывания. Но это не ОКРЛ — это шизофрения. Однако между ними есть тесная связь, что наиболее ярко показал Людвиг Бинсвангер в своей работе «История болезни Лолы Фосс» (Бинсвангер 1999), где все начинается с obsessions, которая перерастает в бред преследования и заканчивается психотическим Ужасом. Здесь важны два понятия, которые используются в психоаналитической литературе, — эго-синтонность и эго-дистонность. Пока obsessions эго-дистонна, то есть чужда эго, пока человек понимает, что его навязчивости бессмысленны (хотя ничего бессмысленного не бывает, все можно осмыслить при помощи анализа произвольных ассоциаций; всякий симптом имеет смысл), то он остается в невротическом регистре. Если же он свои навязчивости воспринимает как эго-синтонные, то есть осмысленные и нужные ему, то он переходит в пограничный и затем психотический регистры. Для компульсивного чрезвычайно важны три вещи: стабильность мира, его логичность и наличие невидимых связей между событиями. Это и обуславливает валид-

ность магической импликации. В случае академика он понимал, что нужно идти на дачу по одной и той же тропинке, чтобы обеспечить стабильность мира, тогда теща останется жива, во всяком случае, он не будет повинен в ее смерти. Когда он пошел по другой тропинке, на что его уговорила встретившаяся на станции соседка, считая, что так быстрее, он нарушил стабильность мира, изменил связь вещей и событий, и поэтому в ту же ночь он получил телеграмму, что теща умерла. После этого он всю жизнь чувствовал вину за ее смерть. Еще раз: в мире должен царить полный логический порядок, ничего не должно меняться. Но поскольку это невозможно, то существует институт компульсивных ритуалов, компенсирующих эту изменчивость мира, возвращающих ему стабильность. Если человек умер, то люди собираются и устраивают поминки и, во всяком случае, в первобытном обществе веселятся (Фрейденберг 1997 <1937>), чтобы почувствовать, что покойник остается, с одной стороны, с ними. Но, с другой стороны, чтобы он не возвращался, что очень опасно, о нем говорят только хорошее, каким бы он не был в жизни на самом деле. В книге «Новая модель времени» (Руднев 2015а) мы писали, ссылаясь на книгу Делёза «Различие и повторение», что повторение и различие являются универсальными механизмами жизни. Компульсивное повторение несет стабильность, истерическое различие несет становление. Эти два механизма жизни, условно говоря, мужской и женский, обеспечивают ту динамику жизни, в которой мы живем. Что же касается магической импликации, то, по всей видимости, она по своей сути носит пограничный характер. Она является частным проявлением закона Матте Бланко: «Если многое подобно многому, то многое является многим и является бесконечностью». Но какова природа этого подобия?

3.

Действительно, если в бессознательном, по Матте Бланко, господствует симметричная логика, где $A = B = C \dots$ равно бесконечности, то оно, конечно, может быть приравнено к психотическому. Но применительно к магической импликации мы говорим не о тождестве, а о подобии. В стихотворении «Про стихи» Анна Ахматова писала:

Это — выжимки бессонниц,
Это — свеч кривых нагар,
Это — сотен белых звонниц
Первый утренний удар...
Это — теплый подоконник
Под черниговской луной,
Это — пчелы, это — донник,
Это — пыль, и мрак, и зной.

В стихах все подобно всему. Стихотворный ритм, по Лотману, это такое положение вещей, когда различное приравняется, а тождественное расподобляется (Лотман 1972). Но бессознательное в узком смысле это некое особое состояние психики, которое невозможно наблюдать, поскольку все в нем находится в суперпозиции. Бессознательное — *везде*, в нем нет точки отсчета, в нем нет времени (ср. цитату из Матте Бланко в первой главе настоящего исследования). Но, более того, в бессознательном нет и пространства. Мы привыкли мыслить в пространственных категориях и поневоле представляем или склонны представлять бессознательное как некий резервуар, в котором покоятся вытесненные «плохие содержания», отходы психики, по Фрейду, или наоборот, что это сокровищница позитивных смыслов, по Юнгу. В книге «Новая модель бессознательного» (Руднев 2011) мы увидели бессознательное как взаимное отражение большого (коллективное бессознательное) и малого (индивидуальное бессознательное) зеркал, направленных друг на друга. В этом смысле можно сказать, что бессознательное это некое антипространство, эта некая дыра в бесконечность. Черная дыра, если угодно. Неверно, что сновидение это аналог бессознательного. Фрейд говорил, что сновидение это *путь* в бессознательное. Только путь, а не само бессознательное, путь, который никуда не приводит. Потому что мы не можем ясно мыслить бесконечное. Для чего же в психике нужна такая субстанция, где царит всеобщее подобие и тождество различных вещей, смыслов и фактов? Но, может быть, это не субстанция вовсе, а лишь некий проблеск в инобытие. Недаром в своей самой знаменитой книге «Психопатология обыденной жизни» Фрейд говорит, что бессознательное кроется в ошибочных действиях, в опечатках, описках, оговорках. Как

это понять, что происходит, когда человек хочет сказать одно, а говорит противоположное? Когда, например, председатель, открывая заседание, говорит: «Объявляю заседания закрытым» (пример Джона Остина из его книги «Как производить действия при помощи слов?» (Остин 1999)). В чем бессознательное зерно этого ошибочного речевого акта? Почему председатель объявил заседание закрытым? Потому что ему уже заранее надоела эта скучная канитель, и его бессознательное выдало его. Бессознательное, таким образом, коварно. Оно может, как говорил Юнг, *затопить* психику, а это не что иное, как психоз. Теперь подумаем, как идея, в соответствии с которой бессознательное психотично, поможет нам разгадать загадки ОКРЛ и магической импликации. Как мы уже отметили в предыдущем разделе, типичное мышление компульсивного это пограничное мышление. Для пограничного мышления характерен феномен расщепления, когда реальность воспринимается в черно-белых красках. Одни люди плохие, другие хорошие. Потом хорошие становятся плохими. По свидетельству Эрнста Джонса, это было характерно для Фрейда. Он сначала увлекался человеком, восхищался им, а потом, когда тот начинал свой путь, отличный от психоанализа, он становился плохим парнем. Это, прежде всего, относится к отношениям с Флиссом, Адлером, Юнгом и Ранком (Джонс 1997). Это говорит о том, что Фрейд был или бывал пограничной личностью. Когда человек говорит, что если я пойду по другой тропинке, моя теща умрет, то что, собственно, он имеет в виду? Его теща тяжело умирала от рака, и, возможно, Фрейд на нашем месте сказал бы, что академик бессознательно желал ей смерти. И бессознательно убил ее. Как такое возможно? При чем здесь одна или другая тропинка? Но если вообще есть бессознательное, то оно мистично. По каким-то неведомым каналам теща узнала, что зять приговорил ее к смерти, пройдя на дачу по другой тропинке. Будучи учеником Гурджиева и Успенского, я не боюсь мистики. Я считаю, что это просто еще не обследованная область науки. Что такое мистика? Это когда люди понимают друг друга без слов. А все мы знаем, что это часто бывает. Слова часто лгут. «Язык переодевает мысли» (Витгенштейн 1958). Что же получается: что мы можем убивать друг друга на расстоянии? Я думаю, что, к сожалению, можем. И убиваем.

Любимых убивают все,
Но не кричат о том.
Издевкой, лестью, злом, добром,
Бесстыдством и стыдом,
Трус — поцелуем похитрей,
Смельчак — простым ножом.
Любимых убивают все,
Казнят и стар и млад,
Отравой медленной поят
И Роскошь, и Разврат,
А Жалость — в ход пускает нож,
Стремительный, как взгляд.
(Оскар Уайльд.
«Баллада Рэдингской тюрьмы»)

4.

У всех людей, а не только компульсивных (помимо гипотезы Ганушкина-Кроу) налицо психотическая структура личности, утверждал Лакан в знаменитой маскиме о том, что норма это только хорошо компенсированный психоз. Что это значит для нас? Это значит, что человек, если бы не было «культуры», если бы не было «согласованного бреда», не отвечал бы за свои поступки, и мы все убивали бы друг друга на расстоянии по мере надобности. Но в этом кроется и противоречие. Психотический не всегда агрессивный. На расстоянии можно передавать не только ненависть, но и любовь. Один мой пациент, которого в детстве отец почти насильно в детстве отправил в пионерский лагерь, не смог там выдержать больше трех дней. Он бежал по лесу и кричал: «Мама! Мама!» И мать потом утверждала, что она слышала его. Мальчик пошел к начальнику лагеря и умолил отпустить его домой. Гурджиев, который обладал удивительными телепатическими способностями (по свидетельству Успенского, он разговаривал с ним во сне по ночам), в зрелом возрасте отказался от них, так как понимал их разрушительную силу. По его словам, он в юности мог убить взглядом слона. Можно ему не верить, но дело не в этом. Психотическая структура человеческой души обуславливает необходимость той инстанции психического аппарата,

которую Фрейд назвал СверхЯ, а Лакан — Именем Отца. СверхЯ это палка о двух концах. Несчастный Кафка так боялся своего Имени Отца, что когда тот кричал ему в детстве, что разорвет его на части, то мальчик был уверен, что это на самом деле возможно. Вообще тема отцов и детей это компульсивная тема. Ведь именно отец задает деонтические нормы, а норма для компульсивного священна. В рассказе Кафки «Приговор» немощный отец, прикованный к инвалидной коляске, за что-то разгневавшись на сына, кричит ему: «Я приговариваю тебя к казни, к казни водой» и бедный сын, не говоря ни слова, бежит топиться со словами «Бедные мои родители!» У другого моего пациента отец был добрый и либеральный (разрешал ему в 13-летнем возрасте пить вино и курить в своем присутствии), но когда сын поступил в университет и пошел своей дорогой, отец стал жестким и авторитарным. Кончилось это тем, что, когда отец потерял работоспособность, сын писал за него статьи и подписывал именем отца по его просьбе. Однако в принципе надо подчеркнуть, что мистические связи в магической импликации могут быть «реалистически» объяснены самими пациентами. Так, в примере Фенихеля, когда сын считал, что его отец умрет, если он небрежно повесит пальто, он давал такое объяснение:

Следующий случай хорошо иллюстрирует веру во всемогущество мышления, чувство вины, обусловленное этой верой, и попытки защититься от чувства вины посредством аккуратности.

Перед началом войны пациент, вешая свое пальто в шкаф, внезапно воспринял компульсивную команду: «Ты должен повесить пальто особенно аккуратно». Он, сопротивляясь, ответил: «Я слишком ленив», и вдруг почувствовал угрозу: «Если ты не повесишь пальто аккуратно, разразится война». Пациент не проявил осторожности.

Несколькими днями позже началась война. Пациент сразу вспомнил эпизод с пальто. Он знал, конечно, что причина войны не в его неосторожности, но чувствовал себя, словно дело в нем. Ранее он был убежден, что умрет на войне, и теперь считал войну справедливым наказанием за свою небрежность в повешении пальто.

Интерес пациента к войне имел долгую историю. В детстве он очень боялся деспотичного отца и преодолевал свою тревогу, пугая маленького брата. Он вел себя садистски по отношению к брату, особенно во время игр в войну. Когда пациент был в юношеском возрасте, его брат умер от болезни. Тогда у него возникла обсессивная мысль о собственной смерти на войне. Эта мысль выражала бессознательную идею: «Я убил своего брата во время игры в войну, поэтому должен ожидать возмездия и умереть на войне».

Отец пациента сильно акцентировал аккуратность. Правильное вешание пальто означало — послушание отцу. <...> Впоследствии аккуратность, означавшая послушание отцу, приобрела бессознательное значение отказа от убийства отца. Неаккуратность, напротив, означала «риск совершить убийство отца и быть убитым» (Фенихель 2004: 390–391).

Если мы действительно внутренне агрессивны, а агрессия по Фрейду, это проекция влечения к смерти, то можно ли укротить эту агрессию? Культура, воспитание лишь формируют ложную личность, загоняют агрессию внутрь. Согласно рецептам Гурджиева и его учеников П. Д. Успенского и М. Николла здесь возможен лишь путь внутренней эволюции, метанойи. Этот евангельский термин в эзотерическом христианстве (как иногда Гурджиев называл свое учение), согласно Николлу, переведен на современные языки неправильно как «покаяние». «Покайтесь, ибо приблизилось Царствие Небесное». По Николлу это означает: «Измените свой ум, чтобы достичь высшего состояния сознательности» (Николл 2009). Идеи гурджиевистов не являются утопическими, так как Гурджиев всегда подчеркивал, что самосовершенствования на всех не хватит (об этом см. книгу П. Д. Успенского «В поисках чудесного»). Поэтому концепцию Гурджиева можно назвать аристократической. «Четвертый путь» предназначен лишь для избранных, для тех, кто возьмет на себя тяжелый путь ежедневного самовоспоминания на протяжении всей жизни. Другой путь предложен мной в статье «Прецедентный анализ» (Руднев 2016а). Он называется «новый трагизм». Новый трагизм это путь преодоления постмодернизма, где, как выразился однажды С. С. Аверинцев «все слова уже сказаны».

Новый трагизм предлагает вернуть словам их чистоту и самоценность. Почему «трагизм»? Когда я писал книгу об Иисусе Христе (Руднев 2013), я старался не врать и не злословить, потому что по Успенскому это хула на Святого Духа. Это было очень трудно и трагично, потому что человек в таком положении лишает себя привилегии Homo Narrativus — нарративного наслаждения. Кроме того, мне вовсе не идет роль проповедника. Поэтому я предлагаю вернуться к исследованию механизмов магической импликации и попыткам разгадки загадок ОКРЛ.

5.

Начнем издалека. С делезовского понимания Лейбница. Каждая монада у Лейбница, говорит Делёз в своих лекциях, отражает весь мир, но отражает его по-своему (Делёз 2015). Что это значит? Возьмем два обыкновенных высказывания: «Мальчик ест мороженое» и «На улице идет дождь». Будем считать, что это две монады, и каждая из них по-своему отражает весь мир. Мальчик ест мороженое — как это предложение может содержать весь мир? Ну, для мальчика, который поглощен поеданием мороженого, весь мир содержится в этом удовольствии. В предложении «На улице идет дождь» для тех, кто мокнет под дождем, весь мир мокнет под дождем. Маленькие дети так и считают, что, если здесь идет дождь, то он идет во всем мире. Теперь построим из этих двух предложений магическую импликацию. «Если мальчик ест мороженое, то на улице идет дождь». Здесь что-то не так. Не хватает будущего времени и личной вовлеченности. Правильно будет так: «Если я буду есть мороженое, на улице пойдет дождь». Если этот мальчик шизофреник, то на него распространяется закон Матте Бланко. Если А, то В, потому что $A = B$. Но этот мальчик обыкновенный пограничный ананкаст. И потому он должен как-то мотивировать связь между антецедентом и консеквентом. Лейбниц, конечно, был безумец, «здоровый шизофреник», по терминологии М. Е. Бурно. И Делёз это неоднократно подчеркивает. Если бы в полемике между Лейбницем и Ньютоном победил Лейбниц, то математика и физика пошли бы совсем по другому пути. Ведь Лейбниц придумал семантику возможных миров, но только никому об этом не сказал. Во всяком случае, так считал

Рассел. Если каждая монада содержит в себе весь мир, но каждая по-своему, то тот факт, что мальчик ест мороженое и тот факт, что на улице идет дождь, это примерно одно и то же. Каждое из этих высказываний на данный момент дает полное описание мира. Магическая импликация возникает в силу того, что каждая монада отражает мир по-своему, и нужно объединить их. А объединить их можно только при помощи магической импликации. Так она и возникает. Если спросить у мальчика, какая связь между тем, что он ест мороженое, и тем, что на улице будет идти дождь, он ответит, что мороженое холодное и дождь холодный. — А что если на улице светит солнце, ты тогда не будешь есть мороженое? — Не знаю. — А кто знает? — Не знаю, что вы ко мне пристали? Во всяком случае, ясно, что этот мальчик чувствителен к холоду, что он любит холодное, и он бессознательно подумал, что, если он будет есть мороженое, то на улице пойдет дождь. С детьми работать трудно. Мальчика нужно уложить на кушетку и понять, какие ассоциации вызывают у него мороженое, дождь и т. д. Возможно, выплывет какая-то девочка, с которой они вместе гуляли под дождем и ели мороженое, что-то в этом духе. Для чего нужна магическая импликация? Для того чтобы упорядочить мир и снять тревогу. Ананкаст, когда ему нужно начать работу, начинает вместо этого наводить порядок в комнате и так устаёт от этого, что на работу не остается сил. Нужно убирать комнату загодя, собирать с вечера учебники и т. д. Мы не правы, если думаем, что магическая импликация — это прямая линия. Это так же, как со временем. Мы думаем, что время — это стрела, на самом деле оно многомерно. Лейбницевская монада объемна. Она включает в себя *все* высказывания. Когда человек произносит какую-то фразу, то весь язык потенциально сопровождает эту фразу. Когда человек начинает говорить или действовать, его монада начинает отражать весь мир по-своему, но по-прежнему *весь* мир. Как с этой поправкой мы можем интерпретировать магическую импликацию? Представим себе, что, когда мальчик ест мороженое, в этой монаде соединяются все высказывания, которые он когда-либо произносил и произнесет, и все действия, которые он когда-либо производил и произведет. Почему мальчик ест мороженое? Потому что оно сладкое и холодное, и оно

напоминает, как мы гипотетически прояснили, тот случай, когда они гуляли под дождем с любимой девочкой, и у него не хватило денег, чтобы купить ей мороженое. Так возникла травма. Если бы мальчик был истериком, то он вообще перестал бы с тех пор есть мороженое. Но он ананкаст и предпочитает навязчивое повторение. Но каждый раз, когда он ест мороженое или вспоминает о мороженом, он думает, что в *следующий раз*, когда у него будут деньги, он обязательно осчастливит эту девочку. На дальнейшее он пока не рассчитывает. Главное в терапии магической импликации — дать понять пациенту это представление о множественности действительных параллельных миров, объемности языковой памяти и о том, как лейбницевская монада отражает мир, каждая по-своему.

6.

Магическая импликация при компульсии это почти то же самое, что проективная идентификация при шизофрении или на параноидно-шизоидной стадии. При проективной идентификации шизофреник или младенец навязывают свои проекции психоаналитику или матери, так что они вынуждены вести себя в соответствии с желанием субъекта. Проективная идентификация — это как бы магическая импликация в свернутом виде. Малыш как бы говорит (хотя он еще не может говорить): «Если я закричу, она немедленно придет и успокоит (накормит) меня». Вместо этого, он просто кричит, и она действительно приходит (или не приходит). В отличие от магической импликации при проективной идентификации важен другой. И другой может повести себя не так, как того хочет субъект. Он может вернуть проективную идентификацию назад, и тогда ребенку будет еще хуже, чем до этого. (Эта динамика описана в ранних статьях У. Биона (Бион 2009)). Это может произойти с матерью, если она не «умеет мечтать» (Бион), или с психоаналитиком, если он испытывает «ненависть в контрпереносе» (название статьи Дональда Винникота). В результате неудачной проективной идентификации образуются странные объекты, галлюцинаторные предметы, которые оказывают сильное воздействие на субъекта. А как обстоит дело при магической импликации? «Если я небрежно повешу пальто,

разразится мировая война и мой отец умрет». В известных нам примерах, как правило, царит некая зловещесть. Вообще, зловещее, жуткое, почти всегда сопровождает ОКРЛ. От сочетания педантизма и магии веет чем-то нацистским. Здесь очень важна роль числа (см. главу «Поэтика навязчивости» в моей книге «Характеры и расстройства личности» (Руднев 2002а)). Сколько именно евреев сожжено в данной газовой камере? Какое количество золотых зубов при этом выручено? Все это тщательно протоколируется. Иногда архивы из педантизма даже сохранялись при отступлении несмотря на их компрометирующий характер. Сохранился подростковый дневник будущего рейхсфюрера СС Гиммлера, где он каждым числом заносит, сколько раз он в этот день купался (Фромм 1994). Магическая импликация ориентирована, как правило, на уничтожение. В ее основе лежит холодная ненависть. Эмоциональная опустошенность. Это имеет место потому, что в основе компульсивного расстройства лежит механизм защиты изоляции интеллекта от эмоции. Но ненависть это тоже эмоция. Пожелание смерти это тоже желание. Здесь дело в ином. Как известно, классический психоанализ выводил невроз навязчивых состояний из анальной фиксации. «Если я сделаю по большому, меня похвалят». Здесь и появляется компульсивный странный объект — экскременты, которые таким чарующим образом воздействуют на родителей. Но анальная фиксация это вторичная фиксация. ОКРЛ формируется гораздо раньше, на параноидно-шизоидной позиции, где фекалии играют огромную роль. Младенец помещает их внутрь матери, захлебывается в них и т. д. Здесь никаких объектов, конечно, еще нет, все перемешано. Все равно всему. На вторичной анальной фиксации экскременты формируются не только как странный объект, но и как первый подарок от ребенка родителям. А подарок и должен быть странным объектом в широком смысле. При этом здесь у ребенка может быть и противоположная, сугубо компульсивная зловещая логика: «Если я не сделаю этого, меня, конечно, будут ругать, но подарка они не получат!» Надо подчеркнуть, что в соответствии с логикой «Тотема и табу» Фрейда этот фекальный объект является табуированным, его нельзя касаться. Его не хранят, а выбрасывают в унитаз. Ребенку это должно быть обидно. Сам

он не видит в фекалиях ничего грязного. Он хватает их руками, лепит из них что-то. За это его еще больше ругают. Так возникает реактивное образование — стремление к чистоте и боязнь загрязнения у ананкастов — мезофобия.

Однажды на заседании Профессиональной психотерапевтической Лиги мы обсуждали парадоксальную интенцию Виктора Франкла, психотерапевтический прием, когда для уничтожения симптома нужно повторять его, пока он не исчезнет. Один участник семинара рассказал, как в психбольнице соседи по палате посоветовали юноше, страдающему мезофобией, мыть руки как можно чаще. Результат был плачевным — у юноши начался психоз, его пришлось фиксировать и уводить в палату для буйных. Что противоположно магической импликации? По-видимому, дарение безусловной любви: «Что бы ты ни делал, я все равно буду тебя любить». Такое отношение к другому характерно для депрессивно-аддиктивных личностей, что заметила Ненси Мак-Вильямс в своей книге «Психоаналитическая диагностика» (Мак-Вильямс 1998). Что же ананкасты? Не будем делить характеры на хорошие и плохие. Да, академик убил свою тещу. Да, пациент Фенихеля развязал вторую мировую войну. Да, Раттенман (Человек Крыса) женился на своей любимой женщине, и от этого его отец умер. Нам остается выяснить, как связана магическая импликация со смертью. Через анальную фиксацию? Через навязчивое повторение? Не будем торопиться.

7.

Возвращаясь к первой главе нашего исследования, напомним, что магическая импликация, как любое речевое действие, является, прежде всего, нарратией. Причем, будучи вариантом контрфактического высказывания, лишенного значения истинности, магическая импликация является нарратией *par excellence*. Что определяет нарратацию? У каждой нарратации есть начало и конец, завязка и развязка. Вот академик решает пройти на дачу по другой тропинке — это завязка. Вот умирает теща — это развязка. Кульминация спрятана где-то посередине. Смерть знаменует собой конец любой нарратации. Даже такой, как «Если я буду есть мороженое, пойдет дождь». Здесь налицо окончание мира, завер-

шение монады. Каждое высказывание выражает собой инстинкт жизни и влечение к смерти. Но магическая импликация имеет в этом плане привилегию. В чем суть этой привилегии? В пожелании смерти? Не только. В навязчивом повторении? Но в магической импликации нет навязчивого повторения. Она происходит в отличие от типичных компульсивных действий один раз. Однако магическая импликация выросла из заговора, связь которого с компульсивным началом показана нами в упомянутой выше главе книги «Характеры и расстройства личности». Заговор произносится определенное количество раз в определенном месте. Но не забудем, что магическая импликация является псевдологической конструкцией, и само слово импликация — из логического словаря. Это говорит о том, что магическая импликация является инструментом постмифологического мышления, как и любая наррация. Магическая импликация как бы настигает человека в тот момент, когда он собирается совершить какое-то действие. Ему вдруг приходит в голову: «А ведь если я совершу это действие, произойдет то-то и то-то!» Мир оплетен логическими связями, от которых некуда деться. Одно событие влечет за собой другие, и мы часто не знаем, какие именно. Случайность лишь обратная сторона предопределенности, и ананкаст (ананке — по древнегречески «судьба») это знает лучше других. Когда человек говорит: «Если я небрежно повешу пальто, то разразится война», — это выглядит нелепо. Но людей на свете очень много, и у каждого свои импликации. События в параллельных мирах являются следствием бесконечного множества импликаций. Кажется, мы вплотную подходим к разгадке ОКРЛ. Если бы в руках у нас был инструмент, позволяющий зарегистрировать все магические импликации, существующие и возможные, то мы бы могли предсказывать будущее. По-видимому, такой инструмент есть в бессознательном у людей, наделенных высшим даром предсказания, которых *homo normalis* презрительно называют экстрасенсами. Но бессознательное является анарративным, индетерминированным и ателеологичным. Бессознательное это, скорее, главный порождающий механизм жизни. При этом наивно думать, что бессознательное это часть психики. Индивидуальное бессознательное, скорее, находится где-то на теле

без органов — бессознательный жест, бессознательное движение (подробно об этом см. главу «Бессознательное как тело» моей книги «Реальность как ошибка» (Руднев 2011a)). Коллективное же бессознательное это, скорее, как представлял себе Юнг, генетическая память человечества, поэтому вопрос, где оно расположено, не имеет смысла. Магическая импликация вначале имеет дело с индивидуальным бессознательным в антецеденте и коллективным в консеквенте. Вообще индивидуального бессознательного без коллективного не бывает, это как одна нога без головы или одна голова без тела. Вначале компульсивного действия имеет место выброс индивидуального бессознательного. Возвращение вытесненного, если угодно. Почему академик пошел под другой тропинке? Ответ Фрейда: потому что он бессознательно желал теще смерти. Ответ Юнга: для того чтобы свершилось то, что должно было свершиться, чтобы теща приблизилась к концу жизни, к постижению своей Самости. Любая ли смерть это постижение Самости? Христианские обряды исповеди, причащения и соборования направлены на то, чтобы в момент смерти человек встретился с Христом, который является нашей Самостью. Ананкасты, как правило, атеисты или агностики. Они думают, что они могут управлять судьбой — феномен всемогущества мысли. Но это не так. Хотя и обратное утверждение, что все мы игрушки в руках судьбы тоже неверно. Тот факт, что все было предопределено в момент Большого Взрыва (или в момент Божественного Творения — это как вам угодно), говорит о том, что магическая импликация, объективно говоря, не нужна. Все и так идет, как идет, своим чередом. Мы не хранители судьбы и не игрушки в ее руках. Мы просто осуществляем функциональные связи между фактами и событиями. Разгадка ОКРЛ, можно сказать в духе финала «Логико-философского трактата» в том, что загадки на самом деле не было. Магическая импликация является по сути реалистической. Она является частью общего движения смыслов. А общее движение смыслов согласно нарративной онтологии зашифровано самой реальностью. Смысл жизни в том, чтобы хотя бы один раз разгадать послание реальности. Но это происходит само собой на пересечении индивидуального и коллективного бессознательного. Человек ни о чем не догадывается.

Просто в один прекрасный момент он чувствует себя почему-то счастливым.

6.521 Решение проблемы жизни заключается в исчезновении этой проблемы. (Не это ли причина того, что люди, которым стал ясен смысл жизни после долгих сомнений, все-таки не могли сказать, в чем этот смысл состоит.) (Витгенштейн 1958)

Глава четвертая

ЖЕЛАНИЕ

1.

Желание — несомненно, самый мощный механизм жизни, поэтому в книге «Механизмы жизни», конечно, должна быть такая глава. Но дело в том, что я никогда не испытывал желания писать о желании. В молодости я принял идею, показанную в «Сталкере» Тарковского, в соответствии с которой человеку кажется, что он хочет одного, а на самом деле он хочет другого, часто противоположного. И это, несомненно, фрейдистская идея. И комната в «Сталкере», в которой исполняются желания человека, очень страшное место. Но, приехав из Белграда, я почувствовал непреодолимое желание написать главу о желании. Это, по всей видимости, было отсроченным результатом того научного удовольствия, которое я испытал, когда мой ученик-бакалавр Евгений Шулепов писал в конце прошедшего семестра дипломную работу «Игривость и драматизм: Новая модель желания». Несомненно, чтение этого стимулирующего исследования в первую очередь и побудило меня написать эту главу. В постстуденческие годы я воспитывался в философском плане не в духе психоанализа, а в духе философии обыденного языка, где ключевым текстом была книга Дж. Э. Мура «Принципы этики», в которой исследовалось не то, что такое добро, а значение слова «добро». Изучение психоанализа и работа в его русле пришла уже на зрелые годы, примерно с 1998 года, когда я прочитал русский перевод первого тома Семинаров Лакана. Каково же значение слова «желание»? Что значит, например, желание

поесть или каков смысл предложения «Я хочу есть»? Евгений Шулепов в своей работе предлагает очень важный концепт паратопии как потенциального пространства желания (Шулепов 2016: 38), которое является медирующим между внутренним и внешним пространством и реализуется, как мне кажется, в регистре лакановского Воображаемого. Итак, я хочу есть — что это значит? Это значит, что больше я ни о чем не могу думать, как только о еде. Вот *первый признак желания — это когда не можешь думать ни о чем другом*. Но вот я утолил голод, можно писать дальше. Желание писать — является ли оно желанием того же рода, что и желание поесть? Можно сказать: желание поесть носит физиологический характер, а желание писать — психологический. Когда меня называют машиной для письма (потому что я много пишу), меня это обижает. Мне кажется что желание писать это как раз наименее механическое из того, что во мне есть. Эту работу я называю «жить против жизни». То есть накапливать информацию и избывать энтропию в себе. Рыба должна плавать. Писатель должен писать. Но писатель не должен писать, он *хочет* писать. В этом состоит его фундаментальное желание, и оно почти физиологично. Кстати, один из героев «Сталкера» это писатель. Он идет в комнату, где исполняются желания, по видимому, за вдохновением. Очень важно понять то положение вещей, когда у человека нет никаких желаний. Когда он даже не хочет жить, что, как правило, имеет место при тяжелой депрессии. Что происходит при депрессии? Не хочется повторять фрейдовские и франкловские слова об утраченном объекте и потерянном смысле. Об этом мы много писали раньше. Что если определить депрессию как тотальную утрату желания? Но это было бы неправильно. Обычно при депрессии возникает желание спать как можно больше. Один мой знакомый, когда у него бывает депрессия и ему нужно садиться в метро и ехать на работу, а там заставлять себя общаться с коллегами, говорит себе: «Зато вся ночь — моя!» Но сейчас моя тема это желание писать главу о желании. Я работаю в предикативной парадигме, как это сформулировал покойный академик Ю. С. Степанов в книге «Трехмерном пространстве языка» (Степанов 1985). То есть я разделяю мнение Витгенштейна, что «мир состоит из фактов,

а не из вещей». Всякое желание, по Фрейду сексуально, а всякое влечение, по Лакану, это влечение к смерти. Все-таки как много на свете умных людей! Не затеряться бы среди них. Это еще одно фундаментальное желание художника и ученого — желание стать знаменитым. Это очень опасное желание. Согласно «принципу Успенского», как я его называю, тот, кто в этой жизни полностью вкусил славы, в будущей жизни станет низшим существом («Новая модель Вселенной» (Успенский 2004)). Бедный Фрейд! Бедный Лотман! Ну что ж, приготовления к работе окончены. Пора приниматься за саму работу.

2.

Действительно ли исполнение любого желания, кроме галлюцинаторного, является отсроченным? Да и что значит галлюцинаторное? Кальдерон был не глупее нас, когда писал:

Что это жизнь — это только бред.

Что это жизнь — это только сон.

В романе средневекового корейского писателя буддиста Ким Ман Чжуна «Облачный сон девяти» девять персонажей живут жизнью, полной желаний и приключений, а потом приходит буддийский монах и говорит, что это была их коллективная галлюцинация. Я разграничил согласованный бред и подлинный бред. Но и то и другое — бред. Мандельштам писал:

Я блуждал в игрушечной чаще

И открыл лазоревый грот...

Неужели я настоящий

И действительно смерть придет?

Когда в фильме «Игры разума» шизофреник Нэш говорит незнакомой девушке «Я хочу с тобой спать», он получает пощечину. Но, будучи шизофреником, он не мог в духе согласованного бреда ей сказать «давай поужинаем вместе». Он вновь говорит уже другой девушке «Я хочу с тобой спать», заранее подставляя щеку. Но она не только соглашается, но и выходит за него замуж. Но это получается только у шизофреников. У нас, нормальных людей, принято сначала ужинать, потом провожать до дома, потом «не

выпить ли нам чашечку кофе» и так, пока не надоест. Пушкин написал маленькую трагедию «Каменный гость», которая помимо прочего интересна тем, что там речь идет о не отсроченном желании. Дон Гуан находится в своей паратопии и требует, требует от Доны Анны прямо сейчас, у гроба мужа. Но бессознательное ему подсказывает, что прямо сейчас и здесь, скорее всего, она ему не даст. Поэтому на ее вопрос, чего же он требует, он отвечает: «Смерти!»

Дона Анна

Ну? что? чего вы требуете?

Дон Гуан

Смерти.

О пусть умру сейчас у ваших ног,
Пусть бедный прах мой здесь же похоронят
Не подле праха, милого для вас,
Не тут — не близко — дале где-нибудь,
Там — у дверей — у самого порога,
Чтоб камня моего могли коснуться
Вы легкою ногой или одеждой,
Когда сюда, на этот гордый гроб
Пойдете кудри наклонять и плакать.

Дона Анна

Вы не в своем уме.

Дон Гуан

Или желать
Кончины, Дона Анна, знак безумства?
Когда б я был безумец, я б хотел
В живых остаться, я б имел надежду
Любовью нежной тронуть ваше сердце;
Когда б я был безумец, я бы ночи
Стал провождать у вашего балкона,
Тревожа серенадами ваш сон,
Не стал бы я скрываться, я напротив
Старался быть везде б замечен вами;
Когда б я был безумец, я б не стал
Страдать в безмолвии...

Дона Анна

И так-то вы
Молчите?

Дон Гуан

Случай, Дона Анна, случай
Увлек меня. — Не то вы б никогда
Моей печальной тайны не узнали.

Дона Анна

И любите давно уж вы меня?

Дон Гуан

Давно или недавно, сам не знаю,
Но с той поры лишь только знаю цену
Мгновенной жизни, только с той поры
И понял я, что значит слово счастье.

Дона Анна

Подите прочь — вы человек опасный.

Дон Гуан

Опасный! чем?

Дона Анна

Я слушать вас боюсь.

Почему он требует смерти? Он что, врет? Обманывает? Ни то, ни другое. Это и есть то потенциальное пространство желания — паратопия, о котором пишет в своей работе Е. Шулепов. Оно ни внутреннее, ни внешнее, оно лишено значения истинности. Это *странное* пространство в бионовском смысле, в том смысле, что оно *воздействует*. Дон Гуан очень сильно воздействует на Дону Анну. Он заражает ее своим желанием. *Вот второе свойство желания — оно заразительно*. Если бы не согласованный бред «давай поужинаем вместе», что она ему и предлагает, она отдалась бы ему прямо на могиле Командора. Русская литература знает похожий прецедент. Это эпизод секса на могиле матери в романе Платонова «Чевенгур». Сербинов соединятся со своей возлюбленной Софьей Александровной на могиле своей матери. Платонов — писатель удивительный. Поэтому не исключено, что это косвенная реминисценция на несостоявшийся секс Дона Гуна

и Доны Анны на могиле Командора. Не верно, что связь секса и смерти придумала Сабина Шпильрейн в статье «Деструкция как причина становления». Об этом всегда знал народ. Достаточно вспомнить частушку «Лежит милая в гробу». Что уж говорить о Жорже Батае, который совершил половой акт с трупом своей матери.

Как уверял сам Батай, в 1930 году, будучи уже беременной, Сильвия явилась молчаливой свидетельницей знаменитого ритуала эротических почестей, которые он воздал телу его умершей матери Мари-Антуанетт Турнад. В своем творчестве писатель описывает эту сцену трижды, причем тремя различными способами: один раз — это всего лишь фраза, намек, который требует прояснения; в другой раз — он явно прикрывается тем, что все описываемое есть лишь вымысел; в третий раз — в небольшом рукописном рассказе, очень простом, озаглавленном «Труп матери». Вот первая версия: «Я прильнул ночью голым к телу моей умершей матери». А вот вторая:

«Она умерла днем. Я лег у нее с Эдит.

— Твоей женой?

— Моя жена... Ночью я лежал рядом со спящей Эдит <...>.

Дрожа, я поднялся и босиком вышел в коридор. Я дрожал от страха и возбуждения, которые охватили меня от близости этого трупа... Я едва мог сдерживать себя... Я был в состоянии транса. Я снял пижаму... И я... Ну, ты понимаешь...» (Roudinesco 1992: 367).

Дон Гуан приехал в Мадрид в поисках смерти. Ему надоел компульсивный секс со скучными северянками. Он влюбился в первый раз в жизни, но бессознательно он понимает, что за исполнением желания последует «разочарование» (еще один концепт Е. Шулепова). Потому так искренне звучат его слова «Пускай умру сейчас у ваших ног». Это не влечение к смерти. Это именно *желание* смерти как исполнения всех желаний. Отличие желания от влечения состоит в том, что желание это прерогатива Эго, а влечение прерогатива Оно. Но я не согласен с Е. Шулеповым, что желание похоже на игру. Желание, по-моему, дело очень серьезное. Вспомним финал «Сталкера», когда девочка-мутант

двигает глазами стаканы под аккомпанемент стихотворения Тютчева:

Люблю глаза твои, мой друг,
С игрой их пламенно-чудесной,
Когда их приподымешь вдруг
И, словно молнией небесной,
Окинешь бегло целый круг...

Но есть сильнее очарованья:
Глаза, потупленные ниц
В минуты страстного лобзанья,
И сквозь опущенных ресниц
Угрюмый, тусклый огонь желанья.

Можно ли сказать, что она играет? У нее даже нет ног, чтобы побегать. И выражение глаз у нее именно такое — угрюмое и тусклое. Впрочем, может быть, я ошибаюсь. Просто я сам не люблю играть. Особенно играть в преподавателя, когда надо ровным доброжелательным голосом говорить о вещах, которые самому тебе давно не интересны. И ситуация согласованного бреда не позволяет сказать: «Ребята, я устал, хочу есть, давайте поужинаем вместе!» Еще вспомнил одну хорошую идею, которую надо обсудить. Славой Жижек в фильме Софи Файнс «Киногид перверта», где он играет самого себя, говорит, что если сновидение — это исполнение желания, то кино это формирование желания. В этом надо разобраться.

3.

Вспоминаются эпизоды из детской жизни, когда мальчики говорили: «Посмотрел фильм, который “детям до 16 лет воспрещается”, я и сразу захотел девочку». Но проблема гораздо серьезнее. Почему текст формирует реальность, а не наоборот? Это заметил Ю. М. Лотман. Сначала Грибоедов написал «Горе от ума», где Чацкого (первоначально Чадский) объявили сумасшедшим, а потом уже объявили сумасшедшим его прототипа Чаадаева. В. А. Успенский назвал это парадоксом Лотмана (Успенский 1982). Как это получается? Это даже не магическая импликация. Что-то более сложное. Как из текста рождается реальность? Как из кино

рождается желание? Текст накапливает информацию и передает ее реальности, а реальность ее рассеивает. Мы смотрим фильм, который очень похож на реальность, отождествляем себя с героями, переживаем за них. Мы забываем, что это актеры. Нам показывают реальность. Но это не реальность, это иллюзия реальности. Почему иллюзия формирует желание? Вот человек влюбляется в женщину. Он хочет, чтобы она заразилась его желанием. Но женщина, как говорил Лакан, лишь симптом мужчины. Что это значит, почему женщина это иллюзия? Психоаналитик бы ответил: потому что она похожа на твою мать и всякая любовь трансферентна. Но ответ аналитика мне известен и понятен. Он ничего не объясняет. Ведь мать — тоже женщина. И, стало быть, тоже иллюзия. Это заводит в тупик. Если все иллюзия, то не о чем и говорить. Но текст не иллюзия. Вот он, закреплён в знаках, и несет информацию. Допустим, это «Евгений Онегин» Пушкина, постмодернистское произведение. Пушкин пишет:

Письмо Татьяны предо мною,
Его я свято берегу.
Читаю с тайною тоскою
И начитаться не могу.

Он это говорит так, как будто перед ним настоящее письмо настоящей Татьяны, реальной женщины. Вот он, кинематограф! Почему бы взять не сказать: «Текст это тоже иллюзия, никакого «Евгения Онегина» нет, такого романа не существует!» Рука не поднимается. Я могу усомниться в существовании Бетховена или Шекспира, но «Гамлет» вот он, читай, Третья симфония вот она — слушай. Что такое, в сущности, текст? Это от слова *techné*, что-то сделанное, сотворенное, и искусственное и в этом смысле вторичное. Но и женщина вторична в библейском смысле. Почему же не реальность вызывает желание, а иллюзия? Нет, ну что же. Я хочу поесть. Но все-таки желание поесть, хотя и фундаментально и эротично с психоаналитической точки зрения, все-таки это желание с маленькой буквы. Мы говорим о другом желании, о том, о котором писал Тютчев: «Угрюмый тусклый огонь желанья». Лотман много раз говорил, что надо не решать проблему, а правильно ее ставить. Почему желание сексуального обладания

так серьезно глубоко и фрустрирует? Ведь, в сущности, речь идет о пустяках. Как говорили в нашем детстве:

Наше дело не рожать,
Сунул, вынул — и бежать.

И Лакан утверждал, что сексуальных отношений не бывает. Секс бывает, а отношений — нет. Бывают отношения любви. Это когда хочешь, чтобы хорошо было не тебе, а тому, кого ты любишь. А желание это другое. Желание рождается из иллюзии, но само оно не иллюзия. Может быть, реальность это одно большое желание. А вот все остальное иллюзия. Мы сидели с моей старинной подругой. И она сказала: «Неужели это все иллюзия?» — Да, это все иллюзия. — И нас не существует? — И нас не существует. — И Путина не существует? Я думаю, желание формируется только массовым кинематографом и литературой. Какое желание могут сформировать «Зеркало» или «Малхолланд-драйв»? Лотман учил нас любить массовую культуру. Он говорил, что только изучая ее, можно понять фундаментальную культуру. Но у меня нет больше желания говорить о Лотмане. Как формируется желание, вот что меня интересует. Или, лучше как формируется отсутствие желания в буддийском смысле? Принцип Нирваны. Но это не влечение к смерти, это что-то другое. Нам недоступное. Мы будем разочаровываться тысячу раз, а потом все равно очаровываться. Так как же оно формируется?

4.

Желание порождается несоответствием между опытом возможного и опытом дозволенного

(Шулепов 2016: 88)

В настоящем разделе я хочу предпринять попытку деконструкции этого кажущегося мне глубоким и верным утверждением Е. Шулепова. Итак, модальности. Алетика и деонтика. Почему же алетика? Желание мне представляется связанным, прежде всего, с опытом аксиологии. Желание это что-то позитивное. Впрочем, как я показал в книге «Прочь от реальности», аксиология это супермодальность, она окутывает все модальности. Ну, хорошо,

что такое опыт возможного? Если я хочу чего-то и не могу думать ни о чем другом и хочу другого заразить своим желанием, то есть это, скажем, эротическое желание, то как оно связано с опытом возможного? Есть модальный трехчлен: необходимое — возможное — невозможное. Если человек хочет чего-то очень сильно, то с логической точки зрения это возможное, но с психологической — необходимое. С логической точки зрения в моем мире этого еще нет, это только возможно. С психологической точки зрения это необходимое, это уже произошло, я уже пережил это в своем Воображаемом. Но это может быть также и невозможно с психологической точки зрения. Например, если женщина, которую человек хочет, замужем или она кинозвезда и живет совершенно в другом мире. Во всех случаях речь идет о психологических модальностях, а не о логических. Хорошо, в чем же здесь несоответствие с деонтикой? Почему не дозволено желать? «Не возжелай жены ближнего своего». В *этом* смысле? Но что мне запрещает *ощущать* сове желание? Ведь запрет — это крайний член деонтического модального трехчлена: должное — разрешенное — запрещенное. Кто может запретить мне желать? Ты хочешь, но ты не должен — вот краткая формулировка шулеповского утверждения. Почему я не должен желать? Разве *любое* желание непристойно? Всегда ли человек хочет чего-то? Чего я хочу я сейчас? Я хочу понять, что значит, что желание возникает как несоответствие между возможным и дозволенным. Я *хочу* написать этот раздел, и я *должен* его написать. Кому должен? Самому себе. Потому что если я его не напишу, у меня будет фрустрация от неисполнения своего желания. Вот еще одно правило. *Неисполнение желания ведет к фрустрации*. А из фрустрации, по Биону, два выхода: или начать плакать и звать маму или начать думать. Хорошо, это понятно, будем думать. Допустим, человек говорит женщине: «Я хочу, чтобы ты вышла за меня замуж», а она отвечает ему, что она уже замужем или любит другого. Означает ли это несоответствие между опытом возможного и опытом дозволенного? Он может настаивать на своем желании, добиваться ее, заражать ее своим желанием. И он может добиться своего. Здесь мне вспоминается неоднократно мной цитируемый эпизод из «Анны Карениной», когда Вронский овладевает Анной:

Он же (Вронский. — В. Р.) чувствовал то, что должен чувствовать убийца, когда видит тело, лишенное им жизни. Это тело, лишенное им жизни, была их любовь, первый период их любви. Было что-то ужасное и отвратительное в воспоминаниях о том, за что было заплачено этой страшной ценой стыда. Стыд перед духовною наготою своей давил ее и сообщался ему. Но, несмотря на весь ужас убийцы перед телом убитого, надо резать на куски, прятать это тело, надо пользоваться тем, что убийца приобрел убийством.

И с озлоблением, как будто со страстью, бросается убийца на это тело и тащит, и режет его; так он покрывал поцелуями ее лицо и плечи.

«Анна Каренина» это как раз роман о желании как несоответствии между опытом возможного и опытом дозволенного. Н. А. Некрасов написал на «Анну Каренину» такую эпиграмму:

Толстой, ты доказал с терпением и талантом,
Что женщине не следует «гулять»
Ни с камер-юнкером, ни с флигель-адъютантом,
Когда она жена и мать.

Над чем здесь смеется Некрасов? Над тем, что такой обыденный и пустяковый, в сущности, светский адюльтер превратился в руках Толстого в трагедию. Толстой боялся сексуальности, так как в силу своей психической конституции не мог управлять ею. Отсюда «Крейцерова соната». Осуществление желания ведет не просто к разочарованию, но к взаимным мучениям и убийству. Причем убийца оказывается неподсуден. Он наказывает себя сам. «Мне отмщение и Аз воздам». Иисус Христос придумал для европейского человека психологию. Важно не само прелюбодеяние, а намерение его совершить, смотреть на женщину с вожделением. Иисус сделал людей невротиками, чувствующими вину за несовершенные грехи. Отныне человек должен был сам себя все время обманывать. Недаром один из основоположников эзотерического христианства П. Д. Успенский определил психологию как изучение лжи. Но возможное, если его рассматривать в ракурсе «принципа предопределенности» (Руднев 2016), это то же самое, что действительное. Если все предопределено сразу от начала и до конца, то имеет место только действительное,

а игра между модальностями происходит лишь в сфере Воображаемого. В сфере Реального нет никаких желаний, никаких страстей, там господствует пустота, руины. «Добро пожаловать в пустыню Реального». Но как доказать, что возможные миры это на самом деле действительные миры? Только путем отключения сознания. Если все предопределено, если реальность это просто книжка с картинками, то никаких конфликтов между возможным и дозволенным не может существовать. Все желания давно уже осуществлены. Все разочарования уже наступили. Беспокоиться нечего. Моя книга уже написана. То, чем я сейчас занимаюсь, это, в сущности, так же не нужно, как магическая импликация. То, о чем пишет Шулепов, это, в сущности, конфликт между чувством и долгом в классицистической трагедии. В этом конфликте чувство всегда побеждает. В античной трагедии было не так. Антигона хочет похоронить своих братьев — в этом ее желание и ее личный долг, противопоставленный запрету со стороны Креона. Катерина в «Грозе» Островского хотела запретной любви с Борисом и получила ее. Вот конфликт чувства и долга, где побеждает чувство. «Гроза» по форме — мещанская драма, но по содержанию, скорее, классицистическая трагедия. В трагедии герой погибает физически, но торжествует морально. «Анна Каренина», наоборот, по форме, скорее, трагедия, а по содержанию мещанская драма. Анна погибает и физически, и морально. Никакого катарсиса здесь нет, жизнь идет своим чередом. Можно сказать, что обыденное мещанское желание ведет к разочарованию, а трагическое желание неосуществимо и поэтому всегда ведет к фрустрации.

5.

Вернемся к тому злополучному моменту, когда ребенок хочет есть, а матери нет рядом. (Кстати, по одной из этимологий слово «желание» связано со словом «голод».) Итак, согласно Биону, у младенца два выхода: он может кричать до изнеможения, а может начать думать. Рассмотрим оба варианта. Когда человек поглощен фрустрацией, он регрессирует. Это истерическая реакция, характерная, по Кречмеру, для животных (Кремчер 2001). Вообще у животных есть почти все психически заболевания, кроме ши-

зофрении, так как шизофрения это болезнь *homo sapiens*, *homo narrativus*, болезнь языка и речевой деятельности. Как же в таком случае Мелани Кляйн считала, что шизофрения формируется на параноидно-шизоидной стадии, когда ребенок еще не может говорить? Но это как сказать. Ребенок не говорит, но с ним разговаривают. К тому же параноидно-шизоидная стадия это гипотеза. Я считаю, что первоначальным является принцип всемогущества, тот самый, о котором писал Ференци и на котором желания исполняются молниеносно и галлюцинаторно. Итак, младенец тоскует, младенец кричит, а мать все не приходит. Возможно, она вообще не придет. Может быть, у нее внезапно случился сердечный приступ и она скоропостижно умерла. Тогда либо младенец умрет с голода и изнеможения, либо начнет думать. Мышление рождается из неосуществленного желания. Мышление эмоционально и патологично. Как младенец, не умеющий говорить, может начать думать? Он начинает думать своим телом. Первая прото-мысль — найти маму самому. Он каким-то образом высвобождается из пеленок и выбирается из кроватки. Он ползает по квартире. Но матери нигде нет. Мысль, говорит Блон, возникает, когда нет вещи. Младенцу уже не хочется есть. Ему становится интересно исследовать реальность. Если матери нет здесь, надо поискать где-то еще. Но из квартиры выбраться он не может. Кричать больше нет сил. Скорее всего, он заснет от усталости прямо на полу. Но, в конце концов, он просыпается и отдохнувший опять начинает кричать. И все повторяется. Исследование квартиры в поисках матери ничего не дало. Тогда он решает идти другим путем. Искать пищу сам. После долгих поисков он натывается на холодильник, каким-то чудом открывает его и начинает есть, что попало. Чем закончилась эта история, мы не знаем. Для нас важно, что фрустрированное желание может порождать мышление, причем мышление творческое. Возьмем пример из взрослой жизни. Пример отвергнутого влюбленного. Все попытки завоевать сердце возлюбленной тщетны, и у него начинается депрессия. Пропадает аппетит. Он перестает ходить на работу. Триада Ясперса: замедленные мысли, замедленные эмоции, замедленные движения. Апатия. Тревога. Тоска. Среди психотерапевтов бытует мнение, что у биполярных личностей

депрессия является отдыхом от слишком ярком и интенсивной эмоциональной, интеллектуальной и двигательной активности при гипомании. И вот наш влюбленный отдыхает. Это своеобразный отдых — с унынием, печалью, тоской и проявлением суицидальных мыслей. Но зато он долго спит, и тело его и мозг отдыхают на самом деле. Он больше ничего не хочет, кроме того, чтобы депрессия прошла. При тяжелой депрессии кажется, что она никогда не пройдет, но она рано или поздно проходит. Вновь начинается гипомания, и оживает забитая депрессией любовь. И вот здесь начинается процесс творческой переработки того, что с ним произошло. Как правило, это выражается в сублимации. Он может начать писать стихи. «Я вас любил. Любовь еще быть, может...», «Я помню чудное мгновенье...». А если он философ, он может осмыслить свой опыт, построив, например, логику любви. В чем состоит логика любви? Слова «любовь» и «любой» с точки зрения истории языка являются родственными. Любой (любый), первоначально означало 'любимый', затем — выбранный по желанию, затем 'кто угодно' и наконец просто 'всякий другой'. Данная этимология манифестирует одно из наиболее важных свойств концепта 'любовь' — свободную произвольность и непредсказуемость. Любовь, какой бы она ни была, платонической, несчастной, земной или небесной, направленной к противоположному полу, к детям или к Богу, — в этом смысле (как факт произвольного выбора с непредсказуемыми последствиями) всегда противопоставлена *норме*. Отсюда любовь как проявление аксиологической модальности противопоставлена долженствованию как проявлению деонтической модальности. Смысл этого противопоставления, прежде всего, проявляется в том, что аксиологическое «Я хочу» направлено к *любому*, а деонтическое «Ты должен» — к *каждому*. При этом тот факт, что на поверхности и аксиология и деонтика в качестве модальностей (то есть способов отношения высказывания к действительности) строятся изоморфно в виде трехчлена “+”, “–”, “0”:

Я люблю	Мне безразлично	Я ненавижу
Я должен	Мне разрешено	Мне запрещено

на глубине оказывается лишь подчеркивающим фундаментальные различия. Основные законы логики норм суть следующие:

1. Если я должен А, то тем самым мне разрешено А.
2. Если я должен А, то тем самым не верно, что мне запрещено А.
3. Если мне разрешено А, то не верно, что мне запрещено А.
4. Если мне разрешено А, то либо я должен А, либо я не должен А.

Посмотрим, работают ли эти законы применительно к логике любви. Нет, не работают.

1. Если я люблю А, то не верно, что я безразличен к А.

То есть любовь не является просто усилением «степени безразличия», как долженствование является увеличением степени разрешенности. Если я люблю А, то не верно, что я ненавижу А. На поверхностном уровне кажется, что здесь все совпадает. Но элементарный жизненный опыт говорит, что если невозможно, чтобы нечто одновременно было должным и запрещенным, то по отношению к одному и тому же объекту можно одновременно или почти одновременно испытывать любовь и ненависть. «Ненавижу и люблю» — формула знаменитого элегического дистиха Катуллы, обращенная к его возлюбленной, которую он называл Лесбия и настоящее имя которой было Клодия Пульхра. Фрейд назвал это свойство любви амбивалентностью. Нам остается лишь понять, почему мы считаем мышление патологически процессом. Бион в явном виде этой мысли не высказывал. Он высказал две идеи. Что мышление рождается фрустрацией и что мысль — это, когда нет вещи. Отсюда и вытекает вывод о патологичности мышления. Когда все хорошо и все на месте, то думать незачем. Думать люди начинают, когда возникает какая-то проблема личного характера. Но почему это патология? Это патология в том смысле, что мышление не только питается корнями фрустрации, но его результатом являются психопатологические построения. Когда человек начинает творчески мыслить, например, писать стихотворение «Я вас любил...», то это чистая психопатология. Поэзия это безумие. Пушкин говорил — «поэзии священный бред». Если говорить конкретно о его шедевре «Я вас любил...», который я подробно проанализировал в книге «Ведение в шизореальность», то это стихотворение сумасшедшего. Не буду вдаваться в подробности. Но без единой метафоры,

что отметил Р. О. Якобсон в знаменитой статье «Поэзия грамматики и грамматика поэзии», здесь ткется коварный заговор, который в силу заразительности желания (ведь «угасла не совсем», а приглядишься, то и совсем не угасла), объект навеки приковывается к себе. «Как дай вам Бог другими, но не даст» (в редакции И. Бродского) Конечно, не даст. Это заговор. Магическая импликация в свернутом виде. Кому бы не было посвящено это стихотворение, она теперь навеки его. Вот что я имею в виду под психопатологией мышления.

6.

Что происходит, когда человек чего-то активно не хочет? Когда он говорит: «Я не желаю больше этого делать!» или «Я не желаю с вами разговаривать!» или даже «Я не желаю вас больше знать!» Здесь имеет место выход из паратопии или переход в негативную паратопию. Во внешнее пространство психологического невозможного. Что чувствует человек, когда он сильно чего-то не желает? Он противится желанию другого, он не хочет заразиться его желанием или подчиниться его требованию. — Ешь! — Я не хочу есть! — Будь моей! — Нет, я люблю другого! Это, конечно, не просто отсутствие желания, это рессентимент. Человек, который говорит «не желаю», всегда озлоблен. Он не хочет, чтобы ему что-то навязывали. Формируется ли здесь какое-то особое пространство? «Я не желаю больше с вами разговаривать!» После этого он хлопает дверью и уходит. Есть ли в этом негативизме что-то позитивное? Гурджиев считал, что негативные эмоции не просто вредны, но что у них нет своего места в эмоциональном центре. Они занимают какое-то чужое место. Привожу определение желания, данное Е. Шулеповым на с. 98 его исследования:

Желание — это выражение имманентного человеку несовпадения с данным, наличным состоянием бытия, чья динамика осуществляется напряжением между «внутренним» и «внешним», знанием и незнанием, исполнением и неисполнением самого себя (курсив автора. — В. Р.).

Если желание «это выражение имманентного человеку несовпадения с данным, наличным состоянием бытия», то нежелание

это выражение *трансгрессивного* человеку несовпадения с данным, наличным состоянием бытия. Откуда берется эта трансгрессия? Она присуща, прежде всего, шизоидным личностям творческого склада. Шизоидная личность — это, прежде всего, негативизм. Отрицание здесь — наиболее фундаментальный механизм защиты. Шизоидный ученый, философ, художник, музыкант трансцендирует ненавистную ему традицию своим нежеланием следовать канону. «Я не желаю это делать!» Это первый такт. «Я буду делать по-своему!» Это второй такт. Формируется особая, негативная по своим истокам трансгрессивная паратопия вторичного шизоидного «самособойного» (термин М. Е. Бурно) желания. Оно находится не в напряжении между внутренним и внешним, а в борьбе между внутренним, которое стало внешним, традицией, тем, чего он не желает, и еще более внешним, непонятным пока ему самому. Это своеобразное интеллектуально-эмоциональное тело без органов. При этом шизоид трансгрессирует не только традицию, но и свои позитивные достижения. Так в предисловии к «Логико-философскому трактату» Витгенштейн пишет:

Я не хочу судить о том, в какой мере мои усилия совпадают с усилиями других философов. Ведь написанное мною не претендует на новизну деталей, и я потому не указываю никаких источников, что мне совершенно безразлично, думал ли до меня кто-либо другой о том, о чем думал я. Хочу только упомянуть выдающиеся работы Фреге и моего друга Бертрانا Рассела, которые в значительной степени стимулировали мои мысли. Если эта работа имеет какое-либо значение, то оно заключается в двух положениях. Во-первых, в том, что в ней выражены мысли, и это значение тем больше, чем лучше они выражены. Тем скорее они попадают в самую точку. Я, конечно, сознаю, что использовал далеко не все возможности просто потому, что мои силы слишком малы для этой задачи. Другие могут взяться за нее и сделать это лучше. Напротив, *истинность* изложенных здесь мыслей кажется мне неопровержимой и окончательной. Следовательно, я держусь того мнения, что поставленные проблемы в основном окончательно решены. И если я в этом не ошибаюсь, то значение этой работы заключается, во-вторых,

в том, что она показывает, как мало дает решение этих проблем (курсив мой. — В. Р.).

Вернемся к детям. «Я не хочу есть», «Я не хочу спать» Что за этим стоит? Это выражение психологической невозможности. Невозможно хотеть спать, когда еще столько можно пережить наяву. Зачем есть невкусный суп, когда можно сразу перейти к пирожному? Если для ананкаста в определенном смысле желания вообще не существует, и он о него убегает, если для истерички естественно отказать в желании в последний момент (подробно см. стимулирующую книгу Ренату Салецл «(Из)вращения любви и ненависти» (Салецл 2000)), то шизоид смело идет навстречу своему нежеланию следовать традиционному символическому порядку и создавать присущую только ему новую паратопическую сферу. И опять-таки для шизоида характерно ироническое отношение к созданным им новым ценностям и готовность трансгрессировать и их. Так Витгенштейн смеялся в глаза Шлику и другим членам второго Венского кружка, когда они в его присутствии серьезно анализировали «Логико-философский трактат». Есть люди, которые с легкостью делают то, чего им не хочется. Это такие люди, в которых прочно сидит навязанная им символическим порядком ложная личность. Но шизоид ни за что не станет делать то, чего он не хочет. Он не понимает, какой в этом смысл. Его понимание мира сущностно, а сущность (в том значении, которое придавал этому слову Гурджиев) не подчиняется желанию другого. Сущность самособойна. Вот почему шизоид так одинок в своей негативной паратопии, даже если через некоторое время его новаторские идеи готовы принять и даже увековечить. Таким образом, нежелание делать что-либо, навязанное «культурой», парадоксальным образом служит развитию подлинной фундаментальной культуры, пока не появится другой шизоид и не трансгрессирует устоявшиеся ценности своего предшественника.

7.

Мы подходим к той точке, когда начало и конец жизни смыкаются. Не всякий человек в конце жизни впадает в детство. Но если это происходит, то вслед за этим наступает и исполнение всех

желаний. Мегаломану, как и младенцу на стадии всемогущества, желать нечего, у него все есть. Клинический мегаломан — шизофреник или прогрессивный паралитик — как правило, бессильно лежащий на койке, обладает многомиллионным состоянием, которое он щедро раздает врачам и медсестрам. Юнг в молодости написал замечательную книгу «Психология dementia praecox», где проанализировал бред портнихи-мегаломанки, которая обладала всем на свете, отождествляла себя со всеми на свете и была совершенно счастлива.

Я величественнейшее величие — я довольна собой — здание клуба «Zur platte» — изящный ученый мир — артистический мир — одежда музея улиток — моя правая сторона — я Натан мудрый (weise) — нет у меня на свете ни отца, ни матери, ни братьев, ни сестер — сирота (Waise) — я Сократ — Лорелея — колокол Шиллера и монополия — Господь Бог, Мария, Матерь Божья — главный ключ, ключ в небесах — я всегда узакониваю книгу гимнов с золотыми обрезами и Библию — я владетельница южных областей, королевски миловидна, так миловидна и чиста — в одной личности я совмещаю Стюарт, фон Муральт, фон Планта — фон Кугель — высший разум принадлежит мне — никого другого здесь нельзя одеть — я узакониваю вторую шестиэтажную фабрику ассигнаций для замещения Сократа (Юнг 2000 <1907>: 124).

В главе, которая так и называется «Исполнение желаний», Юнг пишет:

У пациентки удовлетворяющий сон-желание стоит наряду с ассоциациями ее бодрствующего состояния, комплекс выступает на дневной свет, так как задерживающая сила эго-комплекса разрушена болезнью; теперь уже комплекс автоматически все далее развивает свои сновидения теперь уже на поверхности, тогда как прежде, в нормальном состоянии, он мог развить их лишь в темной глубине бессознательного (Там же: 133).

Как известно, бред величия был в конце жизни у Ницше. Об этом свидетельствуют названия глав его последней книги «Ессе Номо» — «Почему я так мудр», «Почему я так умен», «По-

чему я пишу такие хорошие книги». В главе «Бред величия: Об экстраективной идентификации» своей книги «Характеры и расстройства личности» я выдвинул гипотезу, в соответствии с которой мегаломан представляет собой мировую жертву. Недаром он так часто отождествляет себя с Иисусом Христом.

Космогоничность разобранных выше примеров позволяет выдвинуть гипотезу, в соответствии с которой мегаломанический сюжет с телом, отождествляемым со всеми великими людьми и всей вселенной, является проигрыванием сюжета первотворения, и, соответственно, мегаломаническое «грандиозное тело», равное всей вселенной, — это тело первочеловека, из которого творится макрокосм, тело, которое отдается в жертву сотворяемому миру и из которого, собственно, этот мир и творится.

В юнговских материалах, описывающих случай слабоумной портнихи мы находим даже фрагмент, где большую роль играет идея расчленения тела:

Стюарт: я имею честь быть фон Стюарт — когда я однажды это затронула, доктор Б. сказал: ей ведь отрубили голову <...> это опять-таки величайшая в мире трагедия — наше высшее Божество на небе, римский господин St. (собственное имя пациентки) высказался с проявлением сильнейшего горя и негодования, вследствие отвратительного смысла мира, где ищут смерти невинных людей — моя старшая сестра должна была так невинно приехать сюда, чтобы умереть — после этого я видела ее голову с римским Божеством на небе — ведь отвратительно, что всегда является такой мир, ищущий смерти невинных людей — С. вызвала во мне чахотку — когда я увидела ее лежащей на похоронной колеснице <...> и Мария Стюарт тоже была такой же несчастной, которой пришлось умереть невинно (Юнг 2000: 144).

По-видимому, здесь уместно вспомнить также архаические представления, связанные с культом умирающего и воскресающего бога (Осириса, Диониса, Фаммуза), архаического варианта мифа о первотворении и первочеловеке. Здесь также имеется диалектика смерти и воскресения, соотношенная с диалектикой величия и преследования и, более того, актуализации этих представлений позволяет уяснить мифологическую мотивировку

и увязку этой соотнесенности: бога-мегаломана, тело которого соотносится с телом вселенной, в частности в растительном, аграрном варианте этого представления, преследуют, чтобы умертвить, принести в жертву, чтобы он потом воскрес во всем величии, соотнесенном с величием обновленного в природном круговороте мира, поэтому столь обычным в мегаломаническом мире оказывается сюжет отождествления с Христом как позднейшим отголоском культа умирающего и воскресающего страдающего бога, и отсюда у Шребера противопоставления Отца, Верховного (старого) Бога Богу-сыну, страдальцу, избраннику и жертве, то есть самому больному (Руднев 2002: 238).

Будучи галлюцинирующей галлюцинацией (термин из моей книги «Новая модель шизофрении» (Руднев 2012)), мегаломан действительно становится бессмертным, ведь он уже не существует как человек. Он отказывается от своего имени. Он экстрактивно отождествляет себя с божеством. В этом раскрывается еще одна ипостась желания — его *эгоистичность*. Мы говорим об обычном желании. Когда человек говорит «Я хочу», он, как правило, хочет что-то для себя. Лакан назвал желание нехваткой в другом. Это означает, по-видимому, что человеку чего-то не хватает в его символическом порядке. Чего же человеку не хватает? Желание ответной любви по образу материнской любви, по-видимому, является самым фундаментальным желанием. Почему человеку не хватает любви, почему он хочет, чтобы его любили? То, что ребенок хочет, чтобы его любили, понятно. Но почему хочет любви взрослый? Что значит любить? Это значит хотеть, чтобы объекту твоей любви было лучше, чем тебе. А хотеть любви другого это значит хотеть, чтобы хорошо было тебе самому. Здесь вроде бы тоже все понятно. Когда тебя любят, то о тебе заботятся, оберегают и т. д. Но ведь взрослый человек может сам о себе позаботиться. В чем состоит эта таинственная нехватка в другом? Зачем человеку нужен другой человек, чтобы он разделял его интересы, вместе с ним ходил в кино? Слушал по многу раз его рассказы об одном и том же, жалел его. Кстати, чешское слово *zeletí* (жалеть) согласно Фасмеру связано с русским словом «желать». Психический больной, если он проходит весь шизофренический цикл — от бреда отношения к бреду величия,

теперь готов, как его любили и жалели в детстве, любить и жалеть весь мир. Более того, он готов принести себя в жертву миру. Спасти его, как пытался спасти нас Иисус Христос. Сам исторический Иисус был в определенном смысле неклиническим мегаломаном. Он отождествлял себя с Сыном Божьим. Но для себя Он ничего не хотел. У Него не было вообще никаких желаний. Даже сверхценная идея спасти мир мыслилась у него не в регистре желания, а в регистре долга. Морис Николл, один из основателей эзотерического христианства, считал, что Иисус означает Любовь, а Христос — Истину. В свое проповеди любви Иисус преуспел лишь отчасти. В свое проповеди Истины тем более. Иисус был первым европейским психологом. Именно Он разделил реальность на внешнюю и внутреннюю. Именно Он учил, что гораздо важнее намерение, чем исполнение. Не желая, по-видимому, того, Он сделал европейскую культуру невротической. Отныне люди должны были чувствовать вину за несовершенные грехи. Когда юнговский человек постигает свою Самость, он превращается в святого. Это случается крайне редко. Гораздо чаще, это происходит «несвоевременно», по выражению Рудольфа Штайнера. В этом случае человек, ощутивший себя святым, просто становится сумасшедшим, юродивым в обыденном смысле этого слова. Или, наоборот, в него вселяется «часть той силы, что вечно хочет зла и вечно совершает благо» (Гёте). Эту силу называют дьяволом. Юнг написал язвительный памфлет «Ответ Иову», где едко издевается над Яхве за то, что тот предал Иова в руки Сатаны. Юнг в согласии с учением эбионитов разделял мнение, что Сатанаил был старшим братом Иисуса и подвергал его обряду инициации, когда Тот сорок дней постился в пустыне. Желание спасти мир поэтому носит отчасти дьявольский характер. Вот почему *homo normalis* хотят только, чтобы у них были здоровые дети, много денег и мало болезней. Я не отношу себя ни к *homo normalis*, ни к мегаломанам. Я обыкновенный философ, желание которого состоит только в том, чтобы иметь возможность выражать свои мысли. Ролан Барт говорил: «Пишешь, чтобы тебя любили, но когда тебя читают, любимым себя не чувствуешь». А я вот иногда чувствую.

Глава пятая

ПО ТУ СТОРОНУ ВЛЕЧЕНИЯ К СМЕРТИ

1.

Можем ли мы принять буддийскую идею, в соответствии с которой жизнь — это сон, а смерть это пробуждение от сна жизни? Можем. Почему Толстой мог, а мы не можем? Он продемонстрировал эту идею в четвертом томе «Войны и мира», в эпизоде умирания князя Андрея («Я умер — я проснулся») и в «Смерти Ивана Ильича» («Кончилась смерть!»). Но в этой идее что-то не удовлетворяет европейский ум. Нам хочется доказать, что смерти нет вообще как таковой, что нет такого перехода из одного состояния в другое, подобного переходу от сна к бодрствованию. Я начал писать книгу «Новая модель сновидения», когда мне приснилось, что мне только кажется, что я сплю, а на самом деле я бодрствую. Эта антигурджиевская идея легла в основу книги. По Гурджиеву мы спящие машины. По Делёзу и Гваттари мы желрующие машины, которые работают в сломанном режиме. Если соединить эти две идеи, получится, что мы спящие желрующие машины, работающие в сломанном режиме. Надо, тем не менее, если говорить о буддийской концепции, решить, чего нам больше хочется, спать или бодрствовать. Если человек хочет больше спать, то он ближе к иллюзорной жизни. Если он больше хочет бодрствовать, то он ближе к смерти как пробуждению. Есть еще третий вариант — жизнь против жизни, то есть жизнь в режиме накопления информации и исчерпания энтропии. Жизнь против жизни подразумевает метанойю, самосовершенствование. Будучи индивидуалистом, я не практикую Четвертый Путь в узком

смысле, так как он подразумевает постоянную работу в группах. Но я разделяю идеи эзотерического христианства, прежде всего метанойи как постоянного встряхивания своего ментального калейдоскопа в надежде выйти на какую-то тайную тропинку. Идея тропинки закономерно приводит к рассказу Борхеса «Сад расходящихся тропок», а оттуда к Джону Уильяму Данну (повлиявшему на Борхеса), создателю многомерной концепции времени и отрицавшему смерть. Не могу сказать, что я все понимаю в этой концепции. Там важно, что в измененных состояниях психики, например, в том же сне, время становится подобным пространству, обратимым, так что по нему можно передвигаться в прошлое и будущее. Утрируя Данна, можно сказать: «Если не хочешь умирать, то так и путешествуй по параллельным мирам и пространствам». Кстати, раз уж зашла речь о параллельных мирах, то нельзя не вспомнить расширенную многомировую концепцию Эверетта в квантовой физике, принадлежащую М. Б. Менскому. Здесь ключевым является слово «сознание». Я потратил много сил, чтобы доказать, что сознания не существует, что оно иллюзия (Руднев 2017). Вместо этого я пользуюсь термином «бессознательное в широком смысле». Но если сознание — иллюзия, то и смерть иллюзия. Если мы на самом деле живем в бесконечных параллельных действительных мирах, то смерти там не находится места. Если, так или иначе, смерть это пробуждение от сна жизни, если жизнь это коллективная галлюцинация, согласованный бред, то влечение к смерти становится закономерным и позитивным делом. Это, конечно, не похоже на трагическую концепцию влечения к смерти, разработанную Фрейдом в «По ту сторону принципа удовольствия» и поддержанную Мелани Кляйн в учении о параноидно-шизоидной позиции. Но почему бы не посмотреть на хрестоматийные тексты новыми глазами?

2.

Перечитывая «По ту сторону принципа удовольствия», я испытал скуку и разочарование. Вновь компульсивное повторение. Вновь надо разбираться в том, почему пациенты не вспоминают травму, а повторяют ее в переносе... Этот загадочный текст вызывал недоверие у всех современников и коллег, даже у Эрнста

Джонса (Кинодо 2012: 285). В нем Фрейд совершил поворот винта: «Цель всей жизни это смерть». Все видели в этом личные мотивы. Смерть Софи, надвигающуюся старость. Впечатление от военных неврозов, которые заставили пересмотреть самое святое, теорию сновидений. И все же противопоставление двух влечений — *правильно!* Когда невозможно удовольствие, например, когда тебя пытаются, смерть — единственное избавление. Но почему же компульсия, навязчивое повторение, стало во главе угла? Каким образом компульсивность связана с инстинктом смерти? Вспомним магическую импликацию и ее зловещий характер. Повторение неприятного. Ну и что? Я вспоминаю своего пациента из второй главы, который попал во временной водоворот смерти. В европейской традиции смерть происходит один раз. Откуда же повторение? Но Фрейд взял буддийское слово — принцип Нирваны. В буддийской традиции смерть действительно повторяется: человек умирает, а потом рождается вновь. Мне кажется, что принцип повторения — принцип смерти — надо рассматривать вместе с принципом различия — принципом жизни. Тогда все становится более или менее на свои места.

Истерия и obsессия это в каком-то смысле метафорическое название книги Делёза «Различие и повторение». Истерия это наиболее легкая форма безумия. В определенном смысле можно сказать, что и не безумие вовсе. Томас Сас, который внимательно изучал истерию, считал, что это вообще не безумие, и что психическое заболевание — это миф. Obsессия это более сложное заболевание психики. Можно сказать, что это, прежде всего, навязчивое повторение. Истерия это различие, свобода, в то время как obsессивные скованы своей obsессией: они повторяют одно и то же. Вот примерно то, что на своем языке хотел сказать Делёз названием своей книги.

Время это некий цикл и безумие это тоже некий цикл. Например, obsессивно-компульсивное повторение. Или чередование депрессий и гипоманий при МДП. Истерия и obsессия все время чередуются друг с другом и в тоже время сосуществуют. Весь мир это большая obsессия и большая истерия. Традиционно считается, что истерия это природное начало, а obsессия это культурное начало. Но это не совсем так. В природе заложены определенные

ритмы, она без этого не может существовать. В этом смысле природа компульсивна. В то же время истерическое начало присуще культуре в самых ее разнообразных проявлениях. Например, в повседневной жизни. Едет по улице троллейбус, потом другой троллейбус — это obsессия; едет троллейбус, потом за ним мерседес — это уже истерия. То было повторение, а это различие. Возможно, именно это в каком-то смысле бессознательно имел в виду Делёз в своей чрезвычайно сложной книге, содержание которой этим, конечно, не исчерпывается. Obsессия и истерия в культуре интегрируются при помощи дизъюнктивного синтеза (термин Делёза). Конъюнкция это obsессия, дизъюнкция это истерия. Получается, что этот дизъюнктивный синтез: истерия \pm obsессия — универсальная матрица природно-культурного взаимодействия (Руднев 2015а: 168).

Истерия в широком смысле, как женское начало, несет жизнь: женщина рождает детей. Компульсия в широком смысле, как мужское начало (мужчина частично умирает в половом акте, как писала Сабина Шпильрейн; мужчина убивает людей на войне), несет смерть. Но как же истерия может быть принципом жизни, ведь это все-таки (пусть или легкое) психическое заболевание. Но мы имеем в виду не истерию в узком смысле, а «невроз характера» (Вильгельм Райх), истерический дискурс жизни. А это, как правило, жизнерадостный цветной дискурс, как мы определили в главе «Апология истерии» книги «Характеры и расстройства личности». Первое, что бросается в глаза при изучении истерического дискурса, это обилие в нем цветообозначений:

черный Чернела громада застывшего бора (Северянин)
жемчужный — Блещет жемчужной своей наготой (Лохвицкая)
желтый Ты трепещешь, как желтое пламя свечи (Бальмонт)
эмалевый В листе эмалевой (Северянин) *эбеновый*—
 За смоль эбеновых волос (Лохвицкая) *янтарный* И янтарный
 боярышник вял (Лохвицкая) *фиолетовый* Ты, застывши, горишь
 в грозовых облаках — / Фиолетовых, аспидно-синих (Бальмонт)
синий Я в этот мир пришел, чтоб видеть солнце / И синий кругозор (Бальмонт) *сиреневый* Сплошь сиреневая
 кутерьма (Северянин) *свинцовый* Охладеют свинцовые воды (Лохвицкая)
серый Серый, как жизнь без рассвета (Северянин)

рянин) *серебристый* В воде запрыгал у парома, / Как серебристый виноград (Северянин) *пурпурный* Блистает день, и пурпурный, и ясный (Лохвицкая) *молочный* — В молочном фарфоре застыло б сердечко из злата (Лохвицкая) *опаловый* Чело теснит больней / Опаловый убор (Лохвицкая) *оливковый* Как оливковы листики груш (Лохвицкая) *оранжевый* — Солнце, закатное солнце! Твой дирижабль оранжев! (Северянин) *огневой* нежно ласкать огневые цветы (Бальмонт) *коралловый* Распустила коралл белизна (Лохвицкая) *лиловый* На дне океана лилового (Лохвицкая) *кровавый* Коршун кричал над кровавой равниной (Северянин) *красный* Ты красный и дымный / В клокотаньи костра (Бальмонт) *изумрудный* Вся изумрудная, с хвостом нарядно-длинным (Бальмонт) *каштановый* И яркий луч, попав случайно, Горит в каштановых кудрях (Лохвицкая) *лазурный* Она вошла... Лазурный, мягкий свет (Лохвицкая) *русый* — Своих тяжелых русских кос (Лохвицкая) *рубиновый* — В огонь рубиновый одета / И в нежно темный хризолит (Бальмонт) *розовый* Есть что-то грустное и в розовом рассвете (Лохвицкая) *золотой* Будем, как солнце! Забудем о том, / Кто нас ведет по пути золотому (Бальмонт) *зеленый* — Зеленая поляна, / Деревья, облака (Бальмонт) *бирюзовый* Изумрудные ветви в расцвете уводит в бирюзовую вольную даль (Бальмонт) *белый* Я — в стране, что вечно в белое одета (Бальмонт) *багряный* И ожил он в одежде новой, Багряным светом озарен (Бальмонт) *багровый* Багровая в глазах клубится мгла (Лохвицкая) *голубой* Если б гордо он в небе парил голубом (Лохвицкая) *алый* Ты засветишься алой гвоздикой (Бальмонт) *алмазный* Росинка с грезой серебристою Зажглась алмазным огоньком (Северянин) *абрикосовый* — Абрикосовые ветерки Северянин).

И хотя довольно часто истерический дискурс, особенно в прозе Бунина, посвящен смерти, эта смерть особая, истерическая, заранее подготовленная, демонстративная, как в рассказе «Дело корнета Елагина». В принципе истерия часто сочетается с гипоманией, так же как навязчивости — с депрессией. Биполярный пациент, у которого началась гипомания, начинает живо чувствовать цвета, красочность жизни, начинает истерически

привирать. Истерия это свобода от принуждения, это желание, не знающее удержу. Итак, оппозиция истерия — компульсия соответствует оппозиции влечения к жизни и влечения к смерти. Различие это жизнь, повторения — смерть. Делёз писал:

Именно бытие и есть Различие в том смысле, в котором оно приписывает себе различие (Делёз 1997: 58).

Цель жизни — добиться сосуществования всех повторений в пространстве распределения различий (Там же: 10).

Инстинкт жизни и влечение к смерти, таким образом, переплетаются друг с другом. Я позволю себе вспомнить свою «новую модель реальности», где одно переходит в другое:

Три наших понятия — «смерть», «жизнь», «снова смерть» — для первобытного сознания являются единым взаимно-пронизанным образом. Поэтому 'умереть' значит на языке архаических метафор 'родить' и 'ожить', а 'ожить' — умереть (умертвить) и родить (родиться). И вот видим отцов и матерей, умерщвляющих своих детей: этим они дают им бессмертие. Мы видим в мифе и обряде проглатывание детей, божества, человека, и в этом акте проглатывания рот метафорически уподобляется земле, чреву, преисподней, рождающему органу. Проглатывая, человек оживляет объект еды, оживая и сам; 'еда' — метафора жизни и воскресения. Принести в жертву — это, как указывают Тантал и Фиест, значит съесть. И значит 'спасти', сделать смерть жизнью (Фрейденберг 1997: 64).

Смысл это в определенном смысле всегда смерть предыдущего смысла. Примерно это, как мне кажется, имел в виду Иисус в «Евангелии от Иоанна», сказав, что зерно должно умереть, чтобы дать много плода. Когда зеркала статично смотрят друг на друга, они производят бесконечное число отражений. Но когда эти зеркала стремительно движутся в противоположных направлениях, они не успевают отразиться друг в друге. В этом смысле новая модель реальности отрицает саму себя. Возможно, подлинная реальность это лишь ничтожно краткий миг, когда глаза сына, стоящего на платформе, встретились с глазами отца смотрящего на него из окна вагона. <...> Но как человек может

жить в такой реальности? Как можно представить себе нашу модель применительно к обыденной жизни? Можно возразить: обыденная жизнь вообще бессмысленна. Так, но не совсем. Здесь уместно вспомнить противопоставление непрявленного и проявленного смыслов в индийском трактате «Дхваньялока». Можно сказать, что обыденная жизнь не бессмысленна, а просто ее смысл не проявлен. Смысл проявляется только тогда, когда происходит встреча бегущих в противоположных направлениях растянутых зеркал коллективного и индивидуального бессознательного. Именно непрявленный смысл континуален, а проявленный, по сути, не имеет временного измерения. Он одновременно мгновенен и вечен. Человек при этом может вообще не заметить этого мгновения проявления смысла, или он может все-таки ощутить его на одно мгновение.

Дело в том, что, как мы неоднократно подчеркивали, в новой модели реальности все текуче и неопределенно, и человек настолько диссоциирован, что, если оставить ему его прежнюю иллюзию Я, то это будет уже не хаосмос, а просто хаос. Какими же свойствами должно обладать Я в новой модели реальности? Первое свойство заключается в том, что оно монолитно — никаких СверхЯ, никаких Оно. Второе и главное свойство, о котором мы уже упоминали, это смертность Я. Но как это может быть, если в новой модели реальности на движущейся ленте Мёбиуса по сути нет смерти — смерть переходит в жизнь и так далее. Поскольку лента Мёбиуса в определенном смысле представляет собой утонченную версию мифологического аграрного цикла, у которого нет ни начала ни конца, Я смертно в том смысле, что у него нет иллюзий своей исключительности <...> Я знает, что оно смертно (это, в сущности, единственное, что оно знает) и готово с гегелевской решимостью добровольно принять свою смерть. Но как это совместимо с постоянными переходами жизни в смерть и обратно в модели на движущейся ленте Мёбиуса? С этим связано третье свойство нашего Я. Оно может остановить ленту Мёбиуса и свернуть ее в точку, так сказать, остановить круг сансары. Но далеко не в любой момент Я способно прервать свой жизненный путь. Для этого оно должно достичь индивидуации, иными словами, обрести Самость. Каждое

Я приходит к этому по-своему. Представим себе зрительно модель этого расплывающегося по ленте Мёбиуса Я вместе со своим не-включим телом-бессознательным. Навстречу ему движутся архетипы коллективного бессознательного. Как отловить Самость? Она сама в нужный момент поймает Я. Нужно только, чтобы Я не забывало, что это может произойти в любой момент. Когда в Я накопится достаточное количество информации, оно обретет Самость и остановит ленту Мёбиуса. Для чего же накапливать информацию в смерть? Но это не смерть в обыденном смысле, это скорее нирвана, точка, равная вселенной. Она сливается с одной из бесконечных точек на ленте Мёбиуса. Ни остановки ленты, ни исчезновения Я никто из оставшихся в живых не заметит. Для других Я все останется по-прежнему. В такой реальности пребывать жутковато, но что поделаешь (Руднев 2016: 169).

Но почему только истерия и obsессия? Я думаю, что эта закономерность шире. Я думаю, что норма ближе к повторению, к смерти, а безумие ближе к различию. Действительно, в жизни *homo normalis* все повторяется изо дня в день. Делёз в книге «Различие и повторение» приводит отрывок из пьесы Бюхнера «Смерть Дантона»:

Как же опостылело вначале надевать рубашку, затем штаны, вечером тащиться в постель, а утром из нее вылезать, всегда ставить одну ногу впереди другой. И нет надежды, что это когда-либо изменится. Очень грустно, что так делали миллионы людей, а другие миллионы будут делать то же самое после нас...» (Делёз 1997: 16).

Да, это действительно грустно каждый день тащиться в троллейбусе или метро на работу, делать неинтересное дело, возвращаться, смотреть телевизор — «И завтра то же, что вчера». Но повторение в повседневной жизни играет чрезвычайно важную функцию. Для нормальных людей оно является гарантом стабильности и определенности, хотя во многом лишает обычных людей творческого начала. Евгений Онегин был ананкаст, человек смерти. Как проекцию собственного мортидо он убил Ленского на дуэли. Татьяна — истеричка: она пишет признание в любви совершенно, в сущности, незнакомому человеку. Без-

умный человек выпадет из пространства повторений обыденной жизни и попадает в чудесное пространство различий, как кэрролловская Алиса. Безумная жизнь захлестывает своей непредсказуемостью. Но смерть иногда совсем не то, за что она себя выдает. Смерть может быть прекрасна, как Мария Казарес в фильме Кокто «Орфей». Можно любить смерть. Поговорим об этом подробно.

3.

В самом конце семинара «Символическое, Воображаемое и Реальное» Лакан дает такое определение любви. «Любовь, — говорит он, — это полное совпадение реальности и символа, составляющее вместе единое целое» (Лакан 2006: 47). Символ Лакан, конечно, здесь понимает не в значении Пирса (как конвенциональный знак), а скорее в значении Юнга или Лосева, как нечто большее знака, как универсальное означающее, обладающее бесконечным количеством значений. А как он понимает реальность? Ну, не важно. И далее он говорит: «...символ выходит за пределы речи» (Там же: 48).

Представьте себе этот универсальный символ женщины, который вдруг совпал с вашей реальностью. И этого не высказать словами. «Счастье это когда тебя понимают». Просто понимают без слов. А теперь представьте, что этот символ — смерть. Что вы составляете единое целое со смертью. Вот это и есть любовь к смерти. Как и почему она возникает? Обратимся к «Орфею» Кокто. Мария Казарес, прекрасная женщина, воплощающая Смерть, пленяет Орфея. Он забывает про Эвридику, глупенькую парижскую мещанку, и влюбляется в свою Смерть. Что такое смерть для поэта? Это источник его творчества. Она диктует ему причудливые стихи устами своего подопечного умершего поэта-сюрреалиста Сажеста, которые Орфей ловит из приемника в своем автомобиле, забыв обо всем на свете. «Птица говорит пальцами». Почему поэт влюблен в свою смерть? Почему она становится источником его вдохновения? В психиатрии считается, что творческие биполярные личности могут работать только в период гипомании. В период депрессии вдохновение оставляет их. Пушкин считал примерно так же:

Пока не требует поэта
К священной жертве Аполлон,
В заботах суетного света
Он малодушно погружен;
Молчит его святая лира;
Душа вкушает хладный сон,
И меж детей ничтожных мира,
Быть может, всех ничтожней он.

Но это не совсем и не всегда так. Известно, что в период легкой депрессии творческий человек может работать глубже и плодотворнее, чем в период гипомании, когда его творчество может становиться поверхностным. Здесь-то, в этой рабочей депрессии, и происходит встреча со смертью как источником вдохновения, формируется любовь к смерти и воспевается смерть. Что такое смерть? В тот момент, когда человек культуры умирает, он в полной мере рождается как текст культуры, начинается его подлинная ахронная жизнь, которая начинает читаться с самого начала как нечто телеологическое. Пример телеологического отношения к своей смерти являет собой свидетельство о кинике Диогене Синопском, которое приводит Диоген Лаэртский: «Тем, кто говорил ему: “Ты стар, отдохни от трудов», он отвечал: “Как если бы я бежал дальним бегом и уже приближался к цели, разве не следовало бы мне напрячь все силы, вместо того чтобы уйти отдыхать?”» Смерть мы понимаем как некую точку в будущем, которой мы боимся или которой не замечаем, или к которой нас влечет. Но влечение это не желание. Об этом мы говорили применительно к пушкинскому Дону Гуану. Его Смертью была Дона Анна, и он прекрасно это понимал. Отчего возникает любовь к смерти? Оттого, что «жизнь по жизни» больше не привлекает человека. Ему надоело каждое утро надевать штаны и идти на работу. Смерть это его избавление. Он начинает любить ее и составляет с ней единое целое, находящееся за пределами речи. Что находится за пределами речи? Реальное. Смерть — это Реальное. «Добро пожаловать в пустыню Реального!» В истории Орфея и Смерти, как она показана Кокто, интересно, что Смерть вовсе не всеильна, и она сама живая. И она тоже влюбляется в Орфея и жертвует собой для того чтобы вернуть его к мещанке Эвриди-

ке. Смерть это в определенном смысле результат жизни против жизни. В смерти накапливается критическая масса информации, которую человек уже не в силах переносить. И тогда он умирает как человек и рождается как культурный герой. Часто любовь к смерти возникает не в старости, а в пубертате, когда юноша или девушка воспекает смерть в стихах. Она олицетворяет их нежелание жить, как все, как живут их родители. Тогда они могут покончить с собой или уйти в монастырь, как Энни в «Твин Пиксе» Линча. Отношения Энни с Дэйлом Купером это отношения любви к смерти. Купер уже не может вернуться в большой мир. Он представляется Энни как местный полицейский. И когда он идет в поисках похищенной Уиндомом Эрлом Энни в Черный Вигвам, в обитель потустороннего, то есть психотического, откуда невозможно выбраться, потому что там внешнее переходит во внутреннее, он находит ее, но уже ничего не может поделать. Ясно, что они оба умерли. Финал фильма, когда Купер превращается в Боба и издевательски кричит: «Как Энни?» означает, что победила не смерть, а нечто худшее. Что это худшее? Это ненависть, проекция влечения к смерти. Дэвид Линч показал в этом фильме, что жизнь против жизни, которую пытается вести Дэйл Купер, несовместима с влечением к смерти. Реальность не может совпасть со своим символом. Любовь к смерти проходит, и человек вновь поворачивается лицом к жизни, но память об этой любви остается. Память об этом невозможном совпадении реальности с символом, находящимся за пределами речи. Что же такое реальность? Является ли смерть частью реальности? Мнения расходились. Витгенштейн считал, что смерть не является событием жизни, Хайдеггер считал, что является. Истина где-то рядом.

4.

Является ли смерть *механизмом жизни*? По логике Сабины Шпильрейн, развиваемой ею в статье 1911 года «Деструкция как причина становления», безусловно является. Вот что она пишет:

При зачатии происходит соединение женской и мужской клеток. Каждая клетка при этом уничтожается как единица, и из продукта уничтожения возникает новая жизнь. Неко-

торые низшие живые существа, например, мухи-поденки, с произведением нового поколения лишаются жизни и умирают. Для них создание — это одновременно и гибель, что, взятое само по себе, есть наиболее страшное для живущего. Если собственная гибель служит новому созданию, то она становится для индивида желаемой.

Для биологически высоко организованного индивида, состоящего уже не из одной единственной клетки, само собою разумеется, что он не весь уничтожается в половом акте. Но половые клетки, исчезающие как единицы, есть особые для организма элементы: они находятся в тесной взаимосвязи со всей жизнью индивида и содержат в концентрированной форме всего производителя, постоянно влияющего на них при их развитии и на которого они также постоянно влияют.

Эти важнейшие экстракты индивида уничтожаются при оплодотворении. Соответственно объединению половых клеток в акте совокупления происходит теснейшее объединение двух индивидов: один проникает внутрь другого. Различие лишь количественное: всасывается не весь индивид, а только часть его, представляющая, однако, в этот момент значение всего организма. Мужская часть растворяется в женской; женская же становится беспокойной, получает новую форму благодаря чужому захватчику. Перестройка касается всего организма; разрушение и восстановление, всегда происходящие и в обычных обстоятельствах, идут особенно резко. Организм освобождается от половых продуктов, как от всякого экскрета.

Было бы невероятно, чтобы индивид не подозревал об этих процессах разрушения и перестройки в своем организме, хотя бы в соответствующих чувствах. Как чувства наслаждения сами даны в инстинкте продолжения рода, так и чувства отпора, такие как страх и отвращение, не выступают следствием ошибочного связывания с пространственно сосуществующими экскретами, не являются отрицательными, означающими лишь отказ от сексуальной деятельности, а являются чувствами, соответствующими разрушающим компонентам самого сексуального инстинкта (Шпильрейн 2016 <1913>:34)

Но как встроена смерть в повседневную жизнь? Является ли она *событием* жизни? Кто прав: Хайдеггер с его пространственными рассуждениями о смерти в «Бытии и времени» или Витгенштейн с одной короткой фразой в Трактате: «Смерть — не событие жизни. Смерть не переживается»? Что такое событие? Это когда с кем-то происходит нечто, из ряда вон выходящее. И при этом меняется знак модального оператора: запрещенное становится разрешенным, хорошее — плохим и т. п. В этом смысле смерть, конечно, событие. Но это, прежде всего, смерть Другого, близкого человека. Она *переживается*. А что говорит Хайдеггер?

Ужас перед смертью есть ужас «перед» наиболее своей, безотносительной и не-обходимой способностью быть. Перед-чем этого ужаса есть само бытие-в-мире. За-что этого ужаса есть напрямую способность присутствия быть. За страхом перед уходом из жизни ужас перед смертью смешивать нельзя. Он никак не прихотливое «упадочное» настроение единицы, но, как основоположение присутствия, разомкнутость того, что присутствие как брошенное бытие экзистировать к своему концу. Тем самым проясняется экзистенциальное понятие умирания как брошенного бытия к наиболее своей, безотносительной и не-обходимой способности быть (Хайдеггер 1993 <1927>: 251).

Здесь нам не уйти от вопроса, что такое реальность, как мы ее будем понимать. Если реальность = жизнь, то собственная смерть — не событие жизни, она действительно не переживается. Переживается умирание, как говорит Хайдеггер, «околевание» (перевод В. В. Бибихина), то есть как бы остывание жизни. Но, по моему мнению, реальность не равна жизни, реальность включает в себя жизнь и смерть на правах универсальных оппозиций. И теперь вспомним философию обыденного языка и структурный психоанализ Лакана: мы можем рассуждать о чем бы то ни было лишь в регистре языковых игр. В регистре речи. О Реальном мы говорить не можем, мы можем его, так сказать, лишь ощупывать с внешней стороны. А если Реальное это и есть сама смерть, то и о самой смерти мы говорить не можем. Мы можем говорить лишь о слове «смерть» и тех языковых играх, в кото-

рые оно включено. «Я умер» — такое предложение невозможно. Но если перевести его в косвенный контекст, оно становится возможным. «Скажи им, что я умер». Но любой контекст — потенциально косвенный. «Мне кажется, что я умер». Человеку может казаться все, что угодно. Шизофреники очень часто утверждают, что они мертвы. Это настолько распространенное явление, что у него есть название — синдром Котара. Если безумие — часть реальности, то и переживание своей смерти — тоже часть реальности. В обыденных языковых играх смерть занимает большое место. В детстве я жил недалеко от кладбища и часто из окна наблюдал похоронную процессию. Четыре человека несли открытый гроб, в котором покоилась, как правило, старуха с восковым лицом и заостренным носом, впереди шли музыканты, фальшиво исполняющие траурный марш из Второй сонаты Шопена, позади — скорбящие родственники. Я помню также, как повесилась моя первая учительница. Это было как гром среди ясного неба. Она была матерью одиночкой и оставила после себя двух девочек. С тех пор я называю ее «висельница первая моя». Тем, кто молод, может быть непонятно, что это цитата из детской песни тех лет «Школьный вальс»:

Под звуки вальса плавные
Я вспомнил годы славные,
Любимые и милые края,
Тебя с седыми прядками
Над нашими тетрадками,
Учительница первая моя.

Я отчетливо помню, как мы, похоронив учительницу, подъехали на автобусе к ее дому, и из подъезда весело выбежала учительница английского языка, вытирая почему-то прямо на улице руки полотенцем, очевидно, готовясь к поминкам. О. М. Фрейденберг любила писать, что на поминках было принято веселиться, чтобы покойник не вернулся. Фольклорно-мифологические традиции, которыми жили люди несколько тысячелетий, в соответствии с которыми покойники могут оживать, были важны до недавних пор, а у примитивных народов живы и до сих пор. У Пушкина в «Пиковой даме» Германну во сне или бреду является призрак старухи-графини и говорит ему три карты, причем,

говорит правильно. Если меня спросить, верю ли я в призраков, то я скажу, что это неправильно поставленный вопрос. Проблема в другом: верю ли я, что смерти, *может быть*, вообще нет? Что это иллюзия. Верю. Для меня была большой утратой смерть профессора Татьяны Михайловны Николаевой, моей тещи и крестной матери. Но когда я увидел в морге ее труп, я понял, что это не она. И дело не в том, верю я или нет, что она по-прежнему жива. Я понимаю, что я не могу больше с ней поговорить и спросить ее совета. Но ее голос, голос Другого, как говорит Лакан, я слышу. Мне кажется фальшивой мысль, что человека делает бессмертным то, что он сделал при жизни: его книги, фильмы, музыка. Но меня всегда привлекала мысль, что будет, если я вдруг встречу на улице Бетховена. Гурджиев был уверен, что не умрет. Я видел фото с его надписью: «Я — Гурджиев, я не умру». Но Фрейд говорил о другом. О том, что в психике прописана идея о том, что неживое было прежде живого, и суть влечения к смерти состоит в том, что человеку бессознательно хочется вернуться в это состояние неживого. Мысль эта кажется мне надуманной, но и в ней надо разобраться.

5.

Идея Фрейда, в соответствии с которой «неживое было прежде живого» и именно поэтому человека влечет вернуться в прежнее состояние неорганической материи, с философской точки зрения кажется сомнительной. Как живое могло возникнуть из неживого? Здесь дело даже не в том, с какой точки зрения на это смотреть: Бог создал людей или эволюция? Вопрос в другом: как мы вообще можем рассуждать, что было раньше, а что позже? Мы этого просто не знаем. Возможно, лучше всего решить вопрос в духе принципиальной координации Авенариуса. Что было раньше: сознательное или бессознательное? Это некорректно поставленный вопрос. Что более *фундаментально* — сознание или бессознательное? Конечно, бессознательное. Но какое бессознательное — индивидуальное или коллективное? Коллективное бессознательное более фундаментально. Фрейд искал чего-то, что дополнило бы его теорию либидо, и в силу биографических и социально политических обстоятельств (первая мировая вой-

на) наткнулся на смерть. Но Фрейд ничего не говорит о том, как он понимает смерть. Он не задает себе вопрос Гамлета: «Какие сны в том смертном сне приснятся?» А этого ведь до сих пор никто не знает. Гипотеза Моуди как-то поблекла с годами. Гораздо интереснее то, что предлагают «Книги мертвых». Там смерть и то, что следует после нее, имеет драматический характер. Не будем цитировать их, это увело бы нас слишком далеко. Но любое мистическое учение отрицает смерть как нечто окончательное. Когда Ранк придумал травму рождения, он предполагал, что пребывание в утробе есть нечто безмятежное. Однако исследования Грофа в области четырех базовых перинатальных матрицах показали, что плод живет в утробе жизнью, полной драматизма. Тот факт, что когда человек устал от жизни, он хочет отдохнуть после смерти, психологически понятен. Но выводить из этого, что неживое было прежде живого, это значит совершать логический скачок. Тело человека живет определенное количество лет. Потом оно перестает жить, оно действительно превращается в неорганическую материю. Но разве мы отождествляем человека с его телом? Сознание человека переходит в другое тело, согласно представлениям буддизма. Это пресловутое сознание никуда не может деваться. Почему пресловутое? Потому что оно иллюзия. Это иллюзия нашего согласованного бреда, что весь мир состоит из наших восприятий вещей и фактов, а именно это Фрейд называл сознанием. Но эти восприятия носят вторичный характер. Согласованный бред это бессознательная конвенция, установленная между людьми. Подлинный бред это коррелят бессознательного. Стало быть, подлинный бред более фундаментален. Как мы неоднократно утверждали и обосновывали в наших книгах, безумие более фундаментально, чем норма. Теперь мы готовы утверждать, что норма это такая же иллюзия, как сознание. Что такое норма? Это когда человек идет по улице? Или когда он ест суп? Или когда он пишет книгу? Это все разные состояния психики. Разные состояния бессознательного в широком смысле. Когда-нибудь физики в сотрудничестве с психологами окончательно докажут, что сознание фикция. Первый шаг сделан М. Б. Менским в книге «Сознание и квантовая физика». К сожалению, он рано умер и не смог развить свою теорию, в соот-

ветствии с которой мы живем в параллельных мирах и сознание мешает нам понять это. Он писал в своей книге, что во сне, когда сознание почти выключено, человек выбирает оптимальные варианты сценариев жизни. Но идея, что человек может что-то выбирать, противоречит принципу предопределенности. Все уже раз и навсегда выбрано. Мы плывем по течению. Нам кажется, что мы можем что-то придумывать, какие-то философские идеи, про время и пространство... но это только слова. Что такое великий человек, шизоид в широком смысле, который не хочет придерживаться традиции? Поздний Бетховен, например. Это аттрактор, он втягивает в себя, как в воронку, будущее. Вопрос о том, сознательно ли сочинял Бетховен свою музыку или бессознательно, даже не стоит. Конечно, бессознательно. Жизнь против жизни это жизнь по ту сторону влечения к смерти. *В определенном смысле неживого вообще не существует.* Например, интернет — это живое или неживое? Это странный объект. Как странные объекты соотносятся с влечением к смерти? Об этом стоит подумать.

6.

Различие между живым и неживым подвижно. По Биону, странный объект не является ни живым, ни неживым. Что вообще такое странный объект — это фрагмент отколовшейся патологической психики, спроецированный на любой объект, например, на очки. И тогда очки воздействуют на субъекта, смотрят на него. Они становятся живыми. Но стоит бреду воздействия угаснуть, как очки вновь становятся мертвым неорганическим объектом. Как тут сказать, что было раньше, неживое или живое? Смерть — это странный концепт (разновидность странного объекта). Особенностью странного объекта является то, что он воздействует. Но это вовсе не обязательно бред воздействия. Вот я стою рядом с человеком, и он воздействует на меня своими разговорами, своим присутствием. Смерть *воздействует*. На меня воздействует то, что я умру. Мне кажется, именно в этом смысл рассуждений Хайдеггера, приведенных выше. Но смерть не объект, не вещь, она абстрактное понятие, концепт. Хотя воображение человека может наделять ее антропоморфностью — старуха с косой или Мария Казарес в «Орфее». Но, в сущности, смерть

это шизема, то есть элемент шизореальности в терминах нашей книги «Введение в шизореальность» (Руднев 2011). А шизореальность это реальность согласованного бреда. Однако странные объекты это слова, которые парадоксальным образом становятся похожими на вещи, потому что в подлинном шизофреническом бреде слова не отличаются от вещей. Поэтому подлинный бред ближе к реальности или, скорее, к Реальному. Здесь надо решить, является ли слово смерть обычным концептом, элементом шизореальности, или странным бредовым концептом. Но так вопрос ставить нельзя. Любой объект может стать странным и любой концепт тоже. Если смерть или идея смерти на меня воздействует, то она становится странным концептом. Старуха с косой или Мария Каазрес — не важно. Она может быть похожа на мать или на возлюбленную. Как писал Иосиф Бродский:

Это абсурд, вранье:
череп, скелет, коса.
«Смерть придет, у нее
будут твои глаза».

Живое и неживое это тоже слова, относящиеся к согласованному бреду. Можно даже сказать, что, несмотря на то, что безумие называют психической смертью, оно склонно как оживлять мертвое, так и омертвлять живое. С одной стороны, оживает статуя Командора в «Каменном госте» и памятник Петру I в «Медном всаднике», с другой стороны, вспоминается пациентка Рональда Лэйнга, которая говорила: «Я стена. Девушке трудно быть стеной». Но она этим просто хотела сказать, что она девушка, что она не дефлорирована, и больше ничего. Шизофреники очень умные и глубокие люди. Мы об этом прекрасно знаем от антипсихиатров, и спасибо им за это. Но все же в конце XX века появляются привилегированные странные объекты — такие, как телевизор, мобильный телефон и интернет. Их назначение состоит, чтобы воздействовать. И это, конечно, не случайно, что их придумали в XX веке — веке шизофрении. Имеют ли эти привилегированные странные объекты отношение к смерти? Да, они имеют амбивалентное отношение к смерти. С одной стороны, они запугивают, с другой, отвлекают. Они путают живое с неживым. Но какими бы привилегированными они ни были, важно не за-

бывать, что мы среди них живем не в подлинной реальности, и мы не знаем, что такое подлинная реальность и существует ли она вообще. Смерть не является событием подлинной реальности. Слово смерть не похоже на саму смерть, хотя на что похожа смерть, мы тоже не знаем, и не знаем, есть ли она вообще. Просто окружающие люди время от времени перестают существовать, вернее, перестают существовать их тела. Тогда начинается очень сложная бюрократическая игра, цель которой состоит в том, чтобы определить этому телу место на кладбище или в крематории. Это отвлекает близких от их горя. Ван Геннеп назвал подобные вещи обрядами перехода. Но если обряд инициации это смерть мальчика и рождение мужчины, а обряд свадьбы это смерть девушки и рождение женщины, то ритуал смерти это переход неизвестно куда. Раньше говорили, что в иной мир. Ну, допустим, в иной мир. Но мы не собираемся исследовать иной мир, потому что это очередная игра словами. Мы не знаем, как он выглядит и есть ли он на самом деле. И про параллельные миры мы ничего толком не знаем. И Данн, по моему мнению, не смог доказать, что ничто не умирает. Но девушке трудно быть стеной. Помогите девушке стать женщиной, совершив этот обряд перехода. Это, как считал Фрейд, лучшее лекарство от всех психических заболеваний. Но если серьезно, то все-таки напоследок необходимо обсудить проблему соотношения смерти и параллельных миров в режиме по ту сторону влечения к смерти и в регистре жизни против жизни.

7.

Представить себе параллельные миры, оставаясь в рамках философии обыденного языка, очень трудно. Вот человек идет по улице. На перекрестке он одновременно поворачивает направо и налево и в то же время идет прямо. Это противоречит здравому смыслу. В семантике возможных миров можно себе представить это как три варианта развития событий. Но два из них только возможные, и лишь один действительный. Но если попытаться построить семантику действительных миров, то придется отказаться от одномерного и анизотропного времени. Когда мы говорили о жизни против жизни, мы представляли себе два типа

времени, движущихся в противоположных направлениях. Эти два времени по абсолютной величине равны, но противоположны по вектору. Одно из них энтропийное, другое информативное. Это значит, что тело движется в сторону разрушения, а разум в сторону созидания. Теперь представим себе, что человек живет в режиме бессознательного, где вообще нет времени. Там он может сколько угодно поворачивать направо и налево, идти прямо и находиться «одновременно» в различных точках. Но что значит жить в бессознательном? Это примерно то же самое, что режим высшей сознательности по Гурджиеву. В фильме Бергмана «Фанни и Александр» есть эпизод, когда еврей хочет похитить детей у пастора. Он помещает их в сундук. Пастор догадывается об этом, но вместо того, чтобы заглянуть в сундук, он бежит в комнату своей жены, которая хочет от него сбежать вместе с детьми, чтобы удостовериться, на месте ли дети. Тогда еврей возводит глаза к небу и усиленно молится. И пастор видит детей рядом с матерью. То есть дети одновременно находятся в сундуке и в верхней комнате рядом с матерью. Они находятся в двух параллельных мирах. Жизнь против жизни и жизнь в регистре бессознательного это похожие, но все же разные вещи. Жизнь против жизни подразумевает, что человек не подчиняется влияниям А в гурджиевском смысле, то есть влияниям внешней среды, но подчиняется влияниям В и С, то есть влияниям культуры и эзотерическим влияниям. Он оставляет свое тело, как есть, и живет жизнью знания и служения информации, внутренней эволюции. Он оставляет свое тело на съедение смерти, он не соблюдает диету, курит, все это не имеет для него значения. Но его психика находится по ту сторону интересов его тела. Человек в этом случае не думает о том, что о нем думают другие, а сам думает о себе и о других. В учении Гурджиева это называется внешним учитыванием. Учение Гурджиева не требует погружения в транс, поста и т. п. Внешне человек продолжает жить обыденной жизнью. Так же, как и другие люди, он ходит на работу, пьет пиво и смотрит телевизор. Но его там нет. Он находится в другом измерении, в параллельном мире, и в этом смысле смерть ему не страшна. Тело его может умереть, но то, что в человеке есть помимо тела, продолжает существовать в параллельном мире.

Здесь начинается мистика. Родни Коллин утверждал, что, когда умер Успенский, он в определенном смысле продолжал жить. Но поскольку мы все же обсуждаем влечение к смерти, то нам не следует углубляться в мистику. Однако в той материалистической модели реальности, в которой жил Фрейд, когда писал «По ту сторону принципа удовольствия», мы тоже жить не хотим. Возможно, Фрейд искал какого-то выхода из обыденной жизни, но поскольку он к тому времени был очень знаменит (вспомним принцип Успенского), ему это было сделать трудно. Хотя мотив компульсивного повторения, пронизывающий эту работу, не входит в обыденную модель реальности. Влечение к смерти как компульсивное повторение, скорее, похоже на магию. Недаром этот концепт является ключевым при «неврозе навязчивых состояний», о чем почему-то Фрейд умалчивает. Именно компульсивный человек, как мы убедились в главе «Магическая импликация», живет в режиме влечения к смерти, он все время думает о неблагоприятном исходе событий. «Если я неаккуратно повешу пальто, то разразится война». «Если я женюсь на этой женщине, мой отец умрет». Вопрос состоит не в том, как избежать смерти, но в том, как перестать обращать на нее внимание. Этого можно добиться, только перестав думать о себе. Человек идет — налево или направо, или стоит на месте или поворачивает назад, это абсолютно все равно. В рассказе Акутагавы «В чаше» самурая по одной версии убивает разбойник, по другой его жена, по третьей он кончает с собой. Истины, одной на всех, не существует. Есть только наррации. Параллельные миры складываются в нарративной онтологии. Если наша реальность действительно похожа на ленту Мёбиуса, то движение направо или налево не имеет никакого значения. Мы рассказываем друг другу истории. И мы сами живем в этих историях. Когда и чем закончатся эти истории, мы не знаем. Не знаем мы и того, будет ли конец счастливым или трагичным. Не умирает тот, кто живет в настоящем. Вглядимся в настоящий момент. Я не вижу здесь никакого влечения к смерти. Оно находится по ту сторону настоящего.

Глава шестая

НОВАЯ МОДЕЛЬ ДЕПРЕССИИ

1.

Наша основная гипотеза заключается в том, что при депрессии утрачивается или значительно ослабляется связь психики с бессознательным. Депрессия, прежде всего, это утрата смысла жизни и смыслов вообще, а смыслы находятся в бессознательном. Поэтому депрессивному человеку становится все равно. Происходит это потому, что сфера означаемого, денотации играет в жизни здорового человека гораздо меньшую роль, чем сфера означающего, коннотации. Мы коммуницируем не для того, чтобы сообщить какую-то информацию, во всяком случае, не только и не только для этого, а для того, чтобы, так сказать, выразить себя. Существует «закон Лакана», сформулированный им в семинарах «Психозы», в соответствии с которым «означающее влечет за собой другое означающее». По-другому о том же самом говорила известный лингвист профессор Т. М. Николаева: «Забудьте про денотат, ищите сигнификат!» Важно не то, что сказано, а как это сказано. Если бы это было не так, то техника свободных ассоциаций была бы невозможна. Все слова связаны между собой, и речевая компетенция находится в бессознательном. Вот почему у больных депрессией плохо идут ассоциации, они утратили связь с бессознательным. Вот почему Фрейд рассматривал меланхолию как нарциссический невроз (в скобках обычно ставилось психоз), плохо поддающийся психоаналитической психотерапии. Почему и каким образом при депрессии утрачивается связь с бессознательным, можно строить догадки и выдвигать дополнительные

гипотезы. Прежде всего, если связь психики с бессознательным утрачена или значительно ослаблена, что остается депрессивному? Ему остается то, что традиционно называют сознанием, то есть как раз той частью психики, которая заведует означаемым, денотацией, референцией, в общем, связью денотата и объекта. Это показывает, насколько жалкую роль играет сознание в жизни человека. Какова роль денотативной функции при коммуникации? Указать на истинность или ложность того или иного высказывания. В книге «Против истины» (Руднев 2017) мы показали, следуя выводам Фуко, что истина это иллюзия, которая формируется властью. Более того, истина — это иллюзия и по логико-семантическим критериям. Г. Фреге показал, что в предложениях с пропозициональными установками в косвенном контексте на место денотата (истина или ложь) становится смысл, который не является ни истинным, ни ложным. Согласно перформативной гипотезе А. Вежбицкой любой контекст является косвенным, что всегда сообщается смысл высказывания, а не его истинность или ложность. Вот почему истина является фикцией. Это положение лежит в основе нашей нарративной онтологии: мы просто рассказываем друг другу истории, которые выдаем за истинные или ложные. Какая здесь связь с бессознательным? Бессознательное это сфера чистых смыслов. Эти смыслы имеют текучий, нестабильный характер, один смысл переходит в другой. Если бы человек полностью жил в сфере бессознательного, он стал бы сумасшедшим или гениальным поэтом типа Хлебникова или Введенского. Но для обычного, умеренно творческого человека необходим некий баланс между бессознательным и той частью психики, которую называют сознанием, и которую можно назвать невытесненным бессознательным или бессознательным в широком смысле. Для чего людям нужна истина и ложь? Чтобы как-то взаимно регулировать поведение друг друга. — Ты пойдешь в кино? Да. — Ты меня любишь? — Да. В первом случае ответ как будто уместен и оправдан. Его можно как-то верифицировать. Во втором случае ответ ни верифицировать, ни фальсифицировать невозможно. Он сам не знает, сказал ли он правду или соврал. Вернемся к депрессии. Депрессивные с редуцированной сферой означающих, сферой смыслов, обречены на «сознание»,

на правду-неправду. У них закрыта сфера фантазии. Почему? В психоанализе господствует теория, в соответствии с которой депрессия связана с утратой любимого объекта. Но иногда с утратой любимого объекта депрессия не происходит. А иногда любимый объект на месте, а депрессия налицо. Например, она носит сезонный характер. При биполярном расстройстве, как правило, хотя и не всегда, депрессия начинается с уменьшением светового дня, то есть осенью, а заканчивается с его увеличением, то есть в наших широтах где-то в середине марта. Весьма возможно, что солнечный свет и есть тот утраченный объект, благодаря которому возникает сезонная депрессия. Но почему при этом редуцируется бессознательное? Что такое солнце? Всякий, кто знаком с мифологией и с юнгианской психологией, знает, что солнце есть символ божества и вариант архетипа Самости, Иисуса Христа. С утратой солнца человек утрачивает свою Самость. Самость, как любой архетип, хранится в коллективном бессознательном. Связь очевидна. Но было бы невозможно, если бы у депрессивного сфера бессознательного была утрачена совсем. Она просто прячется, прежде всего, в сновидениях. Известно, что сон для депрессивного это единственная отрада в его мучительной жизни. И сны он видит, как правило, яркие и запоминающиеся. В отличие от гипоманиакальных, которые после дневной активности спят, как убитые, и не помнят своих снов. Сновидения при депрессии являются компенсацией за бедную ассоциациями бодрствующую жизнь. Можно сказать, что именно при депрессии жизнь делится на две половины, в то время как при шизофрении сновидения и реальность могут сливаться. И вот теперь стоит поговорить, как обстоит дело с бессознательным при шизофрении.

2.

В противоположность депрессии при шизофрении почти полностью отключаются сознательные функции психики, и она затопляется бессознательным. Это соответствует тому, что денотативная сфера для шизофреника перестает быть важной, он всецело погружен в сферу смыслов. Поэтому острый шизофреник, находящийся в состоянии галлюцинаторного бреда, не может ориентироваться в окружающей действительности.

Смыслы, не подкрепленные денотатами, создают в психике мешанину, один наплывает на другой. Появляются странные объекты. Шизофреник уходит за пределы окружающей действительности. Что такое подлинный бред? Это такое положение вещей, когда согласованный бред рассогласовывается. Все жизненные конвенции разрушаются. На вопрос «Ты пойдешь в кино?» шизофреник может ответить «Я вчера смотрел интересное кино». При согласованном бреде синтаксические и семантические конвенции организуются таким образом, чтобы людям было удобно поддерживать иллюзию общения. Шизофреник не может жить в иллюзии. Особенность этого заболевания состоит в том, что оно таит в себе нечто подлинное. Подлинный бред — это подлинная не-реальность. Он, скорее, сможет ответить на вопрос: «Ты меня любишь?», но ответить по-своему. Этот вопрос ему более понятен, чем вопрос про кино, потому что здесь задействована сфера аффектов. Шизофреник понимает, что такое любовь, может быть, лучше здорового человека. Но он понимает ее в регистре подлинного бреда. Он может ответить: «Любовь — это когда женщина теплая. От тебя исходит холод. Это значит, что я люблю тебя, если ты не задаешь этих глупых вопросов». С другой стороны, любовь другого человека очень нужна депрессивному. Любовь-забота. Потому что ему плохо без смыслов. Он сам не может чувствовать любви, но испытывает в ней потребность. Но любовь приходит из бессознательного, а бессознательное для него почти закрыто. Тот факт, что бессознательное закрыто для депрессивного, может быть оспорен ортодоксальным психоаналитиком, который разделяет мнение о наличии жесткого суперэго при депрессии. Но что такое жесткое суперэго? Оно не всегда бессознательно. Это может быть просто суровый отец или неласковая жена. Конечно, какие-то функции бессознательного при депрессии сохраняются. Но его семантическая функция редуцируется. Это касается, прежде всего, коллективного бессознательного, откуда черпаются смыслы. Именно оно редуцируется при депрессии. При шизофрении, напротив, коллективное бессознательное затопляет психику, а функция суперэго ослабляется или исчезает вовсе. Можно обобщить сказанное так: у депрессивного остаются какие-то служебные функции индивидуального

бессознательного, а у шизофреника на первый план выступает коллективное бессознательное, сфера смыслов. При депрессии реальность обесмысливается, при шизофрении она обеспредмечивается. При обоих заболеваниях человек выходит за рамки согласованного бреда. Но при шизофрении на первый план выходит подлинный бред, где в пределе все равно всему, а при депрессии это вовсе не бред. Депрессивный человек, так же как и шизофреник, не может жить в рамках согласованного бреда, но не потому, что он его не понимает, а потому, что конвенции ему больше не нужны. — Ты пойдешь завтра на работу? Депрессивный, в отличие от шизофреника, понимает, что завтра нужно идти на работу. Но работа становится бессмысленной и поэтому справляться с ней трудно. Апатия и тоска блокируют творческие функции. Это происходит потому, что связь с бессознательным нарушается. Радость от работы, от творчества исчезает. То, что казалось само собой разумеющимся, — он приходит на работу, общается с коллегами, разбирает бумаги и т. д. — теперь кажется бессмысленным. Зачем все это делать, когда все так плохо и тяжело? Почему же депрессивному так плохо и тяжело? Почему ему не хочется ничего делать? Почему он кажется себе плохим? Ответить на эти вопросы в рамках нашей модели не просто. Что такое бессознательное? Это главный порождающий механизм жизни. Без него жизнь человека невозможна. Это как если бы у человека не было ни отца, ни матери. Он был бы нерожденным. Он бы жил в каком-то приюте для нерожденных. Если полное бессознательное это отражение малого зеркала индивидуального бессознательного в большом зеркале коллективного бессознательного, то это направление зеркал по отношению друг к другу при депрессии утрачивается. Большое зеркало блекнет. И от этого функция малого зеркала также редуцируется. Что такое коллективное бессознательное? Это система архетипов. Анима, Анимус, Персона, Тень, Самость. Коллективное бессознательное формирует осмысленность человеческой жизни только в сотрудничестве с индивидуальным бессознательным. Анима проецируется на мать или жену, Анимус — на отца или мужа, Персона — на тот социальный статус, на который претендует человек, Тень — на его представления о смерти, Самость — на его

жизненный идеал. Очень важно, чтобы коллективное бессознательное работало в сотрудничестве с индивидуальным, потому что так живет здоровый человек. При депрессии коллективное бессознательное блекнет. Анима больше не Анима, потому что любить нет сил, Персона больше не Персона, потому что ему теперь наплевать на карьеру, Тень больше не Тень — она может редуцироваться в сознательное желание смерти как избавления от мук депрессии. Самость тоже исчезает, так как следовать идеалу нет сил. При шизофрении происходит противоположное. Архетипы затопляют психику, они перемешиваются, наползают друг на друга и выплывают в галлюцинаторной реальности как странные объекты. При депрессии не бывает странных объектов. Само понятие странного, причудливого чуждо депрессивному. Депрессивный живет в мире обыденности. Эта обыденность не является согласованным бредом, потому что депрессивный лишается конвенций. Чем же является обыденный мир для депрессивного человека?

3.

Можно предположить, что именно вследствие того, что депрессивный человек в зависимости от тяжести депрессии полностью отключается от своего бессознательного, либо связь с ним значительно ослаблена, не понимает смысла своего состояния, смысла тех слов и выражений, которыми характеризуется депрессия. Обычно больные, если у них нет достаточного опыта общения с психотерапевтом, затрудняются определить, что с ними, собственно, происходит. Они говорят: «Мне плохо!» Ощущают ли они тоску, тревогу, отчаяние, подавленность и т. п.? Они могут ощущать все эти эмоции, но они, как правило, с трудом могут дифференцировать их. Но их на самом деле трудно дифференцировать. Мы живем в мире слов, не похожих на то, что они обозначают. Слово «стол» не похоже на стол, но зато оно четко обозначает стол. Сказать, похоже ли слово «тревога» на саму тревогу, затруднительно. Именно поэтому значение его расплывчато. Можно сказать, что тревога — это страх чего-то неопределенного, а страх это страх чего-то определенного. Так обычно различа-

ют страх и тревогу. Но можно сказать, что человек тревожится по какому-то поводу, например, студенту тревожно от того, что он боится, что не сдаст экзамен. Слова «тоска» и «подавленность» близки по значению, но что они означают? Обычно здоровый или лучше сказать психически адаптированный человек не задает себе таких вопросов. Это происходит потому, что он живет в мире слов с определенными значениями. Эта определенность в значительной степени обусловлена тем, что здоровый человек находится в движении. Он встает утром и ложится вечером. На протяжении дня у него нет времени вдумываться в значения слов, которые он употребляет. Депрессивный же человек, как правило, все время лежит и думает о своем состоянии. И он не понимает, что с ним происходит. Если у человека тоска, то это может сопровождаться ощущением тяжести в области груди или сердца, но это не сама тоска, это ее соматические эквиваленты.

Что значит само слово тоска? «Мне тоскливо!» Это очень трудно понять, потому что слово тоска и денотат тоска связаны весьма неопределенной связью. Непонятно, что такое тоска, как ее определить. «Мне тоскливо!» Это происходит оттого, что депрессивный человек живет за пределами шизореальности, то есть обыденной реальности здорового человека, где слова не похожи на вещи. Если бы депрессивный человек твердо знал, что такое тоска и чем она отличается от печали, ему было бы легче. Но он не знает. Ему просто плохо от того, что его ничего не радует. Что-то блокирует радость, которую испытывает человек от обычных жизненных функций. Например, от еды или ходьбы, от дефекации и от многого другого. От тех шизореальных функций, среди которых здоровый человек чувствует себя, как рыба в воде. Бессознательное, как мы уже говорили, наделяет слова и высказывания смыслами. Именно смыслами, а не значениями. Депрессивный человек понимает значение слов «Я хочу есть», но они ему безразличны. Какой смысл у предложения «Я хочу есть»? Желание утолить голод. Есть это вкусно. Но депрессивному человеку не вкусно есть. Смысл слова «вкусно» ему недоступен. Ему вообще не вкусно жить. Он живет мучительной жизнью психического выживания. Он может вообще почти не есть, а может наоборот есть слишком много, не ощущая

при этом вкуса. Еда имеет такую особенность, что она заглушает тревогу. Психоналитики связывают это с оральной фиксацией. Ребенок был по тем или иным причинам резко отлучен от груди. И бессознательное это зафиксировало как оральную травму. На оральной депрессивной позиции, как эту стадию психосексуального развития назвала Мелани Кляйн, когда ребенок уже начинает говорить, мать воспринимается как целостный объект, но объект потенциально утраченный. Какое значение имеет этот факт, что депрессивный человек воспринимает вещи и объекты как нечто целостное, а шизофреник как нечто осколочное, как словесную крошку? Это тоже связано с проблемой бессознательного. Что такое целостный объект? Лакан в «Стадии зеркала» подчеркнул, что это иллюзорный объект. По Фуко, зеркало это гетеротопический объект, мы видим себя там, где нас нет. С тех пор в обычной реальности мы продолжаем видеть себя там, где нас нет. Мы живем в системе зеркал, отражающих друг друга (что и есть, по нашему мнению, бессознательное). Согласованный бред и есть система таких многочисленных взаимных отражений. Но у депрессивного человека нет таких отражений. Он себя не видит со стороны. Он погружен в свои сукцессивные размышления о том, как ему плохо. Что в данном случае значит сукцессивные? Это значит, что время депрессивного это энтропийное одномерное время, которое длится бесконечно долго. Почему время при депрессии субъективно воспринимается как нечто мучительно долгое? Потому что оно отключено от бессознательного. Обычно здоровый человек живет и действует в режиме неосознанных действий, и время проходит незаметно. Время осмысливается теми житейскими действиями, в которых живет здоровый. У депрессивного все иначе, его семантическая сфера опустошена. Он смотрит на одни и те же предметы в своей комнате, и они ему ничего не говорят. Человек смотрит на вещь и не видит в ней никакого смысла. Он вспоминает время, когда вещи его радовали, и не может представить себе этого времени. Потому что это был как бы совсем другой человек. Депрессия связана с энтропией. Все угасает. Это мучительно. Но бессознательное никуда не девается. Оно только прячется или спит. Наступит время, и оно проснется.

4.

Пока же вернемся к тому, с чего мы начали эту главу: к тому, что означающее влечет за собой другое означающее. Что это, в сущности, значит? Допустим, я говорю жене: «Посмотри, пошел дождь!». Но она мне отвечает не «тогда я возьму с собой зонтик», а «Что ты хотел этим сказать?» Происходит, по Шкловскому, «обнажение приёма». Депрессивный человек — это человек с утраченной сферой коннотации, *homo denotativus*. Ему не может прийти в голову, что, если идет дождь, то это может иметь какой-то иной смысл помимо того, что, если хочешь пойти на улицу, надо надеть плащ и взять с собой зонтик. А если он остается дома, он скажет себе: «Идет дождь, но мне нет до этого никакого дела». Если у человека нет депрессии, он так не скажет и не подумает. У него при взгляде на дождь возникнет какая-то ассоциация. Например, начало стихотворения Аполлона Майкова «Золото, золото падет с неба. Дети кричат и бегут за дождем...» Или, если он философ, он может вспомнить парадокс Мура: «Идет дождь, но я так не считаю». Я хочу сказать, что не-депрессивное обращение с языком активно использует его поэтическую функцию в терминах статьи Р. О. Якобсона «Лингвистика и поэтика» (Якобсон 1975). Мы живем в качестве людей и отличаемся от других животных тем, что у нас есть развитый арбитражный язык, и наивно думать, что этот язык создан для того чтобы обозначать вещи и события, облегчая тем самым нам жизнь. Как в «Философских исследованиях» Витгенштейна: «Принеси мне пять красных кирпичей!» Язык нужен не для этого. Как сказал ранний Витгенштейн: «Язык переодевает мысли. И притом так, что по внешней форме этой одежды нельзя заключить о форме переодетой мысли, ибо внешняя форма одежды образуется совсем не для того, чтобы обнаруживать форму тела.» Если бы нужно было только строить дома из кирпичей, то язык был бы не нужен. Язык нужен для того, чтобы построить «нарративную онтологию», или «новую модель реальности», в терминах книги (Руднев 2016). В этой модели реальность это то, как значат вещи, то есть их смысл. Смысл рождается из ассоциаций. «Поэзия, — писал Лев Якубинский, — рождается из детского лепета». А Мандельштам добавил:

Быть может, раньше губ
Уже родился лепет.

Что самое главное в жизни человека? Это любовь. Депрессивный человек не способен любить, хотя сам он очень нуждается в любви и получает ее (в противном случае он погибает). Любовь есть не что иное, как свободная ассоциация. На улице идет дождь. — А что ты хочешь этим сказать? — Сегодня дурной день, лучше никуда не ходить и весь день слушать музыку. У одного человека была депрессия, и он все время молчал, потому что сказать ему было нечего по причине отсутствия свободных ассоциаций. Жена просила его рассказать ей что-нибудь, потому что его молчание было тягостно. Ему достаточно было соврать что-нибудь вроде того, что он не спал до четырех часов утра, потому что в голове у него все время звучал соль-минорный прелюд Рахманинова. Он придумывал себе свободные ассоциации, потому что он любил свою жену (когда у него проходила депрессия). Язык нужен не для того чтобы люди были счастливы, а для того, чтобы они могли быть счастливыми или несчастными. Плод с древа познания добра и зла научил людей говорить. До этого они были счастливы, но ничего не знали об этом.

5.

Вообще говоря, принцип «означающее влечет за собой другое означающее» деформируется или разрушается различным образом при любых психических расстройствах. Что происходит, например, в этом смысле при Obsessive Compulsive Disorder? При тяжелой Obsessive Compulsive Disorder мысль застревает на неотвязном повторении одних и тех же вербальных или невербальных формул. В отличие от депрессии Obsessive Compulsive Disorder личности не терпит пустоты, не-заполненности. Бессознательное при Obsessive Compulsive Disorder, чтобы снять у субъекта тревогу, заполняет его лишенными на первый взгляд смысла ритуалами. В более легких случаях господствует бинарная семантика: пустое ведро/полное — плохое предзнаменование/хорошее — выходить из дому/не выходить. Принцип «означающее влечет за собой другое означающее» здесь резко ограничен антонимичностью, и свободным ассоциациям поч-

ти нет места. Поэтому так трудно с компульсивными работать в рамках психоаналитического сеттинга. А что происходит при компульсивной магической импликации, которую мы исследовали в главе 3 этой книги? Например, когда пациент говорит: «Если я повешу пальто неаккуратно, то разразится война». Или случай с академиком: «Если я пойду на дачу не по той тропинке, то моя теща умрет». Здесь есть ассоциации, и означающее следует за другим означающим, но нет никакой свободы выбора: в мире все связано тончайшими нитями и предопределено. Малейшее нарушение заданного порядка ведет к катастрофе. Компульсивный здесь не учитывает «парадокс предопределенности», исследованный нами в книге (Руднев 2017а), согласно которому нарушение предопределения входит в предопределение. Когда академик пошел по другой тропинке на дачу и теща действительно умерла, его вины в этом не было, так как отклонение от обычного маршрута было так же предопределено, как и следование ему. Если говорить в рамках многомировой семантики Эверетта-Менского, то можно сказать, что предопределены были равным образом все маршруты. Если при Obsessive Compulsive Disorder господствует повторение, то при истерии господствует различие. Что означает истерическое господство различия? Да, истерики легко выдают свободные ассоциации, но при этом они часто врут, то есть их свободные ассоциации-коннотации не подкреплены реальными денотатами. В этом плане истерия также противоположна депрессии, которая без денотатов (пусть утраченных) существовать не может. Блейлер говорил, что когда слишком много истерии, думай о шизофрении. Именно это происходит в сцене вранья с Хлестаковым, где он строит целый вымышленный мир, причем настолько убедительно, что чиновники ему безоговорочно верят (подробно см. главу «Смерть Хлестакова» нашей книги Руднев 2010). Легкая женская истерия с ее нагромождением свободных ассоциаций, по-видимому, вообще не является психическим расстройством, во всяком случае с точки зрения антипсихиатра Томаса Саса (см. его книгу Сас 2014). Поэтому истерия так легко излечивалась методом свободных ассоциаций Бройером и Фрейдом. Но когда истерии много, когда она шизофренизируется, как в сцене вранья в «Ревизоре», тогда принцип «означающее влечет

за собой другое означающее» выступает в вывернутом наизнанку виде (поскольку при психозе на место сознания становится бессознательное). Поэтому на примере психоза этот принцип легче всего поддается изучению. И именно так поступил Лакан.

6.

Таким образом, при шизофрении человек живет в мире смыслов, не подкреплённых денотатами, — в сущности, в вымышленном мире, или, в терминах нашей книги (Руднев 2015), в мире подлинного бреда. При депрессии же он наоборот живет в мире обесмысленных денотатов, в мире согласованного бреда. В какой же реальности человек живет на самом деле? Мы этого не знаем и никогда не узнаем. Можно ли сказать, что с одной стороны, более или менее приближенным к реальности, является кречмеровский шизоид, который будучи погружен в смысл, не теряет полностью связь с согласованным бредом, и, с другой, циклоид, живущий в реальном денотативном мире, но допускающий поэтическую функцию как «вспомогательный материал»? Но закон смысла является универсальным для всех. Человек отличается от других видов не тем, что он строит дома (подобное делают муравьи и пчелы), а тем, что он пишет стихи и сочиняет симфонии. В начале XIX века сочинение симфоний было настолько аутистическим делом, что понадобился великий гений Бетховена, чтобы осмелиться включить в симфонию слова, приблизив ее тем к «реальности». Это был парадоксальный жест авангардного композитора. Люди не могут жить в мире симфонии, в мире подлинного бреда. Кто-то должен выращивать хлеб и строить дома. Все же следует подчеркнуть, что депрессивный человек и на это не способен. Для того чтобы строить дом, чувство смысла необходимо, как и для написания симфонии. Что из этого следует? Любое психическое заболевание — это расстройство смысловой сферы. При шизофрении смыслов избыточно много, при депрессии их почти нет совсем. Но бывают состояния шизофренической депрессии, когда смыслы фрагментируются и инкорпорируются в тело больного, как например, в случае, описанном в статье (Минковски 2000). В целом можно пойти дальше и сказать, что практически любая шизофрения депрессивно окрашена, и поэто-

му смысл в ней обесценен. Но вот можно ли утверждать обратное: что любая депрессия шизофренично окрашена, поскольку по Тимоти Кроу каждый человек немного шизофреник, и смыслы поэтому никуда не могут деться, они лишь редуцируются? Если так, то можно допустить, что бессознательное депрессивного человека не умерло (иначе он сам бы умер), а лишь спит. И что оно просыпается в гипомании. Это сложный вопрос. В психоаналитической традиции считается, что гипомания лишь реактивное образование против депрессии, ее отрицание (см., например, соответствующую главу в книге (МакВильямс 1998)). Мы не согласны с этим. Просто при гипомании коллективное бессознательное слишком сильно раскрывается, и человек захлестывается смыслами. Почему у гипоманиаков все получается? Потому что к ним смыслы текут рекой. Причем подкрепленные денотатами. По-видимому, умеренный гипоманиак — идеал советской психиатрии: это он ходит на демонстрации и распевает веселые песни. «Жить стало лучше, жить стало веселей!» А то, что где-то в Сибири уничтожают десятки тысяч людей, так это же враги народа. Нам кажется, что радость от переживания смысла не входит в человеческую природу. Более того, смысл по своей сути трагичен. Что такое смысл в логической семантике Фреге? Это способ реализации денотата в знаке, то, чем «морда» отличается от «лица» (пример из книги Степанов 1972). Вспомним диалог Ивана Бездомного с Мастером в сумасшедшем доме:

— Да... — тут гость вдруг встревожился, — но вы, надеюсь, не буйный? А то я, знаете ли, не выношу шума, возни, насилий и всяких вещей в этом роде. В особенности ненавистен мне людской крик, будь то крик страдания, ярости или иной какой-нибудь крик. Успокойте меня, скажите, вы не буйный?

— Вчера в ресторане я одному типу по морде засветил, — мужественно признался преображенный поэт.

— Основание? — строго спросил гость.

— Да, признаться, без основания, — сконфузившись, ответил Иван.

— Безобразие, — осудил гость Ивана и добавил: — А кроме того, что это вы так выражаетесь: по морде засветил? Ведь неизвестно, что именно имеется у человека, морда или

лицо. И, пожалуй, ведь все-таки лицо. Так что, знаете, это вы оставьте навсегда.

Иван находился в состоянии шизофренической интоксикации, острого подлинного бреда. Мастер, уже основательно подлеченный, находится в состоянии вторичного согласованного бреда. Мир обезумевшего Ивана трагичен, потому что он окружен не целостными смыслами, а их осколками, бионовскими «странными объектами». А что такое целостные смыслы? По правде говоря, они нам недоступны. Мы за них принимаем ортопедические осколки лакановской стадии зеркала. Неужели нет никакого способа сохранить целостность смыслов? Есть. Но это очень тяжелый и кропотливый труд метанойи, жизни против жизни, предложенный Гурджиевым, П. Д. Успенским и Морисом Николлом. Смысл здесь приобретает целостность не вопреки, а благодаря своей изначальной раздробленности. Лицо одновременно осмысляется и как «морда», и как «лик». Этого можно добиться лишь при помощи особого рода медитации — самовоспоминания. Но на это способны лишь избранные люди. Мы же вернемся к депрессии.

7.

Смысл целостен, только когда он утрачен — в этом зерно идеи депрессивной позиции Мелани Кляйн. Почему утраченный объект представляется ребенку целостным, а наличный объект — осколочным? Мама обрела статус целостного объекта и тут же ушла, исчезла. Я думаю, потому, что целостная мама ребенку не нужна. Что целостный объект человеку не нужен. Ведь есть язык, который развивается как раз на депрессивной позиции, чтобы можно было эти объекты хранить в памяти. Когда все нужное рядом, язык вроде бы и не к чему. «Принеси мне пять красных кирпичей!». А где они эти кирпичи? И вот почему Витгенштейн критиковал фразу Мура «Я знаю, что это дерево!» Знаешь, ну и молчи. Говорят, когда чего-то не знают. Таким образом, можно сказать, что депрессивная позиция нужна для усвоения языка. Чтобы младенец мог со всей горечью, на которую он способен, позвать: «Мама!». Утраченный объект очищен от коннотаций.

Он лик — морда — лицо в одном лице. Когда он говорит «мама», когда он осмысливает денотат «мама», этого денотата уже нет. В этом принципиальное отличие депрессивной позиции от депрессии. При депрессии, наоборот, остается денотат, а смысл уходит, и говорить становится не о чем. «Идет дождь, светит солнце, но мне до этого нет никакого дела». Почему целостность и осмысленность исключают друг друга? Это очень просто. Смысл как реализация значения в знаке, отражает лишь какую-то его сторону. Нельзя знать все семантические вхождения объекта. На этом строится эпистемический сюжет. Он не знает, что «мать Эдипа» и «жена Эдипа» это одно и то же лицо — царица Иокаста. Что мы можем знать о других людях, когда мы о себе мало что знаем. Всеведение обеспечивается вхождением во все параллельные миры. Депрессивная психика отгорожено от них отсутствием выхода в бессознательное. Депрессивный человек «не умеет мечтать» (по выражению Биона), то есть онтологизировать возможные миры. Язык делит смыслы, а не объединяет. Вероятно, именно поэтому, как говорит Витгенштейн, человек, которому после долгих исканий стал ясен смысл жизни, все же не может сказать, в чем этот смысл состоит. Таким интегрированным языком может быть язык Священного Писания или зашифрованный финал Девятой симфонии Бетховена или «Хорошо темперированного клавира». Тот, кто знает тайну, не может рассказать о ней словами. Тайне можно только обучиться. Почему наш разговор о депрессии все время склоняется к учению Гурджиева? Потому что депрессия сродни инициации (подробно об этом см. в нашей книге Руднев 2002). Так же как и при инициации человек при депрессии претерпевает символическую смерть. Это похоже на культуру умирающего и воскресающего бога. Депрессий не бывает у людей, которым нечего сказать. Но на самом деле за человека все решено заранее. Парадокс механизмов жизни состоит в том, что жизнь predetermined, и человек вообще может ничего не делать сознательно. Если он пытается обмануть судьбу, это тоже входит в структуру predeterminedности. Вернемся к проблеме означающего, к проблеме поэтической функции, сущностью которой Р. О. Якобсон в указанной статье называет повторение. Гораздо более тонко ее определил Ю. М. Лотман, который говорит, что

это сходство в поисках различия и различие в поисках сходства (Лотман 1972). Мы должны помнить, что для того чтобы язык функционировал нормально, должна быть осуществлена связь с бессознательным. Как это связь осуществляется и почему она утрачивается при депрессии?

8.

Есть, по-видимому, две функции. Одна из них обеспечивает путь от психики к коллективному бессознательному. Ее мы называем означающим или поэтической функцией. Но есть другая функция, обеспечивающая путь от психики к внешнему миру. Ее мы в терминах книги (Руднев 2017) будем называть нарративной функцией. Обе эти функции поражаются при депрессивном расстройстве. Поэтическая функция говорит: послушай, как красиво! Нарративная функция говорит: послушай, как интересно! Суть депрессии в том, что ничего не кажется ей красивым и интересным. Эти провода у нее обрезаны. Депрессивный замкнут на себе и своих горьких переживаниях. Если бы путь к внешнему миру был у него не закрыт, то это был бы органик с редуцированной поэтической функцией, потребитель внешней массовой культуры, наррации, которая рассказывает ему о том, чего не бывает в бессознательном. Такой человек занят внешним денотативным миром. Он строит дома, строгают полено. Пьет пиво, смотрит телевизор, спит с женой. Иногда он совершает преступления, так как внешний мир его не удовлетворяет. В отличие от депрессивного, основным механизмом защиты которого является интроекция, защитным механизмом органика является отыгрывание во вне (acting out). Органики очень опасны, они похожи на животных, у которых нет бессознательного. Для органика невозможна метанойя. Парадокс состоит в том, что органиков в обществе большинство, и одухотворенные шизоиды работают на них, создавая айфоны и айпады, чтобы тем было «слаще есть и мягче спать» (Л. Толстой), и органики в конце-концов уничтожат шизоидов. Почему же путь к нарративной функции обычно депрессивному заказан, в то время как для органика он не поврежден (если у него нет депрессии). Почему депрессивному неинтересно слушать истории про реальность? В свое время Виктор

Шкловский в книге «О теории прозы» показал, что сюжет и стиль суть разновидности одного и того же явления: стиль это свернутый сюжет, а сюжет это развернутый стиль (Шкловский 1925). Можно сказать, что бессознательное это стиль (смысл), в котором свернут сюжет (наррация) реальности. Если нет стиля, то нет и сюжета. Если нет бессознательного, то нет и реальности. Реальность потому не интересует депрессивного, что реальность не бывает бессмысленной. Что такое дом? Просто дом. Это ничто, если он ничего не напоминает коннотативно. Слово ничего не значит в отрыве от предложения (ранний Витгенштейн) или языковой игры (поздний Витгенштейн). Дом это обязательно какой-то дом, чей-то дом, дом скорби, дом печати (или дом печали, как называли рижский Дом Печати журналисты), дом скорби, желтый дом, веселый дом. И эта закономерность относится к любому слову любого языка. Не бывает просто бессознательного. Оно либо коллективное, либо индивидуальное, либо бедное, либо богатое. Не бывает просто депрессии. И так далее. Не бывает так, что человек говорит: «А ну-ка загляну я к своему бессознательному, посмотрю, что там творится!» Вместо этого он видит какой-то сон или допускает опечатку. Было бы неверно думать, что смысл, хранилищем которого является бессознательное, это некая субстанция. Смысл — это отношение. Именно так я понимаю высказывание Лакана о том, что бессознательное структурировано как язык. Именно язык — система отношений, а не речь. Речь это развернутое бессознательное. Речь — это реальность. Депрессивный понимает, что такое реальность, но она ему не интересна, то есть он понимает ее не в духе нарративной онтологии (Руднев 2017), а в духе диамата: вот это стул — на нем сидят, вот это стол — за ним едят. Но вслед за Блейлером я должен сказать, что там, где слишком много реальности, ищи галлюцинации. Советская власть была страной реальности — за формализм жестоко карали. В то же время это была страна-галлюцинация, огромная потемкинская деревня. Это была паранойяльная страна. В отличие от параноидной шизофрении при паранойе много смыслов, но один сигнификат. Например, при паранойе ревности таким сигнификатом является измена жены. В сталинскую эпоху таким сигнификатом был сам Сталин. Он был олицетворением сердце-

вины коллективного бессознательного своей страны — ее Самостью. При сталинизме депрессии были, видимо, запрещены. Как у кого было тоскливое недовольное лицо, его сразу хватали. При Брежневе запрещена была шизофрения — всех подряд сажали в психушку. При Путине в моду на короткое время вошла истерия в виде протестных движений. Но так как на нее почти никто не обращал внимания, она быстро прошла. Истерия требует к себе интереса!

Глава восьмая

СОЗНАНИЕ И ПРЕДОПРЕДЕЛЕННОСТЬ

1.

Почему я считаю, что сознания не существует, что это иллюзия? Люди полагают, что они осознают что-то, но они заблуждаются. Что значит осознавать? Это значит сделать фактом своего сознания. Но что такое сознание? Это, как показал М. Б. Менский в книге «Сознание и квантовая физика», шоры, которые мы надеваем себе на глаза, чтобы не видеть того, что мы существуем одновременно в параллельных мирах. Что бы случилось, если бы эти шоры сняли? Обнажилось бы бессознательное, сначала индивидуальное, потом коллективное. Их диалог лишен временной последовательности. Но это подлинный диалог. В книге «Логика бреда» мы разграничили бред подлинный и согласованный. Согласованный бред это тот диалог, который якобы ведет наше сознание с внешней реальностью. Подлинный бред это диалог, который ведет индивидуальное бессознательное с коллективным. И то и другое — бред, но согласованный бред притворяется членораздельной, *сознательной* мыслью, подлинный бред ничем не притворяется, для него не нужен внешний мир, внешняя реальность. Вернее, ему не нужен тот единственный мир, та единственная реальность, которую мы в состоянии согласованного бреда считаем действительной, существующей на самом деле. Для подлинного бреда существует бесконечное множество действительных архетипических миров. Как это можно себе представить? Допустим, я читаю два стихотворения. Одно —

плохое, безвкусное, другое хорошее, даже гениальное. Плохое безвкусное стихотворение это «Я помню чудное мгновенье...». Гениальное стихотворение это «Я вас любил. Любовь еще, быть может...». Первое стихотворение плохо тем, что оно правильное, то есть неискреннее. За ним стоит непристойная фраза «Вчера с Божьей помощью выеб Керн». Стихотворение «Я вас любил» гениально тем, что оно неправильно. Как показал Р. О. Якобсон, оно все построено на сопоставлении грамматических категорий. «Я помню чудное мгновенье...» это стихотворение сознания. «Я вас любил» это поэзия бессознательного. Это стихотворение — подлинный бред, диалог индивидуального бессознательного с коллективным. «Я помню чудное мгновенье» — это согласованный бред. Поэтому оно ничего не стоит, оно насквозь фальшиво. Как будто его написал не Пушкин, а какой-нибудь Бенедиктов. Такие случаи бывают с большими поэтами. Выходит, сознание все-таки есть, просто это что-то очень плохое. Нет, нам только кажется, что оно есть. Потому что нам хочется жить в мнимом фальшивом мире «Я помню чудное мгновенье». Потому что жить в мире «Я вас любил», в подлинном мире любви, трудно и страшно. Почему страшно? В этом мире человек не защищен ложной шкурой своего «сознания». Можно этого человека назвать сумасшедшим, шизофреником. Но это настоящий человек в отличие человека «Я помню чудное мгновение», который «вчера с Божьей помощью выеб Керн». Это ложный, несуществующий человек, каких в этом мире, к сожалению, большинство. С шорами сознания на глазах, которые он боится снять, более того, он не знает, что они на него надеты. Он думает, что он таким родился. Но он в этом заблуждается. Таким его сделали родители. Если говорить в терминах Гурджиева, они его сущность заменили ему на личность. Обладая шорами сознания, очень хорошо делать карьеру. Но подлинную культуру создают люди, напроочь лишенные этих шор. Кафка, Пруст, Антонен Арто, Делёз, Лев Толстой, Катулл, Ньютон, Лейбниц, Гурджиев. Все они работали с множествами действительных миров. Благодаря им мы узнали, что существуют эти проклятые шоры, без которых, как нам кажется, мы не можем обходиться. Современная наука и техника достигла огромных успехов. Мы окружены смартфона-

ми и интернетами. Но все это, как говорил Толстой, нужно лишь для того, «чтобы слаще есть и мягче спать». Сознание, вернее, его иллюзию необходимо победить. Но как это сделать? Нужно жить против жизни. Это означает жить в режиме накопления информации и исчерпания энтропии. Информация накапливается бессознательно. Энтропия увеличивается при помощи сознания. Каким же образом? Это не так просто объяснить. В каждом человеке есть шизо-, которое согласно гипотезе Тимоти Кроу и делает человека человеком. Шизо- формирует бессознательное как индивидуальное, так и коллективное. Иллюзия сознания возникает у «правильных людей», которые не доверяют своему бессознательному, которые днем пишут «Я помню чудное мгновенье», чтобы ночью со спокойной совестью выебать Керн. Для этого шизо- не требуется. Люди, предпочитающие жить в мире «Я вас любил. Любовь еще, быть может», сами того не замечая, живут против жизни. Они накапливают информацию и исчерпывают энтропию. Но есть люди, которые напрочь лишены шизо- и не пишут никаких стихотворений. Это органики. К сожалению, таких людей в мире становится все больше и больше. Именно они могут в недалеком будущем погубить созданную тысячелетиями человеческую культуру. Причем для этого не потребуется ни атомная бомба, ни третья мировая война. Просто человечество путем обратной мутации лишится своего шизо- и превратится в огромное стадо животных. Вот почему так важно для тех, кто на это способен, жить против жизни, расширяя сферу коллективного бессознательного новыми архетипами.

2.

Когда у меня спрашивают: «Но ведь у тебя *есть* сознание? Ты же не будешь этого отрицать?», я отвечаю: «Сознание чего?» Надо *что-то* осознавать. Например, осознаю ли я, что меня зовут Вадим Руднев. А что это значит? Например, если я иду по улице и слышу «Вадим!» или «Руднев», я невольно поверну голову. Но я это сделаю бессознательно. Ну, хорошо, скажут, у тебя в паспорте записаны твоё имя и фамилия. Ты это осознаёшь? Да, там действительно написаны мои имя и фамилия, но многие люди

живут по подложным паспортам, так что это ничего не доказывает. И вообще, что значит осознавать? Мы как будто представляем себе два резервуара, один темный другой — светлый, прозрачный. Темный мы называем бессознательным, а прозрачный — сознанием. И сознавать значит переливать какую-то жидкость из темного сосуда в прозрачный. Фрейд сказал, что в темном сосуде хранятся «плохие конstellляции». Когда мы производим процесс обратный осознанию, то Фрейд говорит, что происходит вытеснение плохих конstellляций в бессознательное. Но так было бы, если бы все были истериками. Но это не так. Именно на этом, по-видимому, окончательно разошлись Фрейд и Юнг. Фрейд был человеком викторианской эпохи, считавшей, что все постыдное надо прятать в темный резервуар, а это был в первую очередь секс. Юнг же был человеком XX века, человеком сексуальной революции (вспомним историю с Сабиной Шпильрейн). Он считал, что дело не в сексе, что Фрейд преувеличивает. И что наряду с малым темным резервуаром, наполненным всякими ментальными нечистотами, которые у каждого свои, существует еще огромный, на всю Вселенную резервуар, где хранятся символы и архетипы. И этот огромный резервуар, который он назвал коллективным бессознательным, является общим для всех людей. Сознание это всего шоры, которые материальная культура надевает на глаза человеку, чтобы Вадим Руднев, не дай Бог, не перепутал себя с Ефимом Кургановым. Шоры эти, по М. Б. Менскому, снимаются во сне, при медитации и приеме психоактивных веществ (Менский 2011) (от себя добавим еще безумие, острый галлюцинаторный бред). Во сне Вадим Руднев может стать Ефимом Кургановым или кем угодно еще, хоть королевой английской. Но если бы люди жили во сне, они бы не построили дома, каналы, водопровод, телефон, айфон и телевизор. Так бы и жили в пещерах, и никто бы не знал, кто он такой. А так оно, по всей видимости, и было. Прогресс и эволюция — как много фальшивого в этих словах. Лучше бы я жил в пещере и был бы одновременно Ефимом Кургановым и Норой Букс, но не существовало бы мировых войн, холокоста, геноцида и терроризма. А все это построено на сознании. Но есть духовная культура, которая живет против сознания. Приведу такой пример из «Онегина» (Глава третья):

IX

Теперь с каким она вниманьем
Читает сладостный роман,
С каким живым очарованьем
Пьет обольстительный обман!
Счастливой силою мечтанья
Одушевленные созданья,
Любовник Юлии Вольмар,
Малек-Адель и де Линар,
И Вертер, мученик мятежный,
И бесподобный Грандисон,
Который нам наводит сон,—
Все для мечтательницы нежной
В единый образ облеклись,
В одном Онегине слились.

X

Воображаясь героиней
Своих возлюбленных творцов,
Кларисой, Юлией, Дельфиной,
Татьяна в тишине лесов
Одна с опасной книгой бродит,
Она в ней ищет и находит
Свой тайный жар, свои мечты,
Плоды сердечной полноты,
Вздыхает и, себе присвоя
Чужой восторг, чужую грусть,
В забвенье шепчет наизусть
Письмо для милого героя...
Но наш герой, кто б ни был он,
Уж верно был не Грандисон.

Почему Пушкин назвал сентиментальный роман опасной книгой? Потому что, прочитав эти книги, Татьяна влюбилась в совершенно неподходящего ей человека, который мог бы соблазнить ее и бросить. Славой Жижек как-то сказал, что кино рождает желание. Это же можно отнести к любому искусству. И вот это уже бессознательное. Начитавшись романов, Татьяна

перестает быть собой и путем неудачной проективной идентификации навязывает Онегину роль добродетельного героя. Письмо Татьяны Онегину написано неизвестно кем неизвестно кому.

3.

Конечно, никаких резервуаров, наполненных смыслами, не существует. Бессознательное это абстрактная система отношений, как уже говорилось выше. Я повторяю, что такое смысл по Фреге: это способ реализации значения в знаке. То, чем морда отличается от лица. Смысл — это некий зазор, нехватка, если воспользоваться любимым выражением Лакана. А сознание, как писал Фрейд, это просто восприятие реальности. Чтобы показать, что сознание в психике человека играет жалкую роль, надо изменить онтологию. Один знакомый прочитал как-то мой текст по философии реальности и сказал мне: «Вы все время разрыхляете реальность, а она и так зыбка. На что же мы будем опираться?» Это суждение, что опираться можно на что-то зыбкое, меня поразило. Опирается можно только на что-то крепкое — на дух. Гегель сказал: «Дух есть кость». То есть нечто лежащее в основе, остов. Поэтому христианские мученики легко умирали под пытками. Они не верили в реальность, они верили в дух, который пытать нельзя. Как же быть с реальностью, чтобы она знала свое место, а также место, отведенное ей сознанию? Реальность можно нарративизировать, как мы это сделали в книге (Руднев 2017). Наррация родилась из мифа (О. М. Фрейденберг), где не было противопоставления реальности и духа. Как мы воспринимаем художественную нарратацию? Например, роман «Три мушкетера». Там рассказывается о внешних событиях и возможных мирах. Сознание не может воспринимать возможные миры. Оно не умеет мечтать. Чтобы воспринимать вымысел адекватно, нужно воспринимать героев так, как будто это живые люди, отождествляться с положительными персонажами и ненавидеть отрицательных. Это все делает бессознательное, которое не разграничивает вымысел и реальность. Сознание может воспринять только бытовую нарратацию. — Я пошел за хлебом. — Ну, иди-иди. Но здесь возникает наш старый парадокс. Если мы будем воспринимать эту нарратацию референсативно, то это будет депрессивное восприятие. Но депрессив-

ному наплевать и на реальность, и на наррацию. Если вообще возникает вопрос, какой смысл стоит за высказыванием «Я пошел за хлебом», то сразу возникает бессознательный принцип свободных ассоциаций, означающее влечет за собой другое означающее. — Я пошел за хлебом. — Ну и что ты этим хочешь сказать?

4.

Есть такие знаковые системы, которые, используя сознание, просто не понять. Например, это инструментальная музыка. Один мой ученик как-то заявил мне, что в инструментальной музыке вообще нет наррации. Да, действительно, если наррацию понимать как повествование о вещах и событиях, то в инструментальной музыке нет ни вещей, ни событий. Она рассказывает о самой себе при помощи мотивов (в смысле статьи Гаспаров 1978), то есть таких элементов музыкального текста, которые, повторяясь, варьируют (что напоминает лотмановское определение поэтической функции как нахождения сходства в различном и различия в сходном; конечно, Ю. М. Лотман сильно повлиял на Б. М. Гаспарова, ведь они довольно долго работали бок о бок, пока Гаспаров не уехал в Америку). Мотивы чисто коннотативны. В инструментальной музыке нельзя выразить смысл «Я пошел за хлебом», но каким-то образом можно выразить любовь, гнев, ненависть, тоску, печаль и другие эмоции. Музыка может выразить жизнь и смерть, а это главная оппозиция в культуре. Здесь все строится на сочетании основных параметров: быстрого и медленного, громкого и тихого, отрывистого и плавного, низкого и высокого. В музыке мы имеем означающие, у которых есть только коннотации. Так низкая медленная музыка может ассоциироваться со смертью, а высокая и быстрая — с жизнью. Но дело обстоит не так, что низкая и медленная музыка *обозначает* смерть, а высокая и быстрая — жизнь. Денотативное сознание не может воспринимать музыку, ее может воспринимать только коннотативное бессознательное. Сознание вообще не может воспринимать временную симультанность, а бессознательное может. Музыка, возникшая из мифа, симультанна (говоря о мифологической партитуре, очень точно музыку и миф

сравнивал Клод Леви-Строс в главе «Структура мифа» его книги Леви-Строс 1983). Итак, в инструментальной музыке есть только коннотация. В наиболее абстрактной серийной музыке одна из серий выступает в качестве исходного мотива. В этом смысле серийная инструментальная музыка очень проста. В принципе можно сочинить серийную музыку на основе предложения «Я пошел за хлебом», где в качестве вариантов исходной серии будут выступать предложения «Пошел я за хлебом», «За хлебом пошел я», «Я за хлебом пошел». В этом случае можно было бы как будто сказать, что исходная серия выступает как глубинная структура, а ее трансформы — как поверхностные структуры. Мальчик ест мороженое. Мальчик не ест мороженое. Мороженое съедено мальчиком. И так далее. Когда мы спрашиваем: «Что ты хотел этим сказать?» — мы как будто ищем глубинную структуру. Нет! Генеративизм применительно к психоанализу невозможен. Ответов может быть множество, и они не сводимы к одному инварианту. Все скользит по свободным ассоциациям. Правда, психоанализ в начале своего развития еще искал глубинную структуру — симптом.

Это иногда получалось в лечении легких истерических расстройств. И пациент действительно «выздоровливал». Но очень скоро Фрейд понял, что дело не в выздоровлении (иначе он не публиковал бы неудачных больших анализов), что пациент в принципе не может выздороветь, и психоанализ это познание себя, а не медицинская техника (поэтому он поощрял непрофессиональных «диких» психоаналитиков). Почему же нельзя вылечить от психического расстройства? Потому что оно заложено в психической структуре *homo sapiens*. Еще задолго до Тимоти Кроу об этом писал Бион в статье «Психотическая и непсихотическая часть личности». Психотическая часть заложена в структуре человеческой личности, а не привносится извне. Возвращаясь к инструментальной музыке, можно сказать, что, да, она воспринимается бессознательно. Но сколько нужно сознательных усилий, чтобы создать музыкальные инструменты! На это можно ответить, что у человека есть изначальный бессознательный музыкальный инструмент — его голос.

5

При переходе из депрессии в гипоманию у пациента могут наблюдаться так называемые идеи отношения. Например, одному пациенту казалось, что его научный руководитель злобно не отвечает на его мобильные телефонные звонки. Когда научный руководитель перезвонил, студент ехал в метро и не слышал звонка. Он стал перезванивать, но в этот день им так и не удалось созвониться. И студент остался при своей паранойяльно-подобной идее, что научный руководитель от него «бежит». Что такое сверхценная идея отношения, зерно паранойяльного развития, с нашей точки зрения? При паранойе акцентируется одно значение при множестве означающих. Но почему идеи отношения могут возникать при переходе из депрессии в гипоманию? Во время депрессии пациент, как правило, никому не звонит и не пишет. Его контакты с миром сокращены до минимума. Когда его настигает гипомания, а это субъективно часто возникает внезапно, человек мгновенно расширяет свой круг общения. Он начинает звонить и писать знакомым и друзьям, с которыми давно не общался. Он получает или не получает от них ответы. И вот здесь может возникнуть сверхценная идея отношения. В чем ее суть? Заостряется значимость того или иного дела. Например, написания курсовой работы. При этом, если в депрессии пациент кажется себе плохим, никуда не годным, жалким, бездарным, то при переходе в гипоманию его самооценка резко возрастает. И он недоумевает, как, к примеру, научный руководитель не может уделить времени его талантливой курсовой работе. Ему не приходит в голову, что у того, может быть и без того дел по горло. Конечно, идея отношения является бессознательной, хотя субъект полагает, что она сознательна. Параноики отличаются тем от других людей с расстройством психики, что внешне они могут рассуждать очень здраво. «Если он мне не звонит, значит, он не хочет со мной общаться. Значит, он завидует мне, что я более талантлив, что он сам. Ну, что же, попробуем воздействовать на него через декана». Гипоманиак-параноик, не знающий ни в чем меры, может действительно пойти к декану и изложить ему свои претензии. Более того, декан у которого может быть зуб на этого преподавателя, еще чего доброго в самом

деле вызовет его и отчитает. Подчеркнем, что сознательными в этой истории персонажи кажутся только на первый взгляд. За ними стоят бессознательные мотивы и побуждения. Когда человек искренне говорит себе: «Какой же я дурак!», он все равно бессознательно хочет, чтобы суперэго его похвалило. Хотя бы за искренность. При идеях отношения из всех вариантов означающих выбирается наименее вероятный с объективной точки зрения и наиболее вероятный с точки зрения субъекта. Но что такое объективная точка зрения? Я не знаю этого. Люди говорят то, чего не думают, или не то, что хотят сказать, не потому что они плохие. Например, они могут сказать собеседнику неправду, чтобы не обидеть его. Но этим они его бессознательно унижают. Идеи отношения настолько распространены в обыденном общении, что их нельзя считать патологическими. Здесь в наших рассуждениях появляется некая фундаментальная нестыковка. С одной стороны, мы говорим, что в легкой истерии и в идеях отношения нет ничего патологического. Антипсихиатры наиболее радикального толка (Томас Сас) вообще заявляли, что душевная болезнь это миф. С другой стороны, мы всегда уверяли, опираясь на Ницше, Ганнушкина, Лакана и Кроу, что человек это больное животное, *homo schyzofrenicus*. Имеем ли мы здесь столкновение двух противоположных подходов к человеку, или дело в чем-то ином? Мне кажется, что дело в чем-то ином. Рональд Лейнг в книге «Расколотовое Я», с подзаголовком «Антипсихиатрия», тем не менее, рассматривает шизоидов и шизофренков как больных. Здесь дело не в онтологии, а в прагматике, в протесте против «психиатрической власти» (Фуко). Врачи и больные — братья по разуму, и к ним надо относиться как к равным. Но бессознательно мы относимся к душевнобольным как к опасным и неприятным существам, которых надо изолировать — в этом полемическое зерно книги Фуко «История безумия в классическую эпоху». И сознательные лозунги антипсихиатров в конечном итоге ни к чему не привели. Совместное проживание больных и врачей в целом было неуспешным. А Томас Сас в книге «Миф душевной болезни» рассматривает только истерию, которая всегда была где-то рядом с симуляцией. Обратимся к наиболее глубокому мыслителю Уилфреду Биону. В статье «Отличие психотической личности от непсихотической» он пишет:

Мне не кажется (по крайней мере в отношении тех пациентов, которые встречаются в аналитической практике), что Эго совершенно отходит от реальности. Я бы сказал, что контакт с реальностью маскируется преобладающей (в мыслях и поведении пациентов) всемогущественной фантазией, которая стремится разрушить либо реальность, либо стремление ее понять. *В результате этого возникает состояние, которое не является ни жизнью, ни смертью.* Поскольку контакт с реальностью никогда не теряется полностью, явления, которые мы привыкли связывать с невротами, никуда не исчезают, но лишь усложняют анализ, возникая попутно с психотическим материалом при достижении некоторого прогресса. Поскольку Эго сохраняет контакт с реальностью, можно говорить о существовании параллелей между психотической и не-психотической личностями (Бион 2008 <1957>: 101) (курсив мой. — В. Р.).

Формулировка, возможная только у Биона, — психоз не является ни жизнью, ни смертью. В другом месте он пишет, что психотик не может ни заснуть, ни проснуться. Как можно представить себе ни жизнь, ни смерть, ни сон, ни бодрствование? Мне кажется, это аналогично описанному М. Б. Менским явлению, когда шоры сознания снимаются с психики человека, и он оказывается в параллельных мирах. Менский не разбирался в психопатологии, поэтому он не принял во внимание состояние шизофренического психоза. Между тем, очевидно, что это так. Что же из этого следует? Здесь, как мне кажется важно применение концепта проективной идентификации, придуманного Мелани Кляйн и развитого Бионом. Как мы показали (Руднев 2012), проективная идентификация является универсальным механизмом коммуникации, прямо следующим из принципа означающее ведет за собой другое означающее. При проективной идентификации (понятой предельно широко), суть которой состоит в том, что человек рассчитывает, что его собеседник будет вести себя так, как этому человеку хочется, часто бывает неудача: мы не можем добиться от собеседника, того, чего мы от него хотим. Это возможно, да и то не всегда, при общении младенца с матерью. Мы, конечно, братья по разуму. Но братья часто враждуют между со-

бой. Сказал брат брату: «Это моё, и то моё же». И начали князя про малое говорить: «Это великое» — и сами на себя крамолу ковать. А поганые со всех сторон приходили с победами на землю русскую.

6.

Бион разделял нормальную и патологическую проективную идентификацию. При патологической человек хочет полностью подчинить себе собеседника. Так ребенок на параноидно-шизоидной позиции хочет полностью завладеть грудью матери и разрушить ее. В обыденной жизни такие патологические проективные идентификации господствуют при ссорах, скандалах, драках и убийствах. При нормальной проективной идентификации человек стремится к тому, чтобы собеседник, подчиняясь ему, все же сохранял свою идентичность. Есть университетские преподаватели настолько авторитарные, что полностью подавляют своих студентов. Это проявление патологической проективной идентификации. Таким был Ю. М. Лотман. Другие преподаватели стремятся сохранить идентичность студентов. Это проявление нормальной проективной идентификации. Таким был Б. М. Гаспаров. Но какой бы она ни была, нормальной или патологической, проективная идентификация всегда бессознательна. Преподаватель своим сознанием полагает, что дает студентам определенные знания. Бессознательно лекция это всегда поединок, агон. Профессор хочет утвердить себя перед студентами, во всяком случае, при патологической проективной идентификации. Лекции Ю. М. Лотмана, блистательные по своему размаху, напоминали ризоматическую конструкцию. Он все время перескакивал с одной на другую тему, и всегда казалось, что он не вернется к исходному тезису. Но он всегда возвращался к нему, утверждая себя таким образом над аудиторией. Лекции Б. М. Гаспарова были очень камерны по своему исполнению, но не менее виртуозны. «Фишкой» Гаспарова было то, что он давал студентам думать, как бы размышляя вслух, чего никогда не позволял себе Лотман. Лотман парил в параллельных мирах, его лекции были волшебны, на них ходили студенты и преподаватели с разных факультетов от медицинского до экономиче-

ского. Аудитория Гаспарова была сугубо филологической. Это не значит, что Б. М. был сознательным. У него существовал такой бессознательный прием, что он изысканной жестикуляцией рук повторял то, что проговаривал словами. Лотман был совершенно закрыт от студентов. Как-то я после лекции спросил его, почему Пушкин назвал Онегина «Москвич в гарольдовом плаще», ведь Онегин был петербуржец. Лотман напрягся, надулся и не дал мне никакого вразумительного объяснения. А между тем он был автором замечательной книги комментариев к «Онегину». Гаспаров как будто любил отвечать на вопросы студентов и вообще вел себя безукоризненно. Но однажды я был у него в гостях и рascal комплименты его лекциям, а он ответил, что равнодушен к лекциям и студентам. Оба учителя сильно повлияли на мою собственную манеру чтения лекций. При этом, зная, где у меня Лотман, а где Гаспаров, я никогда не могу определить, где же я сам. Этого отрефлексировать я не могу, потому что это бессознательно. Студенты любят меня перебивать, задавать вопросы посреди лекции и делать довольно длинные высказывания. В Тарту это было совершенно не принято. Но мне это нравится. В этом году я очень часто привожу в лекциях фрагменты из только написанных текстов. При этом я стараюсь полагаться на бессознательное и часто не знаю, что скажу через минуту.

7.

Вчера на лекции как только я начал говорить о расширенной эвереттовской концепции М. Б. Менского, студенты вдруг захохотали. Оказалось, что сидящая прямо напротив меня девушка пишет курсовую работу по его книгам. Меня это чрезвычайно обрадовало: значит, я иду в нужном направлении, если молодые люди этим занимаются. Позавчера в другой группе студентка спросила меня, как я себе представляю жизнь в параллельных мирах: это только мысленный эксперимент, не более того? Я ответил, что нет, для меня это сугубо экзистенциальная проблема — как отказаться от своего сознания? Для этого нужна какая-то невероятных размеров лаборатория... Или парапсихология? — перебила меня студентка. Я согласился: или парапсихология. Интересно, Гурджиев умел отключать сознание и пребы-

вать в параллельных мирах? Наверно, умел. Я думаю, что Иисус Христос умел это делать лучше всех. Иначе бы его не встречали одновременно в разных частях пространства. Тут мне кажется все дело в метанойе, в кропотливом и тяжелом труде на пути к самовоспоминанию. Хотя П. Д. Успенский, во всяком случае, в начале своего пути, не обладал такой внутренней силой, как его учитель, он тоже шел в этом направлении в своих парапсихологических опытах, о которых он рассказывает в книге «Новая модель Вселенной» (намекая, что использовал психоактивные вещества). Еще одна студентка на том же семинаре предложила следующее: не проще ли отказаться от понятия бессознательного, чем от понятия сознания? Тогда я слишком устал, чтобы отвечать на такие каверзные вопросы, сейчас могу сказать следующее. Что будет, если не будет бессознательного? Тогда, очевидно, мы все будем жить не по принципу «означающее влечет за собой другое означающее», а по принципу «Вот это стул — на нем сидят, вот это стол, за ним едят». Пропадут смыслы, которые хранятся в бессознательном. А если пропадут смыслы, то, значит, мы будем жить в состоянии депрессии или на депрессивной позиции. А что значит жить на депрессивной позиции? Это значит жить в дефиците сверхценного объекта. Мама — целостный объект, но она ушла и никогда не вернется. А чего стоит эта целостность, мы уже знаем благодаря «Стадии зеркала» Лакана — это просто ортопедия. Даже если принять примитивную психоаналитическую позицию, в соответствии с которой бессознательное это склад плохих констелляций, то и в этом случае возникнет вопрос, куда девать эти плохие констелляции, если нет больше этого склада. И нам тогда придется вернуться в скучный ньютоновско-евклидовский мир, где нет простора для параллельных миров. Я иногда спрашиваю себя, что если бы в полемике Лейбница с Кларком (который защищал идеи Ньютона) победил Лейбниц. Как бы развивалась культура XVII и XVIII вв., если бы прециозные дамы говорили о семантике возможных миров, а литераторы писали бы романы о машинах времени... *Никогда не следует забывать, что внешней эволюции не существует, есть только внутренняя эволюция человеческого бессознательного, или сознательности, как называл ее Гурджиев.*

8.

Здесь следует поговорить о соотношении предопределенности, сукцессивности и симультанности (отсылаю читателя к своей книге Руднев 2017). Как связана идея предопределения с проблемой бессознательного и сознательного? Как кажется, в сознательном господствует детерминизм, а в бессознательном — индетерминизм. На самом деле все предстоит прямо противоположным образом. Детерминизм, цепочка предопределенности, предполагает сукцессивность. Подлинная предопределенность предполагает симультанность. Как это понять? Для этого надо понять, что мы предполагаем под предопределенностью. В нашем понимании предопределенность это обратная стороны случайности. То, что мы своим поверхностным сознанием принимаем за случайность, в бессознательном предопределено. Ведь что такое бессознательное? В сущности, эта некая *программа*, которая действует симультанно. В бессознательном действует вторая логика И. Матте Бланко, в которой нет законов рефлексивности, двойного отрицания и исключенного третьего (Matte Blanco 1990). В логике бессознательного все равно всему. А что значит все равно всему? Это, в частности, означает, что все находится везде, то есть симультанность. Можно возразить: о какой предопределенности может идти речь, если здесь господствует полная неразбериха, стохастика. Но это не так. Повторяю, бессознательное это очень сложная программа, регулирующая поведение людей. *Полное* бессознательное, синтез индивидуального и коллективного бессознательного, регулирует поведение *всех* людей. Когда мы думаем, что в квантовом мире, который является несомненным аналогом бессознательного, господствует вероятность, мы не учитываем правила Витгенштейна, который, вероятность не закон, и лишь *форма* закона, что мы говорим о вероятности, лишь когда не знаем чего-то наверняка. В квантовом мире бессознательного (а М. Б. Менский считал, что весь классический мир является квантовым) вероятность является лишь поверхностной сознательной точкой зрения на мир. На самом деле каждое движение электрона в суперпозиции является таким же предопределенным, подобно каждому слову в Библии. Чем плохо сознание? Оно дает искаженную картину мироздания. Для чего оно это

делает (ведь сознание тоже предопределено!)? Для того чтобы людям было удобнее жить, чтобы они не сошли с ума. То, что Гурджиев называл *сознательностью*, когда человек понимает всю противоречивость мира, «любит то, что ненавидит, ненавидит то, что любит», на самом деле является высшей формой бессознательного, полным бессознательным. Просто Гурджиев и его ученики очень не любили психоанализ. Итак, каким бы странным, контринтуитивным это ни казалось, движение электрона в суперпозиции (симультанное по самой своей сути) воплощает собой предопределенность.

9.

Но и это еще не все. Вернемся к Лейбницу. Делёз в своих «Лекциях о Лейбнице» 1980 года говорил:

Если вы сказали, в соответствии с принципом достаточного основания, что то, что происходит с каким-то субъектом, и то, что касается его лично, — стало быть, что вы атрибутируете ему как истинное: «иметь голубые глаза», «переходить через Рубикон» и т. д. — принадлежит к понятию субъекта, то есть включено в это понятие субъекта, и вы не можете остановиться, необходимо сказать, что этот субъект содержит в себе весь мир. <...> Лейбниц выражается в такой форме: понятие субъекта выражает тотальность мира. <...> Большая опасность: если каждое индивидуальное понятие, если каждое понятие субъекта выражает тотальность мира, то это значит, что существует лишь один субъект, субъект универсальный, а вы, я, Цезарь — всего лишь видимости этого универсального субъекта. Можно было бы сказать: вот, существует один-единственный субъект, который выражает мир (Делёз 2015: 28–29).

Далее Делёз уточняет:

Поймите, к чему клонит Лейбниц. Он собирается сказать: да-да, каждое индивидуальное понятие выражает тотальность мира, но с определенной точки зрения (Там же: 31).

Далее Делёз цитирует Лейбница:

Всякая индивидуальная субстанция подобна всему миру и подобна зеркалу Бога или всей вселенной, какую каждая субстанция выражает на свой лад: это немного напоминает то, что один и тот же город по-разному предстает в зависимости от разного положения того, кто на него смотрит (Там же: 32).

И Лейбниц говорит:

...вы не слышали бы волну, если бы у вас не было малого бессознательного (sic! Лейбниц употреблял слово «бессознательное». — В. Р.) восприятия шума каждой из капель воды, которые скользят друг по другу и составляют предмет малых восприятий (Там же: 34).

Похоже на то, что Лейбниц здесь предваряет Фрейда, создавая концепцию индивидуального бессознательного.

И далее:

...у мира нет никакого существования помимо точки зрения его выражающей, мир не существует сам по себе (это уже Гейзенберг! — В. Р.). Мир — это только то, что выражают все индивидуальные субстанции вместе, но это выражаемое не существует помимо того, что его выражает. Весь мир содержится в каждом индивидуальном понятии, но он существует лишь в этом включении. Вне этого понятия — существования нет (Там же: 36).

Итак, монада содержит в себе весь мир, но с определенной точки зрения. Иначе говоря, все равно всему, но каждое все же имеет свою особенность. Хочется сказать, что эта особенность и есть сознание. Но не будем торопиться. Важно показать в свете идей Лейбница и концепции параллельных миров, что возможные миры (а Лейбниц был несомненным основателем семантики возможных миров) представляют собой на самом деле действительные миры. Лейбниц очень близко подошел к этой идее, но он жил в XVII веке, а тогда не было квантовой физики. До нее он все-таки не додумался. А Гейзенберг? Что такое вообще возможный мир? Это просто одно направление событий. Лейбниц вводит понятие несовозможности миров. В XX веке это уже не имеет значения. Я в который раз привожу в качестве

примера новеллу Акутагавы «В чаще». Самурая убил разбойник, самурая убила собственная жена, самурай покончил с собой. Дизъюнктивный синтез. Кстати, термин Делёза. С точки зрения Лейбница эти миры несовозможны. С точки зрения XX века они совозможны. Почему? Потому что реальность имеет квантовый характер, и ее элементы находятся в состоянии суперпозиции. Когда же возможные миры превращаются в действительные? Когда несовозможные мира становятся совозможными. Когда мы понимаем их квантовую, то есть бессознательную природу.

10.

В предыдущем фрагменте мы, ссылаясь не Лейбница, сказали, что общее («все равно всему») принадлежит бессознательной логике, а все особенное, с точки зрения которого субъект воспринимает мир, принадлежит сознательной логике. Вспомним также, что бессознательное и симультанное ассоциируется у нас с предопределением, а сознательное и сукцессивное — со случайным. Но случайность лишь обратная сторона предопределенности. Это «принцип предопределенности», который мы выделили в одноименной книге (Руднев 2017). Что это значит в той диалектике общего и особенного в выражении субъектом тотальности мира, о которой пишет Лейбниц? Получается, что особая точка зрения на мир есть подобие случайности. Я случайно встретил в метро знакомого человека. Почему мы говорим, что это обратная сторона предопределенности? Потому что все предопределено и с детерминистской, и с телеологической точек зрения. В какой-то момент по определенной причине мой знакомый вышел из дома. В какой-то момент по какой-то другой причине вышел из дома я. Следствием сложения векторов этих причин была наша встреча в метро. Случайность, или то, что мы называем случайностью, есть сукцессивная сторона предопределенности. Ее симультанной стороной будет телеологическая сторона предопределенности. Зачем этот человек вышел из дома и отправился к метро? Зачем одновременно я пошел к метро? Зачем мы встретились? Открою маленькую тайну. Этот случай не вымышленный. Мы действительно «случайно» встретились с этим человеком в метро в конце февраля 2015 года, и он пред-

ложил мне работу в МГУ. Потом, через некоторое время он привел меня к декану философского факультета, и через полгода я стал там работать. Но является ли случайное («случайное»), сукцессивное проявлением сознательного? Да, пожалуй, если я смотрю на мир с точки зрения его субъективности, то есть сознательно, то я тем самым признаю его сукцессивным. А тот факт, что объект выражает тотальность мира, говорит о бессознательном и предопределенности. Иначе мне придется признать, что я живу в мире вероятности. Почему же как философ я не могу с этим согласиться? Случайная, сознательная, сукцессивная точка зрения на мир это поверхностный взгляд. Предопределенная, бессознательная, симультанная точка зрения на мир это глубинный взгляд. Впрочем, глубинный не означает неискаженный. По-видимому, любой *взгляд*, не может быть не искаженным. Не искажена только кантовская вещь в себе. И не противоречит ли наш приоритет, который мы отдаем целостности, лакановской точке зрения, в соответствии целостность субъекта иллюзорна и ортопедична (подробно см. об этом главу «Осколки» нашей книги Руднев 2017а). Хочется сказать: осколки это царство случайности, а целостность — царство предопределенности. Но Мелани Кляйн показала в своем учении о депрессивной позиции, что целостный объект это всегда утраченный объект, о чем мы уже писали выше. Что же из этого? А то, что, если целостный объект это всегда утраченный объект, это объясняет тот факт, что мы предопределенную целостность склонны воспринимать как случайную осколочность. Вот, собственно, в этом заключается психологическая разгадка того, почему люди даже заведомо предопределенные события склонны воспринимать как случайные.

Глава девятая

АДДИКЦИИ

1.

«**М**ы, оглядываясь, видим лишь руины». Взгляд, конечно, очень варварский, но верный. Почему Бродский назвал этот взгляд варварским? Мы всегда целое ценим больше составляющих его частей. Это взгляд «цивилизованный». Он называется холизм. Мы зависим от целого, от осколков мы не зависим. Поэтому предопределенность и холизм представляются чем-то более респектабельным в отличие от «варварского» представления об осколках и руинах. Вообще жизнь — это система зависимостей.

Традиционно зависимый характер — это оральный характер. Маленький ребенок зависит от материнской груди, поэтому молоко это первофеномен зависимости. Но молоко — это Бог, как сказал мальчик Тедди в одноименном рассказе Сэлинджера. От молока действительно многое зависит в жизни младенца. Но это далеко не все, и это не так хорошо, как может показаться. Например, ясно, что оральная зависимость порождает курение и алкоголизм. Но при этом можно сказать, что человек зависит от всего, с чем он сталкивается в жизни, что жизнь есть агломерат зависимостей, а культура — это система зависимостей. Как перестать зависеть от жизни? Надо жить против жизни. Для того чтобы жить против жизни, надо изменить ум. Как это сделать? Отказаться от привычных зависимостей жизни? Больше всего человек зависит от любви. Но любовь — это то же самое, что Бог. Человек зависит от всего на свете. Если он любит собирать марки,

он зависит от марок если он любит почитать в сортире, значит, он сильнее других зависит от дефекации, так как он восстанавливает то, от чего он избавился при помощи того, что он прочитал (наблюдение Отто Фенихеля). Человек зависит от смерти. Человек зависит от книг, которые он читает не меньше, чем от никотина и алкоголя (подробнее см. Руднев 2015). Как система зависимостей, или аддикций, связана с проблемой предопределения? Одна моя пациентка сильно зависела от музыки. Она слушала классическую музыку с утра до вечера. Особенно это распространялось на какое-то одно произведение в определенный период ее жизни. Она его не могла не послушать хотя один раз в день. Она слушала «Симфонические этюды» для фортепиано Шумана, причем только в исполнении Гилельса. Когда она слушала «Этюды» в исполнении какого-либо другого пианиста, она чувствовала, что они становятся ей чужими, и она вновь слушала Гилельса, и это исполнение было «родным». Можно ли сказать, что ей было предопределено слушать это произведение? В каком-то смысле да, а в каком-то нет. Психологически предопределение связано с психопатологией через бессознательное. В бессознательном как в «бесконечном множестве» хранятся все реальные и мыслимые варианты исполнения всех произведений музыки. Но ведь она выделила лишь одно из них и не могла без него жить. Это произведение было выражением ее тотального взгляда на мир, как сказал бы Лейбниц.

2.

От чего мы *не* зависим? Такого просто нет. Если на уровне бессознательного все равно всему, то все и зависит от всего. А если на сознательном? Я хотел сказать, что я не завишу от негра Анголы и тут же вспомнил детскую повесть «Мы вернемся на Землю». Помню, что у ее автора была фамилия Левинзон. Инициалов не помню. Интересно бы поискать в Интернете. Есть! Гавриил Александрович Левинзон. Даже текст полностью есть. Вот уж от чего мы сейчас зависим, так от Интернета. И, пожалуйста, продолжайте писать это слово с большой буквы! Так вот, там был, видимо, компульсивный мальчик, который, писал стихи, где были слова: «Я виноват перед негром Анголы». Это, конечно, раз-

новидность магической импликации. Впрочем, пропаганда тогда внушала, что мы виноваты перед неграми. Но это в данном случае неважно. Важно другое. А именно то, что мы нащупали связь между аддикцией и компульсией. И из этого надо исходить. Компульсивное расстройство на поверхности самое «сознательное» (педантизм), а на глубине самое бессознательное (магия). Что же из этого следует? Является ли аддикция просто разновидностью ОКРЛ или дело обстоит сложнее? Маленький ребенок зависит от своей мамы. Здесь нет никаких компульсий. Ой ли? В чем выражается зависимость младенца от матери? В компульсивном повторении — сосании груди. Отсюда, очень возможно, происходит такая классическая аддикция, как курение. А что такое компульсивное, *навязчивое* повторение? У Давида Самойлова были знаменитые военные стихи

Перебирая наши даты,
Я обращаюсь к тем ребятам,
Что в сорок первом шли в солдаты
И в гуманисты в сорок пятом.

А гуманизм не просто термин,
К тому же, говорят, абстрактный.
Я обращаюсь вновь к потерям,
Они трудны и невозвратны.

Я вспоминаю Павла, Мишу,
Илью, Бориса, Николая.
Я сам теперь от них завишу,
Того порою не желая.

Они шумели буйным лесом,
В них были вера и доверье.
А их повыбило железом,
И леса нет — одни деревья.

И вроде день у нас погожий,
И вроде ветер тянет к лету...
Аукаемся мы с Сережей,
Но леса нет, и эха нету.

А я все слышу, слышу, слышу,
Их голоса припоминая...

Я говорю про Павла,
Мишу, Илью, Бориса, Николая.

Многие зависимые люди не любят чувствовать себя зависимыми. Похоже, Самойлов был таким (при том, что он был алкоголиком). Иначе как объяснить такое, в общем, абсурдное стихотворение:

Какой могучий ветер
Всю ночь дул от залива!
Деревья на рассвете
Качались боязливо.

Пока еще зависим
От бури и от шторма,
Мне не пишите писем,
Их содержание — вздорно.

Здесь нет никакой логики, если только не шизофреническая. М. Е. Бурно считал Давида Самойлова обладающим «полифоническим характером», или «здоровым шизофреником». В доказательство он приводил такое стихотворение:

И всех, кого любил,
Я разлюбить уже не в силах!
А легкая любовь
Вдруг тяжелеет
И опускается на дно.
И там, на дне души, загустевает,
Как в погребке зарытое вино.
Не смей, не смей из глуби доставать
Все то, что там скопилось и окрепло!
Пусть хранится глухо, немо, слепо,
Пусть!
А если вырвется из склепа,
Я предпочел бы не существовать,
Не быть...

Или в поэме «Старый Дон Жуан»: «Входит череп Командора». Как может входить череп? «Вбегает мертвый господин». Так или иначе, мы, возможно, нащупали, ниточку между аддикцией и шизофренией.

3.

Можно ли сказать, что, если бы все люди были здоровы, они были бы независимы друг от друга? Что такое зависимость? Это когда я не могу жить без кого-то или без чего-то. Маленький ребенок не может жить без матери. Но он может быть психически здоров. Ну как же! А психоанализ? Эдипов комплекс, оральная стадия, анальная стадия, фаллически-нарциссическая. Параноидно-шизоидная позиция, депрессивная позиция, стадия зеркала. На всех этих стадиях и позициях господствует какая-то патология и какая-то зависимость. Но тогда объект нашего исследования расплывается: все зависит от всего. Мы нащупали ниточку между аддикцией и шизофренией, вот и давайте конкретно распутывать ее. Мелани Кляйн считала истоком шизофрении параноидно-шизоидную позицию. Что для нее характерно? Прежде всего, отсутствие целостного образа матери, далее агрессивность по отношению к расчлененным частям образа матери и наконец сильное влечение к смерти.

Пока еще зависим
От бури и от шторма,
Мне не пишите писем,
Их содержание — вздорно.

В огороде бузина, а в Киеве дядька. Для того чтобы имела место зависимость, необходима целостность объекта. При шизофрении такой целостности нет. Выходит, что при шизофрении то как раз аддикция отсутствует. То есть, она, конечно, есть, но не специфичная. Больной зависит от врача, от семьи, от обсуживающего персонала в больнице, от лекарств. Но это бывает при любой болезни. Что же такого имеется при шизофрении или на параноидно-шизоидной позиции, что делает специфичную аддикцию невозможной? Осколки. Мы уже говорили, как важна целостность для зависимости. Почему? Моя знакомая, компульсивная дама, считала, что, если ее любимая чашка разобьется, то она умрет. Вот это та самая компульсивная зависимость от целостности магического объекта. Когда чашка разбилась, и она не умерла, зависимость от осколков чашки была уничтожена, но поскольку эта дама была не шизофреничка, она купила новую

чашку, которая стала вновь ее любимой, и все повторилось. Можно ли сказать, что человек зависит от своей смерти или от своего влечения к смерти? (Самойлов как-то написал: «Смерть — одна ты домоседка со своим веретеном»). В приложении «Эксперимент со смертью» к книге (Руднев 2010) мы показали, что каждое слово языка связано со словом смерть. В книге «Новая модель реальности» я сделал более радикальное предположение, что любая наррация это наррация о смерти, потому что у каждой наррации есть конец. Означает ли это зависимость от смерти? Если есть влечение к смерти, то, значит, есть и зависимость от этого влечения. Но влечение к смерти не специфично для шизофрении. Гораздо более оно специфично для депрессии. А уж депрессивные люди — самые аддиктивные люди на свете.

4.

Таким образом, мы вновь приходим к диалектике целостного, но исчезнувшего объекта. Почему мы зависим от целостного объекта, а не от осколков? Что, в сущности, эти осколки? Это бионовские странные объекты, о которых он отрывочно говорит в ранних статьях и книге «Научение через опыт переживания» (Бион 2009). Осколки образуются в результате проективной идентификации. Когда осколки искусственным образом склеиваются в химеры, как показал Бион в статье «Нападение на связи» (Бион 2009а), человек снова начинает от них зависеть. «Полужуравль и полукот». Это пугает. Так что придется нам скорректировать гипотезу о неспецифической зависимости при шизофрении. В начальной фазе шизофрении, во всяком случае, когда образуются странные объекты, эта зависимость действительно неспецифична. Они пугают, как пугает все неизвестное и непонятное. Что такое странные объекты? Бион не дал их целостной теории. Мы обобщили его взгляды в книге (Руднев 2014а). Для странных объектов характерно, что они являются ни живыми, ни мертвыми, ни спящими, ни бодрствующими, ни одушевленными, ни неодушевленными. Иначе говоря, они не существуют, ни не существуют. В этом смысле странные объекты похожи на элементарные частицы. Витгенштейн в «Трактате» ввел понятие «простой объект» (die Gegenstand). Когда его спрашивали,

чему в реальности соответствует простой объект, он говорил, что в годы создания «Трактата» его это совершенно не интересовало, так как он стоял на логической, а не онтологической точке зрения. Эта позиция «тем хуже для действительности» (якобы, когда Гегеля спросили: «как быть с тем, что некоторые положения его теории не соответствуют действительности» — он ответил: «Тем хуже для действительности!») характеризует шизоидную (именно шизоидную, а не шизофреническую) независимость, или «самособойность», как любит говорить профессор М. Е. Бурно. Что такое шизоид? Это углубленно-замкнутый человек с аутистическим мышлением. Шизоид так же соотносится с шизофренией, как эпилептоид (напряженно-авторитарная личность) с эпилепсией. Итак, именно шизоид, похоже, обладает специфически независимым мышлением. Другое дело, что он может быть зависимым и даже беспомощным в бытовых делах. А что же наше исчезнувшая целостность объекта, от которой так зависят депрессивные люди? Они и зависят от нее не столько потому, что она целостность, сколько потому, что она исчезнувшая. Представьте себе голливудского ребенка, потерявшегося в супермаркете. Когда человек умирает, он испытывает страшную панику. За исключением, конечно, невозмутимых шизоидов-аутистов.

5.

Теперь зададим себе вопрос, как связана с зависимостью проективная идентификация? Самым непосредственным образом. Ребенок зависит от матери, мать — от ребенка. Это самый сильный вид зависимости — взаимная зависимость, или *координация*. Эрнст Мах и Рихард Авенариус, представители так называемого второго позитивизма конца XIX века, разработали учение о принципиальной координации — так они решали «основной вопрос философии»: что первично — материя или сознание. Так вот материя и «сознание» (на самом деле, конечно, бессознательное) связаны отношением проективной идентификации. Само же учение о принципиальной координации устарело в том смысле, что в квантовой физике различие между «материей» и «сознанием» постепенно стало исчезать. Бессознательное это просто наиболее тонкий вид «материи». Так вот проективная идентификация

является универсальным средством общения между людьми, животными, растениями и даже неодушевленными предметами, если следовать Грофу и восточной традиции, на которую он опирается. Но мы опять пришли к необъятному морю, в котором мы утонем: все зависит от всего, потому что на уровне бессознательного все равно всему. Во всяком случае, по Матте Бланко. Давайте проанализируем какую-то конкретную проективную идентификацию и посмотрим, как там обстоит дело с зависимостями. Рассмотрим отношение преподавателя и студента. Студент зависит от преподавателя — это ясно. От того, будет ли студент регулярно ходить на лекции, писать конспекты, сдавать промежуточные зачеты, он получит от преподавателя хорошую или плохую оценку на экзамене. На самом деле преподаватель не меньше зависит от студента, чем студент от преподавателя. Преподаватель может плохо себя чувствовать, читать лекцию халтурно. Студент это сразу заметит, а поскольку студенты, как и дети, жестокие люди, они могут послать ему его проективную идентификацию обратно в виде невнимания или даже презрения. Недавно на лекции я прочитал цитату из Гейзенберга:

Мы с самого начала находимся в средоточии взаимоотношений природы и человека, и естествознание представляет собой только часть этих отношений, так что общепринятое разделение мира на субъект и объект, внутренний мир и внешний, тело и душу больше неприемлемо и приводит к затруднениям. Стало быть, и в естествознании предметом исследования является уже не природа сама по себе, а природа, поскольку она подлежит человеческому вопрошанию, поэтому и здесь человек опять-таки встречается самого себя.

Одна студентка с места воскликнула: «Так это все уже было у Канта!» Поскольку с этой студенткой я дружу, я не стал ее одергивать и спокойно сказал: «Конечно, Гейзенберг — вторичный мыслитель». Студентка эта, таким образом, воспользовалась моим чрезмерным либерализмом, зная, что я непрофессиональный философ. Канта я читал лет 40 назад, и он мне не понравился. Студентка же подробно изучала его в прошлом году. Но эта студентка была добрая, просто не слишком интеллигентная, поэтому ее проективная идентификация не попала в цель. Я почти

не обиделся. Гораздо более вопиющим было то, что после эпизода с Гейзенбергом, я стал говорить о Вольфганге Паули, и другая студентка, моя близкая ученица, стала громко смеяться. Я догадался и спросил ее: «Что, я говорил о Паули на прошлой лекции?» Она сквозь смех кивнула. Но я не жалею, что посадил своих учеников себе на голову. Почему?

6.

Как действует патологическая проективная идентификация, по Бionу? В психике ребенка накапливается негативная информация. По Бionу младенец на параноидно-шизоидной позиции и в психозе ненавидит свою психику, так как она доставляет ему страдания. Поэтому он хочет избавиться от нее. Он перемалывает ее в мелкие осколки или даже «труху» анально-уринального свойства и выбрасывает за пределы своего бессознательного. Но для того чтобы эти странные объекты ужились в его галлюцинаторной реальности, нужен, как говорит Бion, контейнер, который эти странные объекты вберет в себя (или отвергнет!). Этот контейнер для младенца — мать, но не в ее целостном образе, а расщепленная на хорошую и плохую части. Диалектика проективной идентификации, по сути, заключается в том, что младенец еще не знает, какой объект мать (в сущности, грудь) — хороший или плохой. Он все время расщепляет ее: накормила, значит, хорошая; не отзывается на крик, стало быть, плохая. Как себя может повести в этой ситуации мать-контейнер? Если, мама, как говорит Бion, «умеет мечтать», то есть представлять все возможные миры ребенка как действительные параллельные миры (Почему ему плохо? Он голоден? У него болит живот? Он описался? Или поднялась температура? — находясь на параноидно-шизоидной позиции, ребенок еще ничего не может сказать, он только кричит и плачет!), то она сможет принять в свой контейнер его патологическую проективную идентификацию, стать экраном его странных объектов. Что же произошло на описанной в предыдущем параграфе лекции? Я как потенциальный контейнер или мама, умеющая мечтать, должен был догадаться, что случилось с моими студентками. Возможно, моя некомпетентность или слишком либеральное поведение (например, я позволял себе садиться

на стол) вызвали у их психотической части, которая есть у всякого человека, реакцию ненависти к своей психике и заставили их страдать. Тогда-то они поспешили выплеснуть в меня свои странные объекты. То, что их любимый преподаватель не знает Канта или уже старый маразматик, повторяющий одно и то же, не могло не вызвать и них фрустрацию. Я помню, как мы шепотом смеялись над Лотманом, который любил повторять одни и те же примеры: «Вот послушай, сейчас он скажет это, а сейчас он скажет это!» Я считаю, что в описанной ситуации я повел себя как «достаточно хорошая мать» (термин Дональда Винникота, ученика Мелани Кляйн), то есть, с одной стороны, не проигнорировал их фрустрации, а, с другой, не вернул их проективную идентификацию обратно, отвергнув ее, так как детям в этой ситуации становится совсем плохо.

7.

Жизнь это *агломерат* зависимостей, культура это *система* зависимостей. Пожалуй, это самый важный тезис данной главы. Начнем с культуры, поскольку она проще жизни, так как жизнь включает в себя культуру. Почему культура это система, а жизнь это агломерат, свалка механических отходов? Здесь мы используем гурдживианский тезис «жизнь против жизни» (Николл 2009). Что такое жизнь против жизни? Это не просто жизнь в режиме накопления информации против энтропии. Это, как показано в нашей «новой модели реальности», некоторое рождение смыслов на стыке между противоположным движением информации и энтропии на ленте Мёбиуса (Руднев 2016). Надо сказать, что в новой модели реальности практически ничто ни от чего не зависит. Эта некая онтологическая утопия. В этой же книге мы изучаем механизмы жизни, *реальной* жизни. Однако жизнь против жизни это тоже реальная жизнь. Попробуйте себе дать такое задание: хотя бы один день вообще не врать. Это очень трудно, как показала Виктория Токарева в рассказе «День без вранья». День без вранья — реальный элемент жизни против жизни. «Жизнь по жизни», жизнь органика или вруна-истерика, это агломерат зависимостей. И дело не только в том, что органики, как правило алкоголики, а истерики зависят от поощрения. Дело в том, что

жизнь это в целом свалка зависимостей. Это слово употребляли Фрейд и Бодрийяр по отношению к бессознательному. Вот мы и пришли к любимому словечку. Жизнь-бессознательное это агломерат, где все зависит от всего. Но культура это не агломерат, не свалка, в культуре зависимость носит *избирательный* характер. Как любил говорить Лотман, голый человек в бане не равен голому человеку в общественном собрании. В культуре нельзя ставить оглобли впереди лошади. Что я понимаю под избирательностью зависимостей в культуре? Легче всего это показать на примере искусства, например, музыки. Что такое диатоническая система, система мажора и минора? Это такая система, где из 12 тонов темперированного строя выбирается только семь. Это называется тональность. Если музыкальная пьеса написана в тональности до мажор, то там не может появиться звук си минор. В больших музыкальных формах, например, в сонатной, могут иметь место переходы из одной тональности в другую, но мы не будем в это углубляться. Почему подобные зависимости я назвал избирательными? Потому что они складываются в систему. Это разрешено, это нельзя, это должно (система деонтических модальностей). Но разве в жизни нет избирательных зависимостей? Я завишу от дыхания. Я не могу не дышать больше минуты. Я не могу жить без пищи, как говорят, порядка 40 дней. Но могу жить без никотина, как бы мне не было плохо, когда он кончится. А что такое, собственно, жизнь? Это когда включаются проржавевшие механизмы защиты. Вот здесь зависимости перестают быть избирательными. Депрессивный человек будет плакать, пока у него хватит слез. Истерик будет рыдать, пока на него обращают внимание. Но в этом смысле истерическая реакция не психопатология, а просто притворство. И поэтому зависимость здесь будет избирательной. Истерия культурная вещь! Да, очень редко бывает истерическая слепота. Но парадокс состоит в том, что ему или ей только *кажется*, что они не видят. С медицинской точки зрения зрение у них в порядке. Существует и истерическая беременность, которой так напугала Берта Паппенгейм Йозефа Бройера. Но это уж извините... Рассмотрим шизофрению, агломерат поломанных смыслов и проржавевших механизмов защиты. Но здесь мы ничего не докажем. Шизо-

френия это просто вывернутое наизнанку бессознательное, как писал Отто Фенихель, ссылаясь на слова Фрейда. Здесь все а priori зависит от всего. Но наша жизнь, во всяком смысле в путинской России и есть шизофрения. Крым наш, Крым не наш. Концерт Валентины Лисицы в Донецке 22 июня 2015 года. Сама эта безумная бессмысленная война на Украине. Очень хорошо шизофрению чувствовал даже не Александр Введенский, а Хармс. Позволю себе привести мой любимый шизофренический рассказ Хармса и на этом закончу главку.

Одна старуха от чрезмерного любопытства вывалилась из окна, упала и разбилась.

Из окна высунулась другая старуха и стала смотреть вниз на разбившуюся, но от чрезмерного любопытства тоже вывалилась из окна, упала и разбилась.

Потом из окна вывалилась третья старуха, потом четвертая, потом пятая.

Когда вывалилась шестая старуха, мне надоело смотреть на них, и я пошёл на Мальцевский рынок, где, говорят, одному слепому подарили вязаную шаль.

А гениальная повесть «Старуха»...! Нет, батюшка, Родион Романович, тут не Николка, тут дело страшное, фантастическое.

8.

Теперь зададим себе очень сложный вопрос, может быть, самый сложный в этой книге. Вопрос заключается в следующем: «Что такое культура?» У Ю. М. Лотмана было два совершенно различных ответа на этот вопрос. Первый был либеральный, второй тоталитарный. Либеральный звучал так: «Культура — это ненаследственная память человечества.» Тоталитарный звучал так: «Культура — это система норм и запретов.» Либеральное лотмановское определение культуры никогда не вызывало у меня интереса. Тем более, что Юнг определял коллективное бессознательное как генетическую коллективную память. Но в Тарту так ненавидели психоанализ, что, я думаю, Лотман знал Юнга только понаслышке. Можно сказать, что Тартуская школа была школой гениальных невежд. Что касается тоталитарного опре-

деления культуры как системы норм и запретов, то с ним стоит поработать. Что такое запрет, мы все более или менее понимаем. Однако норма — очень расплывчатое понятие. И Лотман, как никто, понимал это. До XX века дуэли среди дворян были скорее нормой. Когда пришел гегемон, то на место дуэли стало убийство. Убийство стало нормой. Определение Ю. М. Лотмана, так или иначе, является слишком жестким. Возможно, потому что сам он жил в тоталитарной стране и даже был членом партии, конечно поневоле (как заведующий кафедрой русской литературы). Жесткость эта заключается в отсутствии третьего медиативного члена — позволено, или разрешено. Может быть, потому что при Советской Власти почти ничего не было позволено и разрешено. Но в любой модальности, начиная с самой древней аристотелевской алетической модальности (необходимо, возможно, невозможно) всегда должно быть три члена. (Роль числа три в культуре показал В. Н. Топоров (см. его статью «Число» во втором томе энциклопедии «Мифы народов мира»)). Всего «нарративных модальностей», как показал Любомир Долежел, четыре (Doležal 1979) — алетические, аксиологические, деонтические и эпистемические. К ним можно добавить еще две: темпоральные и спациальные. Это сложный вопрос. Может быть, мы его коснемся, а, может быть и нет. Первой и главной модальностью в жизни человека является аксиологическая (хорошо, плохо, никак). Это младенческая модальность. Фрейд назвал ее принципом удовольствия. Ее можно считать протокультурной, поскольку она состоит из галлюцинаций и фантазий. Это маниловщина.

Манилов долго стоял на крыльце, провожая глазами удалявшуюся бричку, и когда она уже совершенно стала не видна, он всё еще стоял, куря трубку. Наконец вошел он в комнату, сел на стуле и предался размышлению, душевно радуясь, что доставил гостю своему небольшое удовольствие. Потом мысли его перенеслись незаметно к другим предметам и наконец занеслись бог знает куда. Он думал о благополучии дружеской жизни, о том, как бы хорошо было жить с другом на берегу какой-нибудь реки, потом чрез эту реку начал строиться у него мост, потом огромный дом с таким высоким бельведером, что можно оттуда видеть даже Москву, и там

пить вечером чай на открытом воздухе и рассуждать о каких-нибудь приятных предметах. — Потом, что они вместе с Чичиковым приехали в какое-то общество, в хороших каретах, где обворожают всех приятностию обращения, и что будто бы государь, узнавши о такой их дружбе, пожаловал их генералами, и далее наконец бог знает, что такое, чего уже он и сам никак не мог разобрать.

Итак, для того чтобы возникла культура, необходим деонтический запрет. И запрет этот имеет место в двух-трех годовалом возрасте ребенка. Его налагает отец, или Имя Отца. Запрет этот очень простой и фундаментальный: не какать где попало, как попало и когда попало. Возможно, в этом и состоит ответ на вопрос: «Что такое культура?»

9.

Конечно, нормами и запретами культура не ограничивается. В ней огромную роль играет третья модальность — эпистемофилия, как называл ее Бион. В этом ракурсе мы можем вернуться к либеральному определению Лотманом культуры как к ненаследственной памяти человечества. Здесь, конечно, речь идет о знании. Но все же тезис о ненаследственности вызывает у меня сомнения. Как себе это представлял Ю. М. Лотман? Арина Родионова рассказывает маленькому Пушкину сказки? Но сомнительна и теория Юнга, в соответствии с которой коллективное бессознательное (=культура) вкладывается в человека генетически. И все же понимание Юнгом культуры эвристически интереснее. Конечно, он был мистик и алхимик. *Conjunctio oppositorum* и так далее. По Платону знание это припоминание. Можно вспомнить об этом, погрузившись в психоделические опыты Грофа, когда люди под наркотиками вспоминали свою травму, произошедшую во время Второго Крестового похода. Шарлатанство? Не знаю. В 1992 году книга Грофа «За пределами мозга: Рождение, смерть и трансценденция в психотерапии» произвела на меня большое впечатление. Мы все вышли из гоголевской шинели диалектического материализма. И Лотман был не исключением. Ему бы не понравилась книга «За пределами мозга». А что ему нравилось в конце жизни? А известно что.

Синергетика. Вот! Представление о том, что все пути-дорожки расходятся в разные стороны, то есть подход, противоположный эвереттовскому. Правда, Ю. М. Лотман в конце жизни написал книгу «Внутри мыслящих миров» (вышла посмертно в 1996 году), но там речь идет о семиосфере, которую тоже изобрел, конечно, Лейбниц. Но как же все-таки спасти культуру? Ну, уничтожим мы сознание. А кто будет продолжать делать айфоны и Интернет, без которых мы уже не можем? Превращение возможных миров в действительные обеспечит нас бессознательным знанием, которое будет черпаться прямо из коллективного бессознательного. Поэтому, как мы уже писали выше, надо сделать так, чтобы каждое слово нашего языка стало архетипом бессознательного. Для этого надо вспомнить лакановский закон «означающее влечет за собой другое означающее». Все слова и так архетипы. Их нужно только употреблять соответствующим образом.

10.

Но что значит, что все слова и так архетипы? Что, в сущности, такое архетип? Это нечто архаическое и не принадлежащее одному индивиду, общее для всех народов:

Архетип — класс психических содержаний, события которого не имеют своего источника в отдельном индивиду. Специфика этих содержаний заключается в их принадлежности к типу, несущему в себе свойства всего человечества как некоего целого. Эти типы, или «архаические остатки», Юнг назвал архетипами, используя выражение Блаженного Августина.

Архетипы — непредставимые сами по себе, они проявляются в сознании следствиями самих себя, в качестве архетипических образов и идей. Это коллективные универсальные паттерны (модели), или мотивы, возникающие из коллективного бессознательного и являющиеся основным содержанием религий, мифологий, легенд и сказок. У индивида архетипы появляются в сновидениях и грезах ([https://ru.wikipedia.org/wiki/Архетип_\(психология\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Архетип_(психология))).

Понятно, что архетипом является планета Земля. Но как архетипом может быть шариковая ручка? Ну, во-первых, она фалличе-

ской формы, и, во-вторых, из нее вытекает «семя» (о соотношении чтения/писания и эротически-анального начала очень хорошо написано в книге Фенихель 1994). Ну, хорошо, а как архетипом может быть зубная щетка? Для того чтобы определить это, нужно проделать групповой анализ произвольных ассоциаций. А могут ли быть архетипами служебные слова — предлоги, союзы? Лев Толстой показал это на примере предлога «а», специфического для русского языка в повести «Казачество»:

«Теперь началось», — как будто сказал ему какой-то торжественный голос. И дорога, и вдаль видневшаяся черта Терека, и станицы, и народ — всё это ему казалось теперь уже не шуткой. Взглянет на небо — и вспомнит горы. Взглянет на себя, на Ванюшу — и опять горы.

Вот едут два казака верхом, и ружья в чехлах равномерно поматываются у них за спинами, и лошади их перемешиваются гнедыми и серыми ногами; а горы... За Теремом виден дым в ауле; а горы... Солнце всходит и блещет на виднеющемся из-за камыша Терек; а горы... Из станицы едет арба, женщины ходят красивые, женщины молодые; а горы... Абреки рыскают в степи, и я еду, их не боюсь, у меня ружье, и сила, и молодость; а горы...

Так как же надо обращаться со словами, чтобы они были архетипами, чтобы не впускать в культуру органических психопатов (см. первый фрагмент этой главы)? Прежде всего, они должны быть правдивы. Не истинны, а правдивы. Ср. у Цветаевой:

Ты, меня любивший фальшью
Истины — и правдой лжи,
Ты, меня любивший — дальше
Некуда! — За рубежи!

Ты, меня любивший дольше
Времени. — Десницы взмах! -
Ты меня не любишь больше:
Истина в пяти словах.

Правда — не логическая категория, а этическая. Позволю себе привести фрагмент своей статьи (Руднев 2016а), опубликованной в Сербии. Фрагмент называется «Новый трагизм».

Новый трагизм — это выход из эстетики постмодернизма. Это понятие я ввел в книге «Новая модель времени». На моей памяти о проблеме выхода из постмодернизма впервые заговорил Виктор Мизиано, известный российский музыкальный критик и куратор, главный редактор ХЖ («Художественного журнала»). Он сказал тогда о том, как важно «прямое высказывание».

Что такое не прямое высказывание?

Предположим, А и Б разговаривают о своем общем приятеле В, работающем в банке. А спрашивает, как дела у В на работе, и Б отвечает: «Думаю, более или менее в порядке: ему нравятся сослуживцы, и он еще не попал в тюрьму». Тут А вполне может поинтересоваться, что Б имеет в виду, на что он намекает или даже что значат его слова о том, что В еще не попал в тюрьму; в ответ А может услышать, что В не тот человек, который не способен поддаться искушению своей профессии, или что на самом деле сослуживцы В — люди крайне неприятные и вероломные или что-нибудь еще в том же духе. Конечно, у А может и не возникнуть необходимости обращаться к Б с вопросом — если в данном контексте ответ известен ему заранее. В любом случае мне кажется очевидным следующее: то, что (в рассмотренном примере) Б подразумевал, имел в виду, на что он намекал и т. д., отличается от того, что он сказал — сказано было только то, что В еще не попал в тюрьму (Грайс 1995: 246).

Выход из постмодернизма долг и мучителен, а в каком-то смысле вообще невозможен, так как в определенном смысле постмодернизм это универсальный и атемпоральный тип художественного, научного и философского мышления (а также и бытового и речевого поведения). В этом смысле постмодернистским можно назвать Новый Завет, весь построенный на аллюзиях и реминисценциях, где нет прямых высказываний, все зашифровано либо притчами, либо высказываниями, которые воспринимаются как прямые лишь на профанном уровне, если понимать Новый Завет в духе эзотерического христианства Г. И. Гурджиева и его учеников.

«Прямое высказывание» это когда слышишь слово и понимаешь его значение буквально. И действуешь с этим буквальным

пониманием. Например, когда человек говорит женщине: «Я вас люблю», не отсылая к д'Артаньяну и Констанции Бонасье (пример Умберто Эко из «Заметок на полях “Имени розы”»), но и не так, как говорил Нэш в фильме «Игры разума» первой попавшейся девушке: «Ты мне нравишься, я хочу с тобой спать» (это не прямое, но шизофреническое высказывание — регрессивная синтонность). Типичный пример непрямого постмодернистского приглашения к сексуальным отношениям, это когда говорят «Давай поужинаем вместе».

Но сказать «Я вас люблю» и больше ничего в это высказывание не вкладывать, никаких коннотаций, не так, как миллионы людей уже признавались в любви, и потому по логике постмодернизма делать это в очередной раз бессмысленно (Умберто Эко. «Заметки на полях “Имени розы”»), а так, как будто это делается в первый раз — не «как бы» (постмодернистское выражение), а «на самом деле» (о логике этих двух понятий см. статью «Как бы и на самом деле» в моем «Словаре культуры XX века», любое издание), так, как будто есть если не «истина», а «правда». То есть в русле «нового трагизма» сказавший «я тебя люблю» (и, конечно, я анализирую именно эту фразу неслучайно, т. к. любовь — один из ключевых концептов нового трагизма) должен «отвечать за базар». То есть действительно любить. Любовь — это когда другой человек для тебя важнее, чем ты сам.

А если разлюбил, то так и сказать: «Я тебя больше не люблю». Это жестоко, но гораздо лучше, чем притворяться и обманывать и себя и другого человека.

Еще одно проявление «нового трагизма» — делать все вовремя. Если ты получил длинное электронное послание и должен подумать, что на него ответить, то будь добр сразу же по получении этого послания напиши: «Я получил Ваше письмо, но оно настолько важно и не совсем понятно для меня, что я отвечу на него позже».

Но почему трагизм и почему новый?

Зачем люди мучают друг друга? Как они мучают: человек говорит одно, а подразумевает другое.

— Я тебя люблю.

— А что ты имеешь в виду, что ты этим хотел сказать?

- Просто я тебе люблю.
- А что значит любить? Какова этимология этого слова?
- Да причем здесь этимология?
- Как причем? надо разбираться в том, что говоришь.
- Любовь происходит от слова любой.
- Значит, ты можешь сказать любой, что ты ее любишь?
- Да нет, я люблю *тебя*.
- И скольким женщинам ты это говорил?

Вот так мучают друг друга. Это «старый трагизм».

Новый трагизм — это когда один говорит другой: «Я тебя люблю и жить без тебя не могу, давай умрем вместе». И они идут и умирают вместе.

Кто понимает все буквально? В первую очередь дети. Христос сказал: «Истинно говорю вам, если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное» (Мф.18:3).

«А, вы гоните нас в православие? Нет, спасибо большое!». Да не в православие я вас гоню, а в метанойю. «Покайтесь, ибо приблизилось Царствие Небесное!» Что означает «Измените свой ум, совершенствуйтесь, потому что время Внутреннего Совершенства уже рядом» (ср. «*Не придет Царствие Божие приметным образом, и не скажут: “Вот, оно здесь”, или “вот, там”. Ибо вот, Царствие Божие внутри вас*» (Лк. 17, 20–21)).

Под «детьми» же на самом деле, по мнению, Гурджиева там понимаются люди с развитой сущностью. После Фрейда, который назвал маленьких детей в «Трех очерках по теории сексуальности» полиморфными первертами, а также после Мелани Кляйн с ее «параноидно-шизоидной позицией» у младенцев говорить о ребенке в прямом смысле как о символе чистоты и т. п., как это любит «сентиментальное христианство» (гурджиевское определение), увы, не приходится.

И что же, всех-всех надо гнать в метанойю? Нет! Метанойя это такая вещь, к которой можно прийти добровольно и путем длительных «тренировок». Нет, не всех, «ибо много званых, но мало призванных». Не всех: не дядю Васю и не кухарку, которая управляет нашим государством. Скорее, читателей этой книги, которым есть, что терять; себя самого в первую очередь.

Но как же вообще можно призывать к трагизму. Какую трагедию мы имеем в виду? «Эдип царь»? Нет, там человек, в сущ-

ности, не отвечал за свои поступки. Там господствует судьба, точнее, рок. Скорее, «Гамлет», у которого был выбор. Но какой же выбор, если все предопределено? «Все что написано, на небесах записано» (Д. А. Пригов).

Но почему герой трагедии должен был страдать и что означает его «трагическая вина»? Мы сократим дискуссию и дадим быстрый ответ. Он должен пострадать, потому что он праотец, герой той великой доисторической трагедии, тенденциозное воспроизведение которой здесь разыгрывается, а трагическая вина это та, которую он должен взять на себя, чтобы освободить от вины хор.

Сцена на подмостках произошла от той исторической сцены, можно сказать, при помощи целесообразного искажения, в целях утонченного лицемерия. В той древней действительности именно участники хора причинили страдание герою; здесь же они изводят себя сочувствием и сожалением, а герой сам виноват в своем страдании. Взваленное на него преступление, заносчивость и возмущение против большого авторитета составляют именно то, что в действительности тяготит участников хора. Таким образом, трагический герой — против воли — становится спасителем хора (О. М. Фрейденберг).

Конечно этический аспект нового трагизма утопичен в логическом смысле: невозможно построить идеальный язык, на котором поневоле пришлось бы говорить то, что подразумеваешь. Но, кроме того, что он невозможен логически — проект логических позитивистов второго венского кружка, опиравшихся на наивно понятый «Логико-философский трактат», потерпел крах (благодаря вмешательству Поппера с его фальсификационизмом и Гёделя с теоремой о неполноте), кроме всего этого идеальный однозначный язык плох тем, что на нем нельзя писать стихи.

11.

Я на всю жизнь запомнил фразу Лотмана о том, что человечество всегда, с древних пор мучительно выживало, и при этом нет ни одной архаической культуры, в которой бы не было поэзии. Потом я прочитал знаменитую книгу Карла Бюхера «Работа и ритм» (1983) и нашел в них много общего:

Работа является и источником, и носителем художественно сложенной речи, а впоследствии — и первобытной народной поэзии. Автоматический способ ее сложения дал свободу духу, а то обстоятельство, что творения ее создавались в обществе, дало известный подъем настроению, и таким образом были созданы условия, необходимые для поэтического творчества. Между тем как тысячи рожденных минутой кантилен исчезли так же быстро, как появились, особенно удачные творения сохранились на долгое время, как та греческая мельничная песенка, которая связывает имя Питтака с тяжелой работой размалывания зерна. Так создавался ряд текстов песен, которые целиком пелись и другими при условиях той же работы. Но при этом импровизация никогда не исчезает бесследно. Сохранилась же она в известной степени в наших песнях при вбивании свай, трепании и чесании льна: здесь в зафиксированный текст вставляются различные имена лиц, к которым обращается песня и сообразно обстоятельствам меняются и качества, приписываемые им.

Основываясь на этом, мы приходим к выводу, что на низших ступенях своего развития работа, музыка и поэзия представляли собой нечто единое, но что основным элементом этого триединства была работа, между тем как остальные составные части имели только второстепенное значение. То, что их соединяло, был общий, присущий им всем ритм, который являлся сущностью как древней музыки, так и древней поэзии, в работе же появлялся только при известных обстоятельствах.

Таким образом мы в нашем исследовании дошли до одного вопроса, который мы не имели в виду решать, приступая к нашей работе, но который теперь неизбежно встает перед нами; это старый загадочный вопрос о происхождении поэзии. <...> Мой ответ не есть, как может быть многие предполагают, утверждение, что происхождения поэзии надо искать в работе. Ибо первобытные народы... вообще не знают нашего понятия работы во всем его технически-хозяйственном и профессионально-этическом смысле, и потому было бы неправильно приписывать им то, чем они и не могли обладать. То, что мы называем работой, — ряд телодвижений,

обусловленных вне их лежащею экономической целью, — еще совпадает у них со всякого рода телодвижениями, также и с теми, цель которых заключается в них самих или в сопровождающих их явлениях. Мы должны, следовательно, сказать, выражаясь точно: поэзию породило энергичное ритмическое движение тела, в особенности же то движение, которое мы называем работой. И это касается как формальной, так и материальной стороны поэзии.

Что касается материальной стороны, то уже поверхностного рассмотрения вышесообщенных трудовых песен достаточно, чтобы убедиться, что в них представлены все основные виды поэтических произведений. Правда, преобладает лирика; но среди них встречаются и произведения эпического характера, а драматический элемент мы легко можем найти в тех случаях, где при работах, идущих в такт, поет то старший работник (запевала), то его помощник (хор). Но при зачаточном состоянии трудовой поэзии нельзя этому выводу придавать слишком большое значение (<http://www.clubochek.ru/lib.php?rat=1&dog=28>).

Я вспомнил песню «Дубинушка» и удивился тому, насколько она не совпадает лакановскому закону «означающее влечет за собой другое означающее»:

Много песен слышал я в родной стороне,
В них про радость, про горе мне пели,
Но из песен одна в память врезалась мне, —
Это песня рабочей артели.

Припев:

Эх, дубинушка, ухнем!
Эх, зеленая, сама пойдет!
Подернем, подернем
Да ухнем!

И от дедов к отцам, от отцов к сыновьям
Эта песня идет по наследству,
И как только работать нам станет невмочь,
Мы к дубине, как к верному средству.

Я слышал эту песнь: ее пела артель,
Поднимая бревно на стропила.
Вдруг бревно сорвалось, и умолкла артель, —
Двух здоровых парней придавило.

Англичанин-мудрец, чтоб работе помочь,
Изобрел за машиной машину.
А наш русский мужик, коль работать невмочь,
Так затянет родную дубину.

Тянем с лесом судно, иль железо куем,
Иль в Сибири руду добываем, -
С мукой, с болью в груди одну песню поем,
Про дубину мы в ней вспоминаем.

И на Волге-реке, утопая в песке,
Мы ломаем и ноги, и спину,
Надрываем там грудь, и, чтоб легче тянуть
Мы поем про родную дубину.

Говорят, что мужик наш работать ленив,
Ну, и хлещут в согнутую спину.
Как же нам позабыть про родимый мотив
И не петь про родную дубину!

Деревенский наш поп обирает приход
И мужицкие деньги сгребает.
А наш дьякон с дьячком в этом деле святом
Все тому же попу помогают.

Но настанет пора — и проснется народ,
Разогнет он могучую спину.
И на бар и царя, на попов и господ
Он отыщет покрепче дубину.

Помнится, Роман Давидович Тименчик назвал это автомета-описанием. Может, вообще не надо писать стихи? Великий русский сатирик М. Е. Салтыков-Щедрин так издевался над стихами. Он писал: «Зачем скакать на одной ножке, да еще через каждые четыре шага подпрыгивать?» Вспомним теорию О. М. Фрейденберг о том, что наррация вышла из мифа. Да, но нужна ли нам эта наррация, и нужен ли нам этот миф?

12.

Мы, таким образом, решали поставить вопрос «от противного». Что, если бы не было культуры, то есть ненаследственной памяти человечества, а также норм и запретов? Что бы было, если бы люди не писали стихов, не сочиняли музыки и не рисовали портретов? Можно было сказать, что тогда это были бы и не люди, во всяком случае, существа без шизо-, существа, у которых не было бы арбитрального языка, то есть слова были бы похожи на вещи. Это были бы наши братья органики. Но наше представление об органиках однобоко. Ведь есть органическая культура. Органики не только пилят и строгают, а дома смотрят телевизор и трахают жену. Они еще рассказывают анекдоты, поют частушки и произносят тосты на свадьбах. Это все элементы духовной культуры. Конечно, органики не станут читать Кафку и Фолкнера, но, между прочим, многие из них хорошо играют в шахматы. От того, что психическая конституция органика, как правило, состоит из трех радикалов: истерического, эпилептоидного и циклоидного, — они очень психически неустойчивы. Ну а мы *очень* психически устойчивы? Нет! У нас другой набор радикалов: шизоидный, психастенический и компульсивный (как правило, у мужчин) и истерический (как правило, у женщин). Так вот, что бы *вообще* не было культуры, такого не может быть. Даже у террористов есть культура (правда, среди них есть шизоиды) — ислам. Тогда непонятно, как нам уберечься от органиков. Мы тоже рассказываем анекдоты, произносим тосты, а иногда даже поем частушки. В каждом шизоиде сидит маленький органик, вот в чем беда. Реальна ли угроза, что наша культура погибнет от органиков? Боюсь, что реальна. *Мы от них зависим*. Мы не умеем печь хлеб и забивать гвозди (вспомним дядю Поджера). У органиков же много аддикций в узком смысле — в основном от алкоголизма и наркомании. Они плохо умеют сдерживать свои инстинкты. Отсюда преступность. Но мы ушли в социологию — это на наша область. Самое главное в другом. В том, что органики живут не в сфере смыслов. Стол для них просто стол, телевизор — просто телевизор, Манька — просто Манька. Органик не живет по закону Лакана «от означающего к означаемому». Если депрессивному хотя бы теоретически

можно объяснить, что значит свободная ассоциация, то органик просто этого не поймет. Органическая психопатия не поддается психоанализу. Что же из этого всего следует?

13.

Тот факт, что слова не похожи на вещи, кажется некоей идеализацией. Слово «стол» действительно не похоже на вещь стол. Но про слово «сублимация» нельзя сказать, похоже оно или нет на сублимацию. А какие слова похожи на вещи? Междометия. Ах! Ох! Эй! Но можно ли сказать, что денотатом междометия является вещь? Скорее, это какое-то эмоциональное состояние. И потом вещей не бывает. Бывают высказывания и языковые игры. Как высказывание может быть похоже на факт? Витгенштейн считал, что может.

Однако существуют такие формы языка (иконизированные), которые как будто бы похожи на реальность. Мы имеем в виду, прежде всего, концепцию раннего Витгенштейна, изложенную им в «Трактате», в соответствии с которой предложения являются проекцией Реальности. Например, предложение «Земля больше Луны» является проекцией положения вещей «Земля больше Луны», в том смысле, что каждое слово в нем соответствует атомарному факту: «Земля» — Земле, «больше» — больше, «Луна» — Луне — и их порядок.

Что можно возразить на такую концепцию? Первое возражение может носить психологический характер. Если речь идет о проекции предложения на реальность, то вспомним психоаналитический термин «проекция». Он означает, что мы свои внутренние чувства переносим на внешний мир. Например, человек говорит: «Я ни в чем не виноват», в то время как другим ясно, что именно он во всем виноват. То есть проекция не обеспечивает похожести пропозиции на реальность, а наоборот переворачивает положение вещей с ног на голову. Более того, оно предполагает существование положений вещей, что вовсе не очевидно. Например, в такой разновидности проекции, как экстраективная идентификация «Я — Наполеон» пропозиция вообще не соответствует действительности, даже если предположить, что таковая существует.

Второе возражение касается иконического подобия чертежа фрагменту реальности, например, «Луна меньше Земли». Здесь как будто можно сказать, что действительно имеются два круга, один меньше другого, и это соответствует идее того, что Луна меньше Земли. Но до какой степени круги «Луна» и «Земля» похожи на соответствующие объекты реальности? Ведь это просто круги, один из которых больше, а другой меньше. И эти круги по размеру совершенно не похожи на Луну и Землю. (К тому же откуда мы знаем («знаем»), что Земля и Луна действительно круглые?) Они подобны им, как карта похожа на местность. Но если сделать карту точно такой же, как местность по размеру, то это будет просто удвоением реальности и уничтожит идею карты. То есть если соорудить модели Луны и Земли такие же большие и с такими же подробностями и из такого же материала — это предположит абсурдность самого эксперимента, это просто будут две Луны и две Земли. Вряд ли здесь можно будет говорить о схожести. Разве что об идентичности. Кроме того, мы говорим ведь именно не об иконическом, а конвенциональном языке, которым объясняются все люди. И сколь бы проективными ни были отношения между предложениями и положениями вещей, все равно нельзя сказать, что одно похоже на другое (Руднев 2011: 89).

В XX веке в связи с движением неомифологизма (в мифе и при шизофрении слова и вещи это одно и то же) Р. О. Якобсон, Клод Леви-Строс и Эмиль Бенвенист пытались показать, что слова похожи на вещи.

Морфология богата примерами знаков, в которых проявляется эквивалентность отношения между означающими и означаемыми. Так, в индоевропейских языках положительная, сравнительная и превосходная степени прилагательных обнаруживают постепенное нарастание числа фонем, например: *high — higher — highest*, *altus — altior — altissimus*. Таким способом означающие отражают градацию означаемых по степени качества.

Есть языки, в которых формы множественного числа отличаются от форм единственного дополнительной морфемой, в то время как, по данным Гринберга, нет такого языка, в котором это отношение было бы обратным. Означающее плюральной формы проявляет тенденцию отражать значение

количественного превосходства путем удлинения этой формы. Ср. личные формы глагола в единственном числе и соответствующие формы множественного числа с более длинными окончаниями во французском языке: 1 л. *je finis* — *nous finissons*, 2 л. *tu finis* — *vous finissez*, 3 л. *il finit* — *ils finissent*, или в польском языке: 1. *znam* — *znamy*, 2. *znasz* — *znacie*, 3. *zna* — *znają*. В склонении русских существительных реальные (ненулевые) окончания одного и того же падежа во множественном числе длиннее, чем в единственном. Проследивая по разным славянским языкам различные исторические процессы, которые постоянно создавали это соотношение, можно убедиться, что эти и многие подобные данные лингвистических наблюдений расходятся с утверждением Соссюра, что «в звуковой структуре означающего нет ничего, что носило бы какое-либо сходство со значимостью или значением знака» (Якобсон 1983: 365).

Мне кажется, что это высказывание знаменитого русского лингвиста очень наивно. Так что бы было, если бы слова действительно были похожи на вещи? Этот вопрос в свете концепции Витгенштейна, в соответствии с которой значение слова есть его употребление в речи, кажется вообще бессмысленным. Какое слово «стол» похоже на какую вещь стол? На письменный, на обеденный?

Квиты: вами я объедена,
Мною — живописаны.
Вас положат — на обеденный,
А меня — на письменный.

Представим себе слово. Представим себе слово «слово». Похоже ли слово «слово» на слово? Похоже! В чем тут дело? В учении о Божественном Логосе:

- 1 В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог.
- 2 Оно было в начале у Бога.
- 3 Все чрез Него начало быть, и без Него ничто не начало быть, что начало быть.

Бог (БОГЪ) это просто обыкновенное слово. Никаких вещей не нужно. А что сверх того, то от Лукавого.

Глава десятая

БОГ КАК МЕХАНИЗМ ЖИЗНИ

1.

Бог это самая сильная аддикция, от которой страдает человек, и она тем сильнее, что никакого Бога, по всей видимости, нет. Религии есть, а Бога никакого нету. Есть официальная церковная культура, которая носит властный характер. К вере или не вере в Бога она не имеет никакого отношения. «Мы больше не верим в глупые сказки о боге», — сказал Михаил Александрович Берлиоз. Но он это сказал неискренне незнакомому человеку, иностранцу, дьяволу, и за это поплатился головой. Люди говорят то, что нужно, — в этом авторитарный принцип культуры по Ю. М. Лотману. Бог — это важнейшая часть нашей культуры. В природе никакого Бога нет. Если вспомнить такое пронзительное произведение Юнга, как «Ответ Иову», то можно не сомневаться, что никакой веры у него не было.

В глубине души он (Бог. — В. Р.) и сам понимал, что снедаем гневом и ревностью, и знать об этом было мучительно. Проницательность соседствовала в нем со слепотой, как доброта — с лютостью, как творческая мощь — с тягой к разрушению. Все это существовало одновременно, и одно не мешало другому. Подобное состояние мыслимо лишь в двух случаях: либо при отсутствии рефлектирующего сознания, либо при рефлексии, сводящейся к чему-то просто данному и сопутствующему. Столь характерное состояние вполне заслуживает названия аморального (Юнг 1995:126).

Когда я был религиозен, я представлял себе Бога, совершенно по-другому, как некую совершенную и необъятную сущность, круг, центр которого везде, а окружность нигде. Бертран Рассел написал когда-то довольно посредственную книгу «Почему я не христианин». Ну, дескать, насилие, Крестовые походы. Инквизиция. Но к Богу это отношения не имеет — это политика. Но есть ведь еще легенда о Великом Инквизиторе. Зачем Иисус поцеловал старого разбойника в губы? Здесь видится явная трансвестийная перекличка с эпизодом, когда Иуда поцеловал в губы Христа в тот момент, когда в него вошел дьявол. А Великий Инквизитор открыто заявил Христу, что церковь уже давно служит дьяволу. Исторический Иисус был очень противоречивой личностью. Он мог быть милым и благородным, а мог быть суровым и желчным. Но дело, конечно, не в этом.

2.

А в чем? В аддикциях, которые построены на законах Лакана и проективной идентификации. Мировые религии сложились тогда, когда люди перестали считать, что бог так же зависит от их жертв, как они от его благорасположения. Как сказано в древней латышской дайне:

Что ты, боже, будешь делать,
Когда мы все перемрём?

В мировых религиях зависимость односторонняя. Бог не зависит от людей. Неомифологические представления о смерти Бога или критика Его в «Ответе Иову» не имеют к вере в Бога никакого отношения. А что такое вера в Бога? Ю. М. Лотман говорил, что, если с дьяволом заключают договор, то Богу *вручают себя*. И что бы Он с тобой ни делал, испытывал тебя, глумился над тобой, как над Иовом, все равно это необходимо принимать как благо. В этом наш «Ответ Юнгу». Я напому, что мы говорим о культуре, *всего лишь* о культуре. Когда умерла моя крестная мать, я понял, что потерял очень близкого человека. Я корил себя, что слишком мало уделял ей внимания. Мало советовался с ней. Во многом в этом была ее вина. При встрече она говорила: «Ну, Вадик, расскажите о себе!» и тут же начинала рассказывать

о себе. Теперь она больше не рассказывает о себе, и я мысленно могу советоваться с ней, сколько угодно. Но я не могу сказать, что завишу от нее. После ее смерти наши отношения стали идеальными. Возможно, так это и нужно. Так вот Христос. Что он сделал в культуре? Он дал нам психологию. Он сделал нас невротиками (подробно об этом см. нашу книгу Руднев 2013). Хорошо ли это было с его стороны? Об этом мы не можем судить, так как Даниил Андреев написал в «Розе мира», что миссия Христа была прервана. Но вот мы говорим — природа и культура. А разве природа — не культура? Зерновые культуры. Связан ли Бог с той природой, которую мы преобразуем своими руками? Боюсь, что связан. Люди молились богам, чтобы он дал дождь, чтобы не было засухи. Нужен ли Бог людям, нужна ли идея Бога людям? Я думаю, что нет. Человек сам построил свою культуру, не от чего, в общем, не завися. Но Бог нужен культуре как некая межмировая точка отсчета, на которую можно ориентироваться. В этом смысле Гурджиев говорил не о Боге, а о Луче Творения.

3.

П. Д. Успенский писал:

Цепь миров, звенья которой составляют Абсолютное, все миры, все солнца, наше Солнце, планеты, нашу Землю и Луну представляет собой «луч творения», в котором мы находим и себя. «Луч творения» является для нас миром в полном смысле этого слова, поскольку Абсолютное порождает множество (возможно, бесконечное множество) разных миров, каждый из которых начинает новый и отдельный луч творения. Далее, каждый из этих миров содержит в себе множество миров, представляющих собой дальнейшее разделение луча; и опять из этих миров мы выбираем только один — наш Млечный Путь, состоящий из множества солнц; но и из этого множества мы выбираем одно солнце, ближайшее к нам, от которого мы непосредственно зависим, в котором живём, движемся и пребываем. Каждое из других солнц означает новое дробление луча; но мы не в состоянии изучить все эти лучи таким же образом, как наш луч, в котором мы находимся. Внутри Солнечной системы мир планет находится к нам

ближе, чем само Солнце; а среди мира планет ближайшей к нам планетой является Земля, планета, на которой мы живем. Нам нет необходимости изучать другие планеты так же, как мы изучаем Землю; достаточно взять их все вместе, т. е. в значительно меньшем масштабе, чем мы берём Землю. Таким образом, луч творения помогает нам установить и понять наше место во вселенной.

Гурджиев (а это записано, очевидно, с его слов), как всегда, соединяет психологию и космологию. В лучике творения мы находим себя. Как это понимать? Обращает на себя внимание, что в этой цитате Гурджиев апеллирует к множеству миров. Но это опять-таки множество *возможных* миров. Гурджиеву не приходило в голову или, если приходило, он этого не озвучивал, поскольку считал себя хранителем древней традиции, а современную науку презирал, что это множество миров может существовать параллельно. Я думаю, было бы заблуждением считать, что как только речь заходит о параллельных мирах и предопределении, мы начинаем вести речь о Боге. Принцип предопределенности носит светский характер. Все могло быть предопределено Большим Взрывом, хотя и Большой Взрыв это метафора. Мы живем среди метафор, а метафоры аддиктивны. Если меня жена спрашивает, куда я иду, и я отвечаю, что я иду за хлебом в «Пятерочку», то я становлюсь зависимым от своего ответа. Но где же здесь метафора? Ну как же! «Пятерочка» — сеть самых дешевых продовольственных магазинов в Москве. А причем здесь аддикция? Ну как, я сказал жене, что иду туда и завишу от своего решения. Если я вместо этого я пойду в респектабельный универсам «Перекресток», я кого-то обману. Бога я обману в лице своей любимой жены. А имеет ли это все значение? Имеет. Если я хожу в «Пятерочку», я позиционирую себя как бедного. Если я иду в «Перекресток», я тем самым определяю себя как обеспеченного человека. И здесь важен, конечно, не денотат (сколько у меня денег), а сигнификат. Понты, как говорят уголовники. Ну а Бог-то причем? В соответствии с законом Лакана я выхожу из дома и повторяю: «Хлеб наш насущный дай нам на сей день!» Вообще представление о том, что ценно только настоящее, а будущего вообще нет, поскольку оно предопределено, представляется мне глубоко

верным: «Довлеет дневи злоба его» (Мф. 6:34). Бог обеспечивает межмировую связь между дешевой «Пятерочкой» и респектабельным «Перекрестком». В чем эта связь состоит? В том, что я могу пойти и туда и туда. Все это звучит несколько пародийно. Нет, я рассуждаю вполне серьезно, просто такие бытовые примеры приняты в философии обыденного языка. Что такое философия обыденного языка? Это значит принцип «оставить все как есть». Проанализировать все и сказать: «Да, это так все и есть — один люди искренне верят в Бога, а другие притворяются перед самими собой». Я не хочу притворяться и считаю важным сказать это своим читателям. Не притворяйтесь! Не надо! Бог все видит и слышит. Важно просто быть счастливым. Это не обязательно дядя Вася, телевизор и жена с большими сиськами. Это значит другое. Что человек выбирает себе миры, в которых ему комфортно. Этих миров множество, и это множество ничто иное как бессознательное Матте Бланко. И, пожалуйста, ходите за хлебом в «Перекресток», ибо понты дороже денег.

4.

Можно ли отношения человека с Богом рассматривать как отношения проективной идентификации? Я имею в виду общение с Богом мировой религии. А то, как любят говорить психиатры, если ты говоришь с Богом, то это молитва, а когда Бог говорит с тобой, то это галлюцинация. Отношение молящегося с Богом это отношение контейнируемого с контейнером. Когда человек молится Богу, он в сущности, контейнирует в Него странные объекты своей психики. Странные объекты можно понимать в узком Бионовском смысле и в широком (так они представлены в моей книге Руднев 2014). Если понимать их в узком смысле, то это уже не молитва, а психотическое состояние.

— О, бог... — простонал Левий, понимая, что он опаздывает. И он опоздал.

Когда истек четвертый час казни, мучения Левия достигли наивысшей степени, и он впал в ярость. Поднявшись с камня, он швырнул на землю бесполезно, как он теперь думал, украденный нож, раздавил флягу ногою, лишив себя

воды, сбросил с головы кефи, вцепился в свои жидкие волосы и стал проклинать себя.

Он проклинал себя, выкликая бессмысленные слова, рычал и плевался, поносил своего отца и мать, породивших на свет глупца.

Видя, что клятвы и брань не действуют и ничего от этого на солнцепеке не меняется, он сжал сухие кулаки, зажмурившись, вознес их к небу, к солнцу, которое сползало все ниже, удлиняя тени и уходя, чтобы упасть в Средиземное море, и потребовал у бога немедленного чуда. Он требовал, чтобы бог тотчас же послал Иешуа смерть.

Открыв глаза, он убедился в том, что на холме все без изменений, за исключением того, что пылавшие на груди кентуриона пятна потухли. Солнце посылало лучи в спины казнимых, обращенных лицами к Ершалаиму. Тогда Левий закричал:

— Проклинаю тебя, бог!

Осипшим голосом он кричал о том, что убедился в несправедливости бога и верить ему более не намерен.

— Ты глух! — рычал Левий, — если б ты не был глухим, ты услышал бы меня и убил его тут же.

Зажмурившись, Левий ждал огня, который упадет на него с неба и поразит его самого. Этого не случилось, и, не разжимая век, Левий продолжал выкрикивать язвительные и обидные речи небу. Он кричал о полном своем разочаровании и о том, что существуют другие боги и религии. Да, другой бог не допустил бы того, никогда не допустил бы, чтобы человек, подобный Иешуа, был сжигаем солнцем на столбе.

— Я ошибался! — кричал совсем охрипший Левий, — ты бог зла! Или твои глаза совсем закрыл дым из курильниц храма, а уши твои перестали что-либо слышать, кроме трубных звуков священников? Ты не всемогущий бог. Проклинаю тебя, бог разбойников, их покровитель и душа!

Тут что-то дунуло в лицо бывшему сборщику и что-то зашелестело у него под ногами. Дунуло еще раз, и тогда, открыв глаза, Левий увидел, что все в мире, под влиянием ли его проклятий или в силу каких-либо других причин, изменилось. Солнце исчезло, не дойдя до моря, в котором тону-

ло ежевечерне. Поглотив его, по небу с запада поднималась грозно и неуклонно грозовая туча. Края ее уже вскипали белой пеной, черное дымное брюхо отсвечивало желтым. Туча ворчала, и из нее время от времени вываливались огненные нити. По Яффской дороге, по скудной Гионской долине, над шатрами богомольцев, гонимые внезапно поднявшимся ветром, летели пыльные столбы. Левий умолк, стараясь сообразить, принесет ли гроза, которая сейчас накроет Ершалаим, какое-либо изменение в судьбе несчастного Иешуа. И тут же, глядя на нити огня, раскраивающие тучу, стал просить, чтобы молния ударила в столб Иешуа. В раскаянии глядя в чистое небо, которое еще не пожрала туча и где стервятники ложились на крыло, чтобы уходить от грозы, Левий подумал, что безумно поспешил со своими проклятиями. Теперь бог не слушает его.

Странный объект в широком смысле это Молитва Господня:

Отче наш, Иже еси на небесех!
Да святится имя Твое,
да приидет Царствие Твое,
да будет воля Твоя,
яко на небеси и на земли.
Хлеб наш насущный даждь нам днесь;
и остави нам долги наша,
якоже и мы оставляем должником нашим;
и не введи нас во искушение,
но избави нас от лукаваго.
Ибо Твое есть Царство и сила и слава во веки.
Аминь.

Почему «Отче наш» это странный объект? Что такое странный объект в широком смысле? Это такой объект который сильно воздействует на другой? В этом смысле молитва идеально подходит под определение странного объекта. Бог, если Он умеет мечтать, должен услышать молитву, контейнировать ее в себя, чтобы молящемуся стало легче. Почему же молитвы очень часто не доходят до Бога? Потому что мы не умеем молиться. Как же мы хотим, чтобы Бог слышал нас если компульсивно-бессмысленно (эго-дистонно, как говорят психоаналитики) повторяем

одно и то же. В повести Сэлинджера «Френни» девушка довела себя почти до безумия тем, что бессмысленно повторяла Иисусову молитву. (Господи, Иисусе Христе, Сыне и Слове Божий, молитв ради пречистой Твоей Матери, помилуй мя, грешного.) Для того чтобы молитва дошла, нужно особе медитативное состояние, снимающее шоры сознания. Толстой в «Фальшивом купоне» показал это раскаяние убийцы Степана.

И тут Степана прохватывала дрожь, и он начинал читать молитвы, какие знал: «Богородицу», «Вотче», и сначала как будто помогало. Читая молитвы, он начинал вспоминать свою жизнь: вспоминал отца, мать, деревню, Волчка-собаку, деда на печке, скамейки, на которых катался с ребятами, потом вспоминал девок с их песнями, потом лошадей, как их увели и как поймали конокрада, как он камнем добил его. И вспоминался первый острог, и как он вышел, и вспоминал толстого дворника, жену извозчика, детей и потом опять вспоминал ее. И ему становилось жарко, и он, спустив с плеч халат, вскакивал с нары и начинал, как зверь в клетке, скорыми шагами ходить взад и вперед по короткой камере, быстро поворачиваясь у запотелых, сырых стен. И он опять читал молитвы, но молитвы уже не помогали.

Тогда Степану однокамерник стал читать Евангелия, и Степан постепенно к концу повести преобразился так, что стал почти святым. И все же если мы решили, что Бог развитой мировой религии не зависит от людей, то как в таком случае мы можем говорить о проективной идентификации, взаимной зависимости? Очень просто. Бог есть *проекция* нашей психики, и мы с легкостью *отождествляем* себя с нею. Но так можно зайти слишком далеко и сказать, что мать есть проекция нашей психики. Но Фредерик Пёрлз, основатель гештальт-терапии, считал, что вся реальность есть проекция нашей психики. Так что получается, что психика есть, а реальности нету. Но проекция это нечто реальное. Это внутреннее, которое мы принимаем за внешнее. То же самое сновидения и галлюцинации вполне реальны для тех, кто их видит. Просто они еще не достаточно изучены. Бог не зависит от нас, и мы не зависим от Него. Это просто языковая игра в духе позднего Витгенштейна, а языковая игра, говорил он, это

форма жизни. Бог это форма жизни, или механизм жизни, может быть, самый сложный.

5.

Что же такое, в сущности, механизм жизни? Является ли сердечно-сосудистая система механизмом жизни? Нет! Механизм жизни это то, что одновременно помогает и мешает жить. Это, скажем, механизмы защиты, которые систематизировала Анна Фрейд. В каком смысле механизм защиты помогает человеку? Он отчасти избавляет его от психических страданий. Например, при интроекции депрессивная личность как бы проглатывает утраченный объект и так и живет с ним. Но ведь это очень мешает жить — с проглоченным интроектом внутри. Одним из важнейших механизмов жизни является человеческая речь. Она всегда и помогает, и мешает. Она работает в испорченном режиме. Мы очень часто не можем сказать, что хотим выразить. Язык — очень сложный механизм и очень несовершенный. Витгенштейн считал, что все философские проблемы коренятся в несовершенстве языка. Стоит сделать язык совершенным, и все они автоматически исчезнут. Такова была программа Венского логического кружка — сделать язык идеальным. Но сам Витгенштейн занял своеобразную позицию по отношению к своим ученикам. Он подсмеивался над ними. Во-первых, гораздо важнее то, что не выразить при помощи языка — этическое, эстетическое, мистическое. (Во всяком случае, он так считал.) Во-вторых, идеальный язык, который решит все философские проблемы (если решит), поставит много новых проблем. Например, на таком языке нельзя будет писать стихи. Что такое механизм жизни? Это сочетания психической конституции, модальности и механизма защиты. Например, шизоидное эпистемическое отрицание (подробно см. первую главу моей книги Руднев 2002). Можно ли определить, какова психическая конституция Бога? Можно! Бог это шизоид-аутист. Что характерно для шизоида? Он хочет быть один и, в то же время, не один. Что это значит? Одному хорошо, никто тебя не тревожит, не беспокоит. Ты — аутист-творец и творишь ты для самого себя. «В стол». Но неужели же самому разоутическому аутисту не хотелось бы хоть один раз одному

человеку показать свое творение? Хотелось бы! И шизоид в буквальном смысле выходит из себя и начинает показывать свои книги, стихи, симфонии. И, как правило, кому попало. И Богу ничего не остается как сотворить мир — нате, смотрите! А когда посмотрят, ой как захочется узнать, что они об этом думают. Вот так идеальный аутист Бог превращается в юнговского Бога-психопата.

Литература

- Аверинцев С. С. Поэтика раннесредневековой литературы. М., 1977.
- Бинсвангер Л. Бытие-в-мире. СПб., 1999.
- Бион У. Научение через опыт переживания. М., 2008.
- Бион У. О психотической и непсихотической частях личности. 2008 <1957>.
- Бион У. Нападение на связи // Там же.
- Бион У. Элементы психоанализа. М., 2009.
- Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. М., 1958
- Ганнушкин П. Б. К вопросу о шизофренической конституции // Ганнушкин П. Б. Избранные труды. М., 1998.
- Гаспаров Б. М. Из наблюдений над синтаксисом современного русского языка: Простое предложение. Тарту, 1972.
- Гаспаров Б. М. Некоторые дескриптивные проблемы музыкальной семантики // Труды по знаковым системам, вып. 8. Тарту, 1978.
- Грайс Х. П. Слушающие и речевой акт // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16, 1985.
- Делёз Ж. Различие и повторение. М., 1997
- Делёз Ж. Лекции о Лейбнице. М., 2015.
- Джонс Э. Жизнь и творения Зигмунда Фрейда. М., 1997.
- Кемпинский А. Психология шизофрении. СПб., 1998.
- Киногодо Ж.-М. Читая Фрейда. М., 2012.
- Коллин Р. Теория вечной жизни. М., 2014.
- Кремчер Э. Об истерии. М., 2001.
- Лакан Ж. Стадия зеркала и ее значение в психоанализе // Лакан Ж. Инстанция буквы в бессознательном, или Судьба разума после Фрейда. М., 1997.
- Лакан Ж. Имена Отцов. М., 2006.

- Леви-Строс К. Структурная антропология. М., 1983.
- Лотман Ю. М. Анализ поэтического текста: Структура стиха. Л., 1972.
- МакВильямс Н. Психоаналитическая диагностика. М., 1998.
- Менский М. Б. Сознание и квантовая физика. Фрязино, 2011.
- Минковски Э. Случай шизофренической депрессии // Экзистенциальная психология. М., 2000.
- Николл М. Цель. М., 2009.
- Остин Дж. Как производить действия при помощи слов? М., 1999.
- Рейхенбах Г. Направление времени. М., 1960.
- Руднев В. Морфология реальности. М., 1996.
- Руднев В. Божественный Людвиг: Витгенштейн — формы жизни. М., 2002.
- Руднев В. Характеры и расстройства личности. М., 2002а.
- Руднев В. Педантизм и магия // Руднев В. Апология нарциссизма. М., 2007.
- Руднев В. Полифоническое тело. М., 2010.
- Руднев В. Введение в шизореальность. М., 2011.
- Руднев В. Новая модель шизофрении. М., 2012.
- Руднев В. Иисус Христос и философия обыденного языка. М., 2013.
- Руднев В. Новая модель сновидения. М., 2014.
- Руднев В. Странные объекты. М., 2014а.
- Руднев В. Логика бреда. М., 2015.
- Руднев В. Новая модель времени. М., 2015а.
- Руднев В. Новая модель реальности. М., 2016.
- Руднев В. Прецедентный анализ // Сборник Матице српске за славистику. № 90. 2016а.
- Руднев В. Против Истины. М., 2017.
- Руднев В. Принцип предопределенности: Жизнь против жизни в параллельных мирах. М., 2017а.
- Салецл Р. (Из)вращения любви и ненависти. М., 2000.
- Сас Т. Миф душевной болезни. М., 2010.
- Степанов Ю. С. Семиотика. М., 1972.
- Степанов Ю. С. В трехмерном пространстве языка. М., 1985.
- Успенский В. А. Что такое парадокс // Finitis duodecim lustris: Сборник статей к 60-летию проф. Ю. М. Лотмана. Тарту, 1982.

- Успенский П. Д. Новая модель вселенной. М., 2004.
- Успенский П. Д. В поисках чудесного. М., 2016.
- Фенихель О. Психоаналитическая теория неврозов. М., 2004.
- Ференци Ш. Ступени развития чувства реальности // Ференци Ш. Теория и практика психоанализа. М., 2000.
- Фрейденберг О. М. Поэтика сюжета и жанра. М., 1997.
- Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М., 1994.
- Хайдеггер М. Бытие и время. М., 1993.
- Шкловский В. О теории прозы. Л., 1925.
- Шпильрейн С. Деструкция как причина становления // Шпильрейн С. Психоаналитические труды. Ижевск, 2008.
- Шулепов Е. Игривость и драматизм: Ключевые понятия новой модели желания. М., 2016 (рукопись).
- Юнг К. Г. Ответ Иову. М., 1995.
- Юнг К. Г. Труды по психиатрии. М., 2000.
- Якобсон Р. О. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «За» и «против». М., 1975.
- Якобсон Р. О. В поисках сущности языка // Семиотика / Под ред. Ю. С. Степанова. М., 1983.
- Crow T. Is schizophrenia the price that Homo sapiens pays for language? // Schizophrenia Research, 28, 1997.
- Doležel L. Narrative worlds // Sound, sign and meaning. Ann Arbor, 1979.
- Dunne J. W. An experiment with time. L., 1920.
- Dunne J. W. Nothing dyes. L., 1940.
- Matte Blanco I. Unconscious as Infinite Sets: An Essay in Bi-logic. L., 1998.
- Roudinesco E. Jacques Lacan: Esquisse d'un système de pensée. Paris, 1992.

Оглавление

От автора	5
Глава первая. Homo Narrativus	7
Глава вторая. Деперсонализация или диссоциация?	28
Глава третья. Магическая импликация	43
Глава четвертая. Желание	63
Глава пятая. По ту сторону влечения к смерти	85
Глава шестая. Новая модель депрессии	106
Глава восьмая. Сознание и предопределенность	124
Глава девятая. Аддикции	143
Глава десятая. Бог как механизм жизни	170
Литература	180

CIP — Каталогизација у публикацији
Народна библиотека Србије, Београд

159.97

81'22:159.964.2

РУДНЕВ, Вадим Петрович, 1958–

Механизмы жизни / Вадим Руднев. — Белград:
Филологический факультет Белградского универ-
ситета, (Севојно: Grafičar). — 182 стр.; 20 cm

"... в рамках проекта 'Литература и визуальные
искусства: русско-сербский диалог' (№ 178003)..."
— колофон. — Тираж 300. — Библиографија:
стр. 180–182.

ISBN 978-86-6153-415-7

а) Психопатологија

б) Семиотика — Психоанализа

COBISS.SR-ID 254397964